ISSN 2074-6636

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1946 году

Серия 22

теория перевода

4/2022

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 **ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА**

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 15 • 2022 •
ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в три месяца

http://www.vestnik-translation.ru/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007
Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22 **TRANSLATION STUDIES JOURNAL**

Publishing house of Moscow State University

No. 4 • Volum 15 • 2022 •
OCTOBER – DECEMBER

Published once every three months

http://www.vestnik-translation.ru/
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation
Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007
Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна,** доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна,** кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.,** доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна,** доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич,** кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович,** доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель,** доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss,** Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Christian Balliu,** Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky,** Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Elefterios K. Charatsidis,** Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner,** Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia); **Nina B. Isolahti,** School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova,** Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Hannelore Lee-Jahnke,** Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov,** Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Edward N. Mishkurov,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo,** Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Peter Holzer,** Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Peter A. Schmitt,** Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov,** Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Maurizio Viezzi,** Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova,** Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

Гарбовский Н.К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе 7

Костикова О.И. Переводчик на рубеже цивилизаций 25

Методология перевода

Ибрагимшарифи Шлер, Галебанди Сафура. Трудности перевода русских частиц на персидский 47

Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. К вопросу о компрессии в синхронном переводе в разных видах дискурса 59

Политова А.А. Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей 79

Дидактика перевода

Царева Н.Ю. Категория связности как ключ к формированию текстовой компетенции будущего переводчика 99

Лингвистические аспекты перевода

Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте 108

Рецензии

Хухуни Г.Т. Новое слово в историческом переводоведении (Рецензия на книгу: Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.) 129

Хроника научной жизни

Алевич А.В., Мешкова Е.М. XXIX Международная научная конференция «Ломоносов» 136

Алевич А.В. Международный филологический форум памяти академика Людмилы Алексеевны Вербицкой 140

Есакова М.Н., Ковалева К.Н. XII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» 143

Есакова М.Н., Ковалева К.Н. IX Международный научно-образовательный форум «Языки. Культуры. Перевод» 147

Котова С.Е. Дидактика перевода в цифровую эпоху. III Международный методический семинар 149

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2022 год 155

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

CONTENTS

General Translation Theory

Garbovsky N.K. "There can be no such science." Towards the epistemology of the science of translation 7

Kostikova O.I. Interpreter between two civilizations 25

Translation Methodology

Shler E., Safoora G. Difficulties in translating Russian particles into Persian 47

Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. Compression in simultaneous interpreting in different types of discourse. 59

Politova A.A. Unification of translation of Chinese toponyms into Russian in view of their structural peculiarities 79

Translation Didactics

Tsareva N.Yu. The category of connectivity as the key to the text competence of the future translator 99

Linguistic Aspects of Translation

Bogomolova A.V., Gorshkova V.Ye. Discursive personality of the author of a pamphlet from a translation perspective 108

Reviews

Khukhuni G.T. New word in modern translatology (about the book: Garbovskij N.K., Kostikova O.I. Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. 318 p.). 129

Chronicles of Scientifi c Life

Alevich A.V., Meshkova Ye.M. The 29th International scientific conference for undergraduate and graduate students and young scientists "Lomonosov" 136

Alevich A.V. International philological forum in memory of academician Lyudmila Verbitskaya 140

Yesakova M.N., Kovalyova K.N. The 12th International scientific conference "The Russian Language and Culture in the Mirror of Translation" 143

Yesakova M.N., Kovalyova K.N. The 9th International scientific and educational forum "Languages. Culture. Translation" 147

Kotova S.E. Translation didactics in digital ERA. The 3rd International methodical seminar 149

Index of the articles and material published in the journal "Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda" in 2022 155

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81’25
ББК 81.18

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

«ТАКОЙ НАУКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ». К ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Николай Константинович Гарбовский

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена 70-летию выхода в свет статьи известного советского лингвиста А.А. Реформатского «Вопросы теории перевода», сыгравшей немалую роль в определении статуса науки о переводе в системе отечественного гуманитарного научного знания. В статье рассматриваются концепция А.А. Реформатского по отношению к теории перевода как области научного знания, сложившаяся на основе лингвистических представлений середины XX в., и его трактовка некоторых теоретических вопросов перевода с позиций науки о переводе начала XXI в.

Ключевые слова: Реформатский А.А., теория перевода, лингвистические вопросы перевода

Для цитирования: *Гарбовский Н.К.* «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

“THERE CAN BE NO SUCH SCIENCE.” TOWARDS THE EPISTEMOLOGY OF THE SCIENCE OF TRANSLATION

Nikolai K. Garbovsky

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of the publication of the article by the famous Soviet linguist A.A. Reformatsky “Issues of the Theory of Translation”, which played a significant role in determining the status of the science of translation in the system of Russian humanitarian scientific knowledge. The article discusses the concept of A.A. Reformatsky in relation to the theory of translation as a field of scientific knowledge, his interpretation of some theoretical issues of translation from the standpoint of linguistics at the beginning of the second half of the 20th century.

Keywords: A.A. Reformatsky, translation theory, linguistic issues of translation

For citation: *Garbovskiy N.K.* (2022) “There can be no such science.” Towards the epistemology of the science of translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

The article was received December 13, 2022;
approved after reviewing January 23, 2023;
accepted for publication February 15, 2023.

В конце 1952 г. один из ведущих советских филологических журналов — *Иностранные языки в школе* — в шестом номере, завершающем год, опубликовал статью авторитетного советского лингвиста А.А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода». Выдающийся учёный и педагог, по учебнику которого познавало науку о языке не одно поколение советских языковедов[1],

[1] *Реформатский А.А.* Введение в языковедение, 1947. Дальнейшие издания выходили под заголовками «Введение в языкознание» и «Введение в языковедение». Редактор издания учебника 1996 г. В.А. Виноградов в статье «Александр Александрович Реформатский и его книга», открывавшей новое издание, писал: «Именно то обстоятельство, что книга написана не просто блистательным педагогом, но одним из виднейших отечественных языковедов, сразу сделало её чем-то бóльшим, чем просто учебником для начинающих филологов. К ней часто и охотно обращались вполне зрелые учёные разных лингвистических (и не только) специальностей,

отметив, что для Советского Союза «проблема перевода представляет самоочевидную необходимость; это вызывается и международной обстановкой, и внутрисоюзной многонациональностью, и освоением мировой и художественной классики» (Реформатский, 1952: 12), обращается к эпистемологии знания о переводе: «Поэтому, естественно возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли она быть?» (Там же). И даёт однозначный ответ в весьма категоричной форме: «Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода» (Там же). Реформатский сравнивает специальный научный перевод с поэтическим, филологический перевод классиков с переводом в гидах и разговорниках и заключает: «Общего знаменателя у этих разноделимых величин нет» (Там же).

В этом чрезмерно категоричном тезисе сформулирована концепция Реформатского по отношению к переводу как объекту научного знания: отсутствие общих закономерностей у различных видов, типов, жанров перевода делает невозможным определение предмета науки о переводе. При этом Реформатский отнюдь не отрицает необходимость теоретического осмысления проблем перевода: «Однако есть **одна**[2] наука, — утверждает он, — которая, никак не претендуя на звание «науки о переводе», может быть полезна для любого типа и жанра перевода. Это — лингвистика» (Там же).

Реформатский определяет и область, в рамках которой должно осуществляться «первое научное осмысление проблем перевода» (Там же), этой областью объявляется «дифференциальное сопоставление языков в разрезе их структуры», что в современных терминах может быть определено как сопоставительное языкознание.

Реформатский строит классический силлогизм: перевод существует потому, что языки разные; языки разнятся своими структурами, следовательно, для понимания перевода необходимо понимание межъязыковых различий на разных уровнях языковой структуры.

Развивая идею о том, что лингвистика способна решить все проблемы перевода, Реформатский рассматривает некоторые вопросы

когда им требовалась ссылка на авторитетное мнение общего языковеда, особенно в области фонологии, в развитии которой А.А. Реформатский сыграл выдающуюся роль как один из создателей и теоретиков Московской фонологической школы» (См.: Реформатский, Введение…).

[2] Выделено мной — *Н.Г.*

перевода «исключительно с точки зрения лингвистической проблематики» (Там же) и приводит примеры межъязыковой асимметрии, проявляющейся в реальных фактах переводческой практики.

Скрупулёзный лингвистический анализ фактов межъязыковой асимметрии, безусловно, убеждает в том, что переводной материал в сопоставлении с оригиналом представляет собой неисчерпаемый и чрезвычайно важный источник лингвистических фактов для сопоставительного языкознания и лингвистический науки в целом. Но остаётся вопрос: действительно ли он способен предложить обоснованные решения всех проблем, возникающих в процессе реального перевода? Из этого вопроса логически вытекает следующий: каково соотношение собственно лингвистических и иных, социологических, культурологических, исторических, психологических и др. причин, обусловливающих переводческие решения и вызывающих переводческие ошибки? И, наконец, последний вопрос: не проявляются ли в этих примерах переводческих случаев, подобранных Реформатским по определённым лингвистическим критериям, более общие закономерности переводческих решений, понимание которых требует системных решений на основе междисциплинарного знания, т.е. особой отрасли научного знания — науки о переводе.

Кратко остановившись на том, чем различаются языки, Реформатский высказывает весьма важную для теории и дидактики перевода мысль о том, что нередко в текстах, сталкивающихся в переводе, внешне подобное, казалось бы, аналогичное, содержит серьёзные различия, способные привести к смысловым и стилистическим искажениям: «Гораздо труднее изыскать и обосновать те случаи, когда в языках есть что-то общее, а не разное» (Там же: 13). Реформатский обращается к лингвистическим причинам возникновения такого обманчивого подобия, называя в качестве таких причин общность происхождения в родственных языках, параллельное заимствование и случайное межъязыковое подобие фонетических форм, т.е. «межъязыковую омонимию».

Начиная анализ переводческих проблем в сфере близкородственных языков, Реформатский приводит пример украинского слова в звательном падеже — *мамо!* Сославшись на авторитет К.И. Чуковского — «Уже давно К.И. Чуковский правильно указал, что украинское «мамо!» нельзя переводить русским «мама!» (Там же), — он даёт лингвистическое объяснение причин межъязыковой асимметрии в пределах этих форм и заключает, что если бы украинское *мамо* соответствовало русскому *мама*, то «тогда запорожцы, спутники Гоголевского кузнеца Вакулы не могли бы обратиться

с этим «мамо» к Екатерине II, а они всё-таки обратились, так как «мамо!» — это не *мама!*, а *матушка!*».

Категоричность вывода настораживает. Прежде всего возникает вопрос, о каком переводе идёт речь, если текст повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» написан на русском языке, и обращение запорожцев в Екатерине II не что иное, как иноязычное (украинское) вкрапление «*мамо!*» в русском литературном тексте:

> «*Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:*
> *— Помилуй, мамо! помилуй!*
> *Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.*
> *— Встаньте, — прозвучал над ними повелительный и вместе с тем приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.*
> *— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы*» (см.: Гоголь).

В гоголевском тексте нет ни *мамы*, ни *матушки*. Следовательно, речь идёт не о переводе, а о явлении межъязыковой асимметрии в группе сходно звучащих (*мамо/мама*) и функционально аналогичных (обращение) форм близкородственных языков. Вероятно, пример служит предостережением будущим переводчикам, некой рекомендацией, подтверждающей положение о том, что лингвистика «может быть полезна для любого типа и жанра перевода». Но в этом случае возникает другой вопрос: всегда ли действительно «мамо!» — это не *мама!*, а *матушка!*», т.е. всегда ли в переводе с украинского языка на русский следует осуществлять эту замену? Можем ли мы, например, использовать эту рекомендацию для перевода следующих строк украинской песни «Журавлі»:

> «*Мамо, мамо! — він крикнув криком журавлиним,*
> *Мамо, мамо, і янголом злетів у вись*»[3].

Следовательно, предложенный Реформатским лингвистический комментарий (общность корня, сохранение в украинском языке общеславянской формы звательного падежа и её соответствие форме именительного падежа в русском языке) оказывается недостаточным для принятия решения переводчиком.

Чуковский, на авторитет которого ссылается Реформатский, вовсе не указывал на то, что украинское *мамо* нельзя переводить русским *мама*, а рассматривал конкретный случай, когда такая замена невозможна, при этом показал социальные, этические, причины неуместности замены, лежащие в основе асимметрии не грамматических, а стилистических систем двух близкородственных языков:

---

[3] Текст песни *Білоконь Олены* — Журавлі.

«Когда украинец говорит слово «мамо» или «мати», для его языкового сознания эти слова находятся в полной гармонии со словами самого высокого стиля. Поэтому Шевченко в своём подражании пророку Осии мог среди торжественных библейских восклицаний написать и такое:

Воскресни, мамо!
Но когда Сологуб перевёл этот возглас:

Воскресни, мама! — у него получилось водевильно-пародийное смешение стилей, потому что для русского языкового сознания слово «мама» — комнатное, интимное слово, столь же неуместное в библейской торжественной речи, как, например, мамаша или маменька. Стилистическая неадекватность двух одинаково звучащих слов здесь очевидна для каждого»[4].

Иначе говоря, украинское *мамо* находится в гармонии не только со словами самого высокого стиля, но вполне приемлемо и в обстановке интимности, т.е. его стилистический потенциал выше, чем у русского слова *мама*.

Проблема же для теории перевода состоит не только в констатации стилистической асимметрии близкородственных языков, что безусловно важно для перевода, но и в социальном, этическом и историческом обосновании переводческого решения о выборе той или иной формы для передачи иноязычных вкраплений в конкретной коммуникативной ситуации.

Пример с гоголевскими запорожцами, приведённый Реформатским, представляет интерес для анализа переводческих решений и за пределами пары близкородственных языков. В частности, перевод этого фрагмента на французский язык показывает, какие собственно переводческие проблемы могут возникнуть. Переводчик для передачи украинского обращения использует форму *petite Mère*:

Brusquement, tous les Zaporogues s'aplatirent à terre en criant d'une seule voix:
— Aie pitié de nous, *petite Mère*[5], aie pitié de nous !
— Relevez-vous ! fit entendre au-dessus d'eux une voix impérieuse, mais en même temps agréable.
Quelques-uns des courtisans s'empressèrent et poussèrent les Zaporogues.
— Nous ne nous relèverons pas, *petite Mère*, plutôt mourir que de nous relever ! (Gogol).

---

[4] Цит. по изданию Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. 2-е изд., электронное, испр. и дополн. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 55.

[5] Здесь и далее в примере выделено мной — *Н.Г.*

Французские переводчики делают ошибку, аналогичную той, о которой предупреждал Чуковский русских переводчиков, работающих с украинскими текстами: украинское «мамо» они передают как *petite Mère*, т.е. домашней, даже несколько фамильярной, покровительственной формой обращения к **своей** матери[6], и не учитывают того, что украинская форма может гармонировать и со словами самого высокого стиля. Выбор переводчиков полностью искажает социальную модель взаимоотношений русской императрицы и запорожских казаков.

Но этим переводческая проблематика выбора данной формы для французских переводчиков не исчерпывается. Возникает вопрос, как поймёт данный фрагмент житель центральной Африки, для которого *petite Mère* — это младшая сестра матери[7], или житель Мали, для которого данная форма обозначает младшую жену отца в полигамном браке[8]. Вопрос ориентирования перевода на различные группы читателей относится к прагматике перевода. Решения переводческой задачи обусловливается не только лингвистическими, но и социальными, а также культурно-антропологическими причинами.

Вторая и третья группы проблем, на которые обращает внимание Реформатский, возникающих при параллельном заимствовании и в результате случайных межъязыковых совпадений форм, т.е. при «межъязыковой омонимии». С точки зрения лингвистики такие формы, нередко обозначаемые как «ложные друзья переводчика», в самом деле требуют систематизации и представления в лексикографических работах, что и было сделано лингвистами в последующие годы для разных пар языков. Но с точки зрения теории перевода проблему необходимо изучать ещё и в психологическом ракурсе, а именно как проблему переводческого внимания и переводческого чтения.

Нельзя не согласиться с замечанием Реформатского о сложности передачи в переводе явлений ономатопеи. Констатируя межъязыковую асимметрию единиц звукоподражания (в частности, звуков, издаваемых животными), Реформатский заключает: «В таких случаях никак нельзя транскрибировать, а именно переводить и

---

[6] Formule très familière à f., appellatif familier et paternaliste, appellatif amical (à f.); appellatif amical à sa mère [https://www.languefrancaise.net/Bob/47224]

[7] Tante maternelle, sœur cadette de la mère (Centrafrique) (См.: https://www.dictionnairedesfrancophones.org/form/petite%20mère/sense/inv%3Aentry%2F4191%2Fen%2F0%2Fls%2F2/countries)

[8] Pour les enfants d'un polygame. Épouse du père plus jeune que leur mère (Mali) (См.: https://www.dictionnairedesfrancophones.org/form/petite%20mère/sense/inv%3Aentry%2F4191%2Fen%2F0%2Fls%2F2/countries)

знать, как переводить» (Реформатский, 1952: 14). Нельзя не согласиться с Реформатским в том, что в данном случае транскрипция не всегда уместна, но остаются два вопроса. Первый вопрос: что понимает Реформатский под термином «переводить»? Можно предположить, что под переводом в данном случае понимается замена иноязычного звукоподражания соответствующей идиоматичной формой языка перевода, т.е. нахождение эквивалентной формы, традиционно закреплённой в языке перевода в качестве обозначения тех или иных звуков. Сопоставительная лингвистика констатирует межъязыковую асимметрию в представлении звуков окружающего нас мира, и предостерегает переводчика об опасности неверных решений. Межъязыковая асимметрия проявляется не только в обозначении звукоподражаний транскрипциями (немецкое bau-bau, английское bow-wow, русское *гав-гав*), но и в несовпадении комплексов звукоподражательных слов языков, сталкивающихся в переводе. Если первое различие связано, возможно, с вариативностью слухового восприятия людьми, проживающими в разных регионах мира, в разных условиях окружающей среды и привыкшими слышать звуки разных языков и транскрибировать их по законам конкретного языка, то второе свидетельствует об асимметрии языковых картин мира и концептуальной категоризации явлений. Так, во французском языке производство звуков кроликом обозначается одним глаголом (le lapin glapit), а то же самое действие, производимое зайцем — другим (le lièvre vagit). В русской картине звучащего мира заяц может *кричать, рычать, пищать, ворчать, визжать, шипеть, бормотать и даже хрюкать*[9]. Констатация лакун в комплексах звукоподражательных слов тех или языков оказывается недостаточной. Реформатский настаивает: переводчик должен знать эти формы. Лингвистика способна помочь в этом переводчику. Её задача заключается в создании межъязыковых лексикографических источников, систематизирующих факты ономатопеи. Но за переводчиком останется выбор решения, объяснить который уже должна будет теория перевода на основе не только лингвистических, но и иных факторов.

Завершив анализ случаев межъязыковых несоответствий, доказывающих, что языки разные, Реформатский выделяет две группы вопросов, наиболее важных для рассмотрения перевода в лингвистическом плане: элементы перевода и типы перевода (Там же). Под элементами понимаются «качественно отличные единицы, слагаемые (термины, собственные имена, диалектизмы, арготизмы, калам-

[9] См. напр.: «Какими звуками общаются зайцы» (https://litbro.ru/interesnoe/zvuki-zajtsa?ysclid=ldmyo1qidn615726044)

буры, архаизмы, неологизмы и т.п.); под типами — речевые жанры, соответствующие разным заданиям (разговорная диалогичная речь, стихи, научно-технические тексты, философские и т.д.)» (Там же).

Сама постановка вопроса об элементах перевода представляется весьма важной как для теории перевода, так и для переводческой практики. Реформатский анализирует шесть групп элементов: 1) нейтральные слова; 2) диалектизмы, профессионализмы, провинциализмы, просторечия, арготизмы, разговорные варианты, вульгаризмы, архаизмы, варваризмы, неологизмы и т.п.; 3) собственные имена; 4) каламбуры; 5) термины; 6) идиомы.

Выделение «элементов перевода» есть не что иное, как попытка определения одной из важнейших категорий науки о переводе — единицы перевода. Реформатский в качестве элементов перевода называет языковые единицы разных уровней: слова (нейтральные слова, диалектизмы, профессионализмы, провинциализмы, просторечия, арготизмы, разговорные варианты, вульгаризмы, архаизмы, варваризмы, неологизмы, собственные имена, термины), фразеология (идиомы) и предложения (каламбуры), что, безусловно важно для решения вопроса о единице перевода. Позднее, уже в рамках лингвистической теории перевода Л.С. Бархударов справедливо отмечал, что единицы перевода оказываются различными как по сложности выражаемых ими значений, так и по своей протяжённости, представляют собой категорию переменную и что в разных ситуациях в качестве единицы перевода может выступать та или иная единица языка (Бархударов, 1975: 175).

Говоря о нейтральных словах языков, Реформатский замечает, что «состав основного словарного фонда разных языков далеко не всегда совпадает», и делает весьма важный вывод, позволяющий понять, что для него является переводом: «основной фонд чужого языка приходится переводить иными средствами словарного состава» (Там же). Иначе говоря, по Реформатскому, перевод — это передача слов одного языка словами другого языка. В этой связи возникает целый ряд вопросов.

Первый вопрос: разве переводчик переводит слова словарного фонда, а не тексты? Ответ на этот вопрос очевиден: ни одна единица не переводится в отрыве от материи переводимого текста. Современник Реформатского лингвист и переводчик А.В. Федоров настаивал на этом, утверждая диалектическое единство части и целого в переводе. Перевода трактовался не как последовательность отдельных единиц, в большей или меньшей степени соответствующих единицам текста оригинала, а как определённым образом сложившаяся система, в которой «характер соотношения между отдельным и це-

лым является едва ли не основным и важнейшим элементом» (Федоров, 1952: 19). Позднее, один из классиков отечественной науки о переводе лингвист с большим переводческим опытом А.Д. Швейцер писал: «Что же касается процесса перевода, то он никак не может быть представлен как простое соединение единиц. Здесь имеют место куда более сложные операции» (Швейцер, 1973: 71).

Второй вопрос: не является ли межъязыковая лексико-семантическая асимметрия наиболее частым случаем межъязыковых отношений независимо от степени их развития, и постоянно требует трансформационных переводческих решений? И наконец, третий: какими **иными** средствами следует переводить, когда словарные фонды не совпадают? Способна ли, например, лингвистика ответить на вопрос о том, как будут переводить на современный русский язык с французского или английского языков тексты, описывающие эротические сцены, переводчики с разными этическими и эстетическими взглядами, разного культурного уровня, учитывая, что язык перевода, традиционно более целомудренный, чем языки оригинала, и не слишком щедр на формы для описания подобных сцен[10]. Как, по каким критериям качества оценить новый перевод романа Сэлинджера "The Catcher in the Rye", опубликованный в 2008 г.[11]?

Где граница выбора иного средства, отделяющая обоснованное переводческое решение от отсебятины? Если первый и второй вопросы относятся к области лингвистики, то третий — к теории перевода. У лингвистики ответа на этот вопрос нет. Именно теория перевода, учитывающая лингвистические особенности тех или иных единиц перевода, ищет обоснованные закономерные решения этих непростых вопросов с учётом не только лингвистического, но и исторического, социально-ролевого, этического, эстетического контекстов столкновения форм выражения двух языков в переводе.

Существенным для теории перевода оказывается и вопрос о «прочем» словарном составе. Лингвистика констатирует наличие особых языковых форм — диалектизмов, профессионализмов, провинциализмов, просторечий, арготизмов, вульгаризмов, архаизмов и т.п. Но способна ли она дать ответ на вопрос о том, достаточно ли в переводе диалектизмов ограничиться только демонстрацией отклонения от литературной нормы, или же следует понять, чем диалектальная форма оригинала отличается от нормативной, и попробовать установить подобную корреляцию в тексте перевода?

---

[10] Пример трудных переводческих разысканий см., напр., в русском переводе романе Г. Миллера «Под крышами Парижа» (Миллер, 2009).

[11] Перевод М. Немцова, озаглавленный «Ловец на хлебном поле», появился в 2008 г.

В очередной раз вопросы лингвистики переплетаются с вопросами теории перевода, которая на основе анализа доказательного множества случаев может показать закономерности переводческого выбора, обосновать их и дать рекомендации практике.

Чем заменить в переводе на русский язык вкрапления богатейшего французского арго в литературном тексте? Может ли их компенсировать в переводе русский мат? Это также вопросы не собственно лингвистические. Они, скорее, этические, т.к. отражают этические отношения между тремя главными актантами перевода литературного произведения: автора — читателя-переводчика — читателя перевода.

Особые элементы в большей степени нежели элементы нейтральные отражают историю и своеобразие культуры того или иного народа. Соответственно, для принятия обоснованного переводческого решения лингвистическая информация, безусловно, полезная для перевода, непременно должна дополняться информацией культурологической, исторической и социологической.

Нельзя не согласиться с Реформатским в том, что «одним из очень каверзных вопросов в области «элементов перевода» являются собственные имена» (Там же: 16). Но даже те примеры передачи топонимов в переводе демонстрируют не собственно лингвистические, а переводческие проблемы. Реформатский пишет, что «если, например, текст, подлежащий переводу не современный, а исторический, где для определённых эпох Ревель (или даже Колывань) нельзя обозначать Таллином, где следует строго различать периоды Дерпт — Дорпат — Юрьев — Тарту» (там же). Но это уже не проблема лингвистики не проблема истории языка, а проблема соотнесения переводчиком истории народа и исторически закреплённого наименования топографического объекта для выбора соответствия в переводе конкретного текста для конкретного читателя. Попутно возникает вопрос о том, следует ли переводчику исторического текста давать дополнительные разъяснения для читателя-современника.

Реформатский приводит множество интересных «случаев» из области ономастики, заставляющих переводчика задуматься. В самом деле, реальная и вымышленная топонимика, таинства антропонимики. «При переводе личных имён (имён, прозвищ, фамилий) каждый раз переводчику приходится думать: транскрибировать или переводить?» (Там же: 17) — заключает он, ведь, лингвистика ответа на этот вопрос не даёт. Более того, возникает вопрос, почему транскрипция противопоставляется переводу? Разве транскрипция не есть один из приёмов перевода? Или перевод всегда предполагает уход в область семантики внутренней формы имени

собственного? История переводческой практики показывает, что транскрипция, а также транслитерация, или даже смешанный способ[12] преобладают в передаче имён собственных в переводе, если по отношению к конкретному имени в языке перевода нет устоявшегося в традиции соответствия, которое могло бы служить эквивалентом для иноязычного имени. Попытка передачи семантики имени собственного текста оригинала средствами языка перевода — это также переводческая проблема, точнее, проблема выбора. Как передать на других языках игру слов в рассказе Лескова «Павлин». Лингвистика подскажет, что в русском языке лексема «павлин» имеет значения вида пернатых и используется также как мужское имя собственное — «Павлин». Более того, лингвистика подскажет, что в некоторых языках этому слову и в той, и в другой функции можно найти соответствия. Но, например во французском языке эти соответствия являются разными лексемами: Павлину, производному от имени Павел, скорее всего будет соответствовать транскрипция Paulin, а для птицы — её название le paon. Как перевести на французский следующую фразу текста рассказа, в которой раскрывается характеристика персонажа в сравнении с яркой расписной птицей?

«В расшитом галунами длинном ярко-синем сюртуке с капюшоном, в широкой, убранной галуном перевязи, в треугольной шляпе и с блестящею вызолоченною булавою в руках, Павлин был настоящий павлин, и притом самый нарядный павлин, способный поспорить с наилучшим экземпляром щеголеватой птицы, переделанной Юноною из Аргуса»? (Лесков).

Придётся задуматься и о переводе названия рассказа. Перевод названий художественных произведений — особая область теории перевода. Лингвистика не может объяснить, почему название романа Сэлинджера “The Catcher in the Rye” (буквально, «Ловец во ржи») в трёх переводах на русский язык имеет три соответствия: «Над пропастью во ржи», «Обрыв на краю ржаного поля детства», «Ловец на хлебном поле»[13].

---

[12] Например, французское имя писателя *Guy de Maupassant* передаётся сейчас по-русски как *Ги де Мопассан*, в этом обозначении доминирует транскрипция, хотя и транслитерируется удвоенное ss, которое по-французски произносится как один звук, а в XIX в. имя писателя по-русски передавалось как *Гюи де-Мопасан* (ср.: «Собрание сочинений Гюи де-Мопасана», 1896), т.е. транслитерацией первой части имени и транскрипцией второй. Ни тот, ни другой способ не являются ошибочными и отражают установившиеся в языке перевода в определённую историческую эпоху традиции.

[13] Перевод Р. Райт-Ковалёвой (1960) — «Над пропастью во ржи»; перевод С. Махова (1998) — «Обрыв на краю ржаного поля детства»; перевод М. Немцова (2008) — «Ловец на хлебном поле».

Игра слов рассматривается Реформатским отдельно, как особый элемент, суммарно обозначенный термином «каламбур». Вполне справедливому замечанию о том, что каламбуры — это «непереводимо», Реформатский противопоставляет задачу переводчика — «Однако переводить это надо» (Реформатский, 1952: 18), и даже предлагает приём — «Каламбуры надо «перетолковывать». С этим можно вполне согласиться, но с одной оговоркой: предложенный приём непосредственного отношения к лингвистике не имеет и зависит не только от выразительных возможностей языка перевода, но и от творческого потенциала переводчика.

Переводу терминов Реформатский уделяет меньше внимания, по сравнению с другими элементами, полагая, что терминология — «самый простой вопрос в практике перевода» (Там же). «Тут выбора нет, а есть очевидная необходимость», — заключает он. Проблема может возникнуть тогда, когда термин инкрустируется в текст художественного произведения. «В таких случаях, — отмечает Реформатский, — переводчику приходится уже думать и выбирать и может быть, иногда пренебречь точным соответствием переводимого термина переведённому, а дать другой термин, который будет стилистически более адекватен подлиннику, хотя предметно и неверен» (Там же: 19). Лингвистика подскажет варианты соответствий, но закономерности передачи терминов в художественном тексте, возможно, смогла бы показать теория перевода.

Последний элемент — идиоматика. Реформатский отмечает, что по поводу ошибок в переводе идиоматики сказано много, но утверждает, что «на этом участке вскрывается самое главное в лингвистической природе перевода», что «следует каждый случай перевода рассматривать как идиому» и что «правила лексических идиом следует распространить на все случаи перевода» (Там же).

Предложение рассматривать каждый случай перевода как идиому, т.е. ориентироваться прежде всего на национальную идентичность ресурсов языка перевода и при этом не сводить смысл переводимого текста к сумме значений составляющих его элементов вполне коррелирует с положением о полноценности перевода, выдвинутом Федоровым, предполагающим определённое равновесие между целым и отдельным» (Федоров, 1952: 19). Однако такой подход таит в себе и известные опасности. Во-первых, — опасность «одомашнивания» перевода, о которой предостерегал ещё в 1919 г. К.И. Чуковский, справедливо полагавший, что «обрусение иностранцев, обращение их в российское подданство, в малой мере всегда неизбежно, но в качестве принципа едва ли желательно» (Чуковский, 1919: 13). Во-вторых, — опасность превращения перевода в свободное переложение.

Проанализировав элементы перевода и принципы работы переводчика с каждым из элементов, Реформатский обращается к лингвистическим типам перевода, которые, по его мнению, «определяются наличием тех или иных элементов перевода и выяснением ведущих из них» (Реформатский, 1952: 19). При этом делает существенную оговорку: «наличие тех или иных слов или даже типов слов никак не определяет типа перевода» (Там же). Очевидная противоречивость этих положений, следующих буквально друг за другом, вызвана тем, что элементы перевода противопоставляются словам и типам слов, однако, именно слова и различные типы слов в первую очередь рассматривались в этой же статье как элементы перевода. Можно предположить, что Реформатский, как и Федоров, имел в виду соблюдение равновесия в переводе между целым и отдельным. Это подтверждается примером немецкого слова Fichtenbaum, которое в переводе ботанического текста будет передано терминологически точно словом «сосна», а в переводе стихотворения Гейне Ein Fichtenbaum steht einsam, где важна «не ботаническая реальность, а система образов и символов» (Там же), например, у Тютчева — словом «кедр».

Возможно, в этом противоречии проявляется и нечёткость позиции учёного по отношению к различению стилистики языка и стилистики речи.

Реформатский делит тексты, подлежащие переводу, на две группы: «терминологические и идиоматические, учитывая переходные разновидности» (Там же: 20) и делает важный вывод, о том, что «для квалификации типа перевода решающим оказывается речевой жанр, реализующий целевую установку того или иного высказывания и определяющий значимость материала данного текста, что можно констатировать по наличным» (Там же: 21).

Вывод о жанровой основе вариативности типов перевода согласуется с принятым в тот период взглядом языковедов на стилистику как на основу для решения лингвистических вопросов перевода.

Заключительный раздел статьи, как и первый, озаглавлен вопросом. «Возможен ли перевод и когда он не нужен»[14], спрашивает Реформатский. Ответ на первый вопрос не вызывает у него сомнений: «если перевод нужен, то он возможен. Необходимость рождает возможность» (Там же). Иначе говоря, в решении извечного вопроса о «переводимости» прагматика доминирует над лингвистической неповторимостью языков, сталкивающихся в переводе.

Вопрос же о том, когда не нужен перевод, оказывается связанным с требованием соблюдения правила идиоматичности пере-

[14] Как в тексте статьи А.А. Реформатского (Реформатский, указ. соч.: 21).

вода. В художественном переводе идиоматичность — основное требование. Однако есть элементы, которые следует сохранять непереводимыми. «Следует ли «одомашнивать» до конца текст в переводе?» (Там же), спрашивает Реформатский и отвечает: «Колорит места и времени не должен быть стёрт в переводе, а это связано с сохранением непереводимым ряда названий, связанных с реалиями быта» (Там же).

К реалиям он относит названия монет, специальностей и должностей, одежды и кушаний и многое другое. «Все эти сохранённые от перевода слова — «ключевые слова». Реформатский и здесь делает оговорку: «Конечно, и здесь нужно знать свои пределы, и если, допустим, мы сохраняем при переводах Диккенса *клерков*, то это ещё не значит, что мы не должны трогать *атторни*» (Там же). Правда, где проходит эта грань, Реформатский не объясняет.

Примечательно, что сохранённые от перевода слова передаются графемами языка перевода, т.е. транскрибируются или транслитерируются (*доллары, луидоры, йены, ксендз, кюре, фиакр*[15]). Тем самым Реформатский ещё раз подтвердил, что не считал транскрипцию или транслитерацию переводом. Остаются без перевода и текстовые вкрапления на языке перевода, встречающиеся в текстах художественных произведений, собственные имена, символы.

Корреляция между идиоматичностью и «одомашниванием» возвращает к одному из старейших вопросов перевода, вопросу о «своём» и «чужом» в переводе, который обсуждался задолго до того, как возникла лингвистика как наука (Цицерон, Доле, Шишков, Шлейермахер и многие другие) и до сих пор остаётся в центре современной науки о переводе. Его решение, определяющее стратегию перевода, только лингвистическими методами оказывается невозможным и требует системного трансдисциплинарного подхода.

Завершив анализ лингвистических вопросов перевода, элементов и типов перевода, Реформатский в заключение сформулировал ряд положений, во многом определивших дальнейшее развитие теории перевода в нашей стране. Прежде всего вопросы теории перевода однозначно размещались в лоне лингвистики. «Перевод может и должен быть включён в лингвистическую проблематику», утверждал Реформатский. Это положение соответствовало взглядам Фёдорова и многих других советских языковедов на необходимость именно лингвистического изучения вопросов перевода, проводило размежевание между лингвистической и литературоведческой интерпретациями вопросов перевода.

---

[15] Примеры Реформатского.

Более того, подобный подход подтверждал необходимость лингвистической подготовки переводчиков и утверждал значимость роли лингвиста в изучении проблем перевода. Дальнейшее развитие науки о переводе подтвердило справедливость такого подхода: большинство наиболее значительных и цитируемых работ о переводе были написаны именно лингвистами.

Определяя лингвистику как единственную отрасль научного знания, без которой нельзя решать вопросы перевода, Реформатский признавал, что в изучении этих вопросов перевода невозможно ограничиться силами одной лишь лингвистики, что не только лингвистика «полномочна решать вопросы перевода» (Там же).

Это положение можно понимать двояко: с одной стороны, Реформатский, возможно, старался примирить лингвистов и литературоведов, скрестивших мечи в поисках некой «истины перевода»; с другой стороны, возможен и более широкий взгляд на концепцию Реформатского в отношении исследования вопросов перевода: лингвистическая сущность переводческой деятельности не опровергает того, переводческие решения имеют не только сугубо лингвистические, но и иные основания.

К сожалению, можно констатировать сегодня, по истечении 70 лет с момента публикации статьи Реформатского, что в научном сознании российских лингвистов запечатлелся лишь тезис, сформулированный выдающимся лингвистом современности в первых строках статьи: такой науки быть не может!

Свидетельством тому служит номенклатура научных специальностей, принятых в современной российской науке, для определения направлений подготовки научных кадров и осуществления научных исследований. В этой номенклатуре науки о переводе как научной дисциплины не существует.

Вся проблематика современной теории перевода более чем лаконично сведена в один абзац научной специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»: «Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли» (Паспорт 5.9.8., п. 20). Литературоведческие разыскания в области художественного перевода сведены к одному: «Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности» (Паспорт 5.9.3., п. 14).

Таким образом, перевод — деятельность с историей, уходящей вглубь тысячелетий, где сегодня человек соперничает с искусственным интеллектом, деятельность, позволившая передачу научных

и культурных знаний от одних народов другим, несмотря на языковые барьеры, обеспечивающая успех географических открытий и дипломатических переговоров, стимулировавшая развитие и совершенствование словесности на разных языках мира, деятельность, где решения принимаются не только с учётом лингвистических, но и этических, социальных, психологических, исторических, этнических, логических и многих других факторов, — в представлении современных организаторов науки не представляет собой объект изучения специальной междисциплинарной отрасли научного знания.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: «Международные отношения, 1975. 240 с.

Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством. М.: Муза, 2006. 255 с.

Лесков Н.С. Павлин // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5. С. 598–604.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода. // Иностранные языки в школе. 1952 г. № 6.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

Федоров А.В. Основные вопросы теории перевода. // «Вопросы языкознания», 1952, № 5.

Чуковский К.И. Высокое искусство. // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. 2-е изд., электронное, испр. и дополн. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012.

Чуковский К.И. Переводы прозаические. В кн.: Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Издательство «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по Просвещению, Петербург, 1919. С. 7–24.

Швейцер АД. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Gogol N. Les veillées du hameau. Traduction de Ch. Trémel et J. Chuzeville. Éditions Du Chêne, Paris, 1946.

References

Barhudarov L.S. (1975) Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda — Language and translation. Issues of general and partial theory of translation. Moskow: “Mejdunarodnye otnosheniya”. 240 p. (In Russian).

Gogol N. (1946) Les veillées du hameau. Traduction de Ch. Trémel et J. Chuzeville. Éditions Du Chêne, Paris.

Gogol’ N.V. (2006) Noch’ pered Rojdestvom — Christmas Eve. Moskow: Muza. 255 p. (In Russian).

Leskov N.S. (1957) Pavlin = Peacock. Leskov N.S. Sobranie sochinenij v 11 vol. Volume. 5. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 598–604 (In Russian).

Reformatskij A.A. (1952) Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. *Inostrannye yazyki v shkole.* No. 6 (In Russian).

Reformatskij A.A. (1996) Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to Linguistics. Pod red. V.A. Vinogradova. Moskow: Aspekt Press. 536 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1952) Osnovnye voprosy teorii perevoda = Main issues of translation theory. "*Voprosy yazykoznaniya*". No. 5 (In Russian).

Chukovsky K.I. (2012) Vysokoe iskusstvo = The Art of Translation: Kornei Chukovsky's a High Art. Sobranie sochinenij v 15 v. Vol. 3: Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskih tetradej. Sost. E. Chukovskoj i P. Kryuchkova. 2-e izd., elektronnoe, ispr. i dopoln. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd. (In Russian).

Chukovsky K.I. (1919) Perevody prozaicheskie = Prose translations. V kn.: Principy hudojestvennogo perevoda. Stat'i K. Tchukovskogo i N. Gumileva. Izdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" pri Narodnom Komissariate po Prosveshcheniyu Peterburg, pp. 7–24. (In Russian).

Shvejcer A.D. (1973) Perevod i lingvistika. = Translation and linguistics. Moskow. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гарбовский Николай Константинович — профессор, доктор филологических наук, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai K. Garbovsky — Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Building 1-51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81’25:930.85
ББК 81.2+63

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-25-46

ПЕРЕВОДЧИК НА РУБЕЖЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ольга Игоревна Костикова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: olga.kostikova@list.ru

Аннотация. В данной статье представлен историографический очерк о жизни и деятельности Ла Малинче или доньи Марины, переводчицы Эрнана Кортеса во времена завоевания Мексики. Исследуются следующие аспекты, значимые для истории перевода: предпосылки к становлению представительницы индейского этноса как переводчицы для испанских завоевателей, расширенный спектр её посреднических функций во время колониальных походов, её предполагаемое участие в резне в Чолуле в качестве информатора Кортеса и как следствие осуждение её соотечественниками и формирование в дальнейшем негативного образа переводчицы у коренного народа, выходцем из которого была она сама. Таким образом, прослеживается генезис личности переводчика, выявляются ценностные аспекты перевода, демонстрируется аксиологическая амбивалентность переводческой деятельности.

Ключевые слова: Малинче, устный перевод, колониальные завоевания, история перевода, аксиология перевода

Для цитирования: *Костикова О.И.* Переводчик на рубеже цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 25–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-25-46

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023;
принята к публикации 28.02.2023.

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

INTERPRETER BETWEEN TWO CIVILIZATIONS

Olga I. Kostikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: olga.kostikova@list.ru

Abstract. This article presents a historiographical essay on the life and work of La Malinche or doña Marina, translator of Hernan Cortes during the time of the conquest of Mexico. The following aspects that are significant for the history of translation are studied: the prerequisites for the formation of a representative of the Indian ethnic group as a translator for the Spanish conquerors, an expanded range of her intermediary functions during the colonial campaigns, her alleged participation in the massacre in Cholula as an informer of Cortes and, as a result, her condemnation by her compatriots and the formation in the future, the negative image of the translator among the indigenous people, from which she herself was. Thus, the genesis of the translator's personality is traced, the value aspects of translation are revealed, and the axiological ambivalence of translation activity is demonstrated.

Keywords: Malinche, interpretation, colonial conquests, history of translation, axiology of translation

For citation: *Kostikova O.I.* (2022) Interpreter between two civilizations. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 25–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-25-46

The article was received December 13, 022;
approved after reviewing January 23, 2023;
accepted for publication February 28, 2023.

Введение

Многие устные переводчики принимали участие в военных и колониальных походах, выступая в качестве посредников между завоевателями и коренными народами. Упоминания о них можно найти у древних авторов Геродота, Ксенофонта, Квинта Курция Руфа; не обходит вниманием переводчиков и Гай Юлий Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» (См. Гарбовский, Костикова, 2021: 71; Потапова, 2021: 120–121). Широкий исторический обзор деятельности переводчиков разных стран, времен и народов с любопытными сведениями об их военно-политической миссии и значимой роли в установлении, налаживании, развитии, но зачастую и выяснении

отношений между этносами, народами, государствами приводится в монографии канадской исследовательницы Рут Роланд «Переводчики — дипломаты» (См. Roland, 1999). Заполняя известный пробел во всеобщей истории политики и дипломатии яркими фрагментами из истории перевода, автор справедливо замечает: «исследуя политические отношения, историки редко задаются вопросом, на каком языке велись политические переговоры, которые они описывают, и к какому эффекту — к худу ли, к добру ли — мог привести уровень компетентности и личные интересы переводчика».

Действительно, в контексте политики и дипломатии, последствия разрешения переводчиком извечной антиномии «своё» — «чужое» оказываются сиюминутны, ощутимы и критичны.

Среди переводческих персоналий прошлого едва ли кто-то вызывает столь же противоречивые суждения, как донья Марина, она же Ла Малинче или Малиналли (doña Marina / La Malinche / Malinalli, 1496/1502–1529/1551) — переводчица, которая помогала Эрнану Кортесу во время испанского завоевания Мексики. Её личность покорила воображение писателей, историков, художников и обычных людей во многом благодаря тому, что в роли посредника, выпавшей на её долю, переплеталось рациональное и чувственное. А сама её история вызвала много споров. Для одних Малинче являет собой пример откровенного предательства, для других она просто жертва своего времени. Но важно прежде всего то, что она была переводчиком, «виртуозом устного толкования» (Rosenwald, 2008: 46).

История о латиноамериканской переводчице обрела популярность ещё XIX в., после выхода в свет трёхтомного труда американского историка Вильяма Прескотта «Покорение Мексики»[1]. В своём труде Прескотт часто упоминал молодую индейскую женщину, которая стала связующим звеном между коренным населением американского континента и конкистадорами. Увлечение Ла Малинче обрело новый импульс после того, как 1992 г. в честь 500-летия открытия Америки в испаноговорящих странах континента под эгидой ЮНЕСКО проходили официальные празднования, получившие название «Встреча двух миров». Таким образом, подчёркивалось, что произошла именно встреча двух миров, а не вторжение одного в другой и не завоевание одного другим.

Кронин замечает, что когда речь заходит о колониальных завоеваниях, перевод зачастую либо ассоциируется с хищнической, эксплуататорской деятельностью, либо представляется как «истинный путь к примирению, пониманию и исчезновению предрассудков».

---

[1] *Prescott W.* (1843–1873) The Conquest of Mexico. Vol. I–III. Boston: Dana Estes & Company.

(Cronin, 2000: 35). Так называемая «прозрачность» переводчика в этой ситуации не более чем «благочестивая фикция», которая структурно запрограммирована на разрушение системы, причём изнутри. Ведь переводчик оказывается своего рода двойным агентом в том смысле, что он живёт двойной жизнью, и именно это необходимое для перевода раздвоение или двойственность — свидетельство энтропии системы, то есть нарушения сложившегося порядка, которое может иметь разные исходы. Неопределённость оказывается ключевым фактором, и в этом случае решающее значение имеет взаимосвязь между знаниями местных традиций и верований, информированностью об обстановке и контролем за ситуацией.

С последнего десятилетия XX в. до настоящего времени вышло в свет большое количество книг, посвящённых личности этой переводчицы и её отношениям с Эрнаном Коресом. В 2022 году в ряде городов США прошла выставка, посвящённая 500-летию завоевания Мексики. Название этой выставки «Traitor, Survivor, Icon: The Legacy of La Malinche» отражает суть общественной оценки личности Малинче и её деятельности на поприще межкультурной коммуникации. Являя собой пример двойственной позиции переводчика, она стала символом жестокости колониальных завоеваний и метизации Латинской Америки (Valdeón, 2013: 158).

Роль переводчиков далеко не однозначна и не одинакова в разные исторические эпохи, ведь проблемы межъязыковой и, шире, межкультурной коммуникации, нестабильность когнитивно-коммуникативного взаимодействия в ситуации лингвистического дискомфорта, требующего обязательного присутствия переводчика в качестве посредника (и осведомителя) могли вести к самым непредсказуемым последствиям. Поэтому изучение жизни и деятельности отдельных переводчиков имеет такое важное значение (Cronin, 2000: 39).

Обзор литературы

Информации о жизни Малинче не так много, а те факты, которые кочуют из одного труда в другой, противоречивы. Фрагменты описания её биографии черпаются в основном из двух источников — «Правдивая история завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо[2], (впервые опубликована в 1632 году) и «Пер-

[2] *Diaz del Castillo B.* (1568/1632, 1998) Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, Edición de Francisco Rico, Barcelona: Plaza & Janés. В русском переводе: *Диас дель Кастильо Б.Д.* Правдивая история завоевания Новой Испании / пер. Д.Н. Егорова; А.Р. Захарьяна. М.: Форум, 2000. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Dias/frametext1.htm (дата обращения 12.05.2020).

вая и вторая части всеобщей истории Индии, с описанием всех открытий и примечательных вещей, которые произошли вплоть до 1551 года. С описанием завоевания Мехико в Новой Испании» Франсиско Лопеса де Гомара[3]. Как пишет Тейлор, «Диас, будучи солдатом во время конкисты, делает Малинче настоящей героиней в своём труде и восхваляет её с любовью при каждой возможности. Он называет её «самой превосходной» женщиной, но его книга была написана спустя более чем 40 лет после описываемых дней и в основном является реакцией на произведение Гомары» (Тейлор, эл. ресурс). Лопес де Гомара, который был личным секретарём и капелланом Кортеса в 1541–1547 гг., а также его биографом, никогда не был в Новом Свете и поэтому никогда лично не знал Малинче. Но в отличие от Диаса дель Кастильо он очень сдержанно описывал Малинче, отводя ей второстепенную роль.

Диас дель Кастилью во многих местах своих мемуаров создаёт впечатление, что дословно цитирует Малинче, хотя известно, что он писал по воспоминаниям. Некоторые исследователи полагают, что он приступил к работе, когда ему было около шестидесяти, т.е. в 1558 г. (Delisle, Woodsworth, 1995: 261); по мнению других он начал вести записи чуть ранее, между 1552 и 1554 годами, а затем в 1563-м существенно их расширил, однако эти рукописи не сохранились, зато с первоначального варианта в 1568 году были сделаны две копии, над которыми автор продолжил работу впоследствии (Serés, 1991). Как бы то ни было, Диас дель Кастильо действительно по памяти описывал события, происходившие между 1519 и 1524 гг., то есть около 30 лет назад. Очевидно, что Диас дель Кастильо осмысливал роль Малинче с позиций испанских завоевателей, отсюда и такая высокая оценка её роли: «Кортес всюду брал её с собой в качестве удивительной переводчицы, и была она нам верным товарищем во всех войнах и походах, настоящим даром Бога в нашем тяжёлом деле; многое удалось нам свершить только при её помощи. Понятно, что она имела громадное влияние, самое громадное во всей Новой Испании, и с индейцами могла делать, что хотела, утверждая, что Господь послал её» (Диас дель Кастильо, эл. ресурс).

Существует ещё один источник, повествующий об истории ацтеков XVI в., — «Общая история о делах Новой Испании», или Флорентийский кодекс, написанный испанским миссионером ордена

---

[3] *López de Gomara F.* (1553) Primera et secunda parte de la Historia General de las Indias con todo el descubrimiento y cosas notables que han acaecido dende que se ganaron hasta el año de 1551. Con la conquista de México de la Nueva España. Medina del Campo: En casa de Guillermo de Millis.

францисканцев и современником тех событий Бернардино де Саагуном (Bernardino de Sahagún)[4]. Книга эта уникальна по нескольким соображениям. Подчеркнём, что, во-первых, это двуязычный иллюстрированный труд, представленный в виде параллельных текстов на науатле[5] и испанском языке и содержащий богатейший словарь языка ацтеков, что, безусловно, представляет интерес для антропологов, этнологов, культурологов, лингвистов и переводоведов. Во-вторых, как и мемуары Диаса дель Кастильо, этот труд имеет ретроспективный характер, но в отличие от них, здесь представлено видение иной, противоположной испанцам стороны. Дело в том, что тексты Саагуна строились на основе данных, которые он собрал у местного населения, причём выбирая по возрасту таких инофрмантов, которые могли бы быть свидетелями описываемых событий (Delisle, Woodsworth, 1995: 261). В разделе, посвящённом завоеванию Мексики, Малинче упоминается гораздо реже, чем в мемуарах Диаса дель Кастильо. Очевидно, что никаких восхвалений в её адрес не наблюдается, но и того уничижения, которое возникнет и укоренится позже в описаниях мексиканских авторов после обретения Мексикой независимости, тоже нет. В-третьих, Малинче изображена и в иллюстрациях Флорентийского кодекса, хотя по сравнению с другим иконографическим памятником — «Тлашкаланских холстом» (Lienzo de Tlaxcala)[6] — она менее заметна.

Начала: генезис переводчика

Точное место рождения Малинче неизвестно, так как в разных источниках укзываются разные поселения, о дате рождения достоверных сведений тоже нет. Считается, что время её рождения при-

---

[4] *Sahagún B., de.* (1830) Historia general de las cosas de la Nueva España. 1540–1585 / Carlos María de Bustamante (ed.). Tom. I–III. Mexico: Impr. del ciudadano A. Valdés.

[5] Науатль — один из юто-ацтекских языков, использовавшийся как лингва франка в долине Мехико и в центральной Мексике во времена испанского вторжения. Иногда его называют мешикским (т.е. мексиканским) языком, так как мешики (mexico) — самоназвание основной части ацтеков по названию одного из племён, из которых ацтеки сложились как народ.

[6] Lienzo de Tlaxcala — тлашкаланский колониальный кодекс, созданный около 1550-х годов. Включает в себя иллюстрации и тексты, описывающие историю Тлашкалы. Было выпущено три экземпляра: один отправлен в Испанию в качестве подарка королю Карлу V, второй был доставлен в Мехико, столицу вице-королевства Новой Испании, для передачи вице-королю Луису де Веласко, а третий находился в самой Тлашкале. Цель кодекса — продемонстрировать испанской короне, что благодаря своей роли в завоевании Империи ацтеков Тлашкала была достойна определённых привилегий. Кодекс интересен тем, что Малинче появляется во всех важных сценах хроники и часто изображается крупнее других персонажей, включая самого Кортеса.

шлось на период между 1502 и 1505 г. Бытует мнение, что Малинче была дочерью влиятельного вождя (касика) — об этом пишут и Диас дель Кастильо, и Лопес де Гомара. Подростком Малинче была отдана в рабство в область, населённую майя. Вот как описывает детство и отрочество Малинче Диас дель Кастильо:

> *«Её отец и мать были сеньорами и касиками поселения, которое называлось Пайнала, и других подчиненных ему поселений. Но отец её умер, когда она была маленькой, а мать её жила с другим касиком-сожителем и родила сына и, желая, чтобы её сын унаследовал то, что по отцу принадлежало донье Марине, она ночью отдала нескольким индейцам из Шикаланко маленькую донью Марину, но этого никто не знал, так как в эту ночь умерла дочка одной индианки-рабыни, а мать доньи Марины распустила слух, что умерла её дочь. Таким образом донья Марина попала в Шикаланко, а оттуда — в Табаско и уже позже — к Кортесу»* (Диас дель Кастильо, эл. ресурс).

15 марта 1519 г. Малинче была подарена Кортесу жителями Табаско в числе двадцати женщин, чтобы задобрить испанцев и избежать столкновений с ними. Женщин крестили, и после крещения Малинче была наречена наиболее схожим по звучанию с её собственным христианским именем. Испанцы стали называть её донья Марина.

> *«…На другой день, рано утром, это был 15-й день 159-го месяца марта 1519 г., явилось множество касиков и знатных со всего Табаско. Приблизились они с большим почтением, неся подарки из золота: 4 диадемы, несколько ящериц, 2 собачки с торчащими ушами, 5 уток, 2 изображения лиц индейцев и другое. Количество точно не помню, но оно было невелико, да ведь мы теперь отлично знаем, что вся эта провинция небогата металлом. Зато привели они с собой 20 молодых женщин и среди них исключительную красавицу, дочь могущественного касика Пайналы, претерпевшую много бед, ту самую, которая по принятии христианства получила имя — донья Марина».*

Хотя не все историки разделяют точку зрения насчёт знатного происхождения Малинче (см. напр. Тейлор, эл. ресурс), Вальдеон приводит два весомых лингвистических аргумента в пользу её благородных корней. Ссылаясь на Сальвадора де Мадарьяга (Madariaga, 19941: 164), во-первых, он подчёркивает, что обращение донья (doña) использовалось перед её латинизированным испанским именем Марина как знак высокого социального статуса тогда, когда оно ещё не было в широком ходу в Испании. Иными словами, выбрав для её родного имени самый близкий по звучанию эквивалент имени христианского, испанцы адаптировали и

традиционное среди индейцев почтительное обращение под наиболее подходящий для особы женского пола испанский вариант doña: таким образом они сохранили прагматическое значение оригинального обращения. Во-вторых, и об этом также пишет Картуннен (Kartunnen, 1997: 300–301), благодаря многогранности своих языковых способностей Малинче, судя по всему, участвовала в переговорах между Кортесом и Моктесумой, а значит, владела определённым регистром науатля, так называемым языком знати — *pillahtolli*. «Это был регистр, который ни один простой индеец не был в состоянии понимать, и врождённая интуиция вряд ли могла бы помочь: скорее всего, Малинче была образованной девушкой, т.е. отличалась от простых индейцев», — заключает исследователь (Valdeón, 2013: 162).

После крещения Малинче была отдана в «личное пользование» известному конкистадору Алонсо Эрнандесу де Пуэртокарреро. Но как только обнаружилось, что она может разговаривать на языке ацтеков науатле, Кортес призвал её к себе (Тейлор, эл. ресурс).

Пленница и рабыня майя, подаренная самими майя позднее в начале завоевательной кампании испанцам, она происходила из племени ацтеков, родилась неподалёку от Теночтитлана и прекрасно владела двумя языками — родным науатлем и языком майя, к которым попала ещё ребёнком, и смогла впитать в себя обе этих культуры.

Для Кортеса, как и в целом для испанских колонизаторов, Малинче оказала неоценимые услуги. Ведь незнание языка местных народов и невозможность вести с ними переговоры представляли для отважных мореплавателей едва ли не бóльшую проблему, чем хождение под парусами в незнакомом океане между островами, скалами и рифами. Язык майя был сложен. Можно предположить всю уязвимость и опасность ситуации коммуникации, когда ни одна из сторон не понимает ни единого слова, а догадки о намерениях строятся на основе невербальных и паравербальных, часто асимметричных знаковых систем. Пока не появилась Малинче, в помощниках у Кортеса был испанский священнослужитель Херонимо де Агилар (Jerónimo de Aguilar), испытавший до знакомства с Кортесом настоящее «языковое и культурное погружение» в местную среду. Корабль, на котором он когда-то прибыл к американским берегам, потерпел крушение, и священник оказался пленником индейцев майя. Прожив некоторое время в одном из племён индейцев, он смог постепенно освоить их язык и знал многие их традиции и обычаи. Однако мог ли Кортес во всём доверять этому переводчику, не зная, насколько верно тот передаёт смысл его высказываний? Судя

по всему, особых талантов к ведению политических переговоров у него тоже не было, как не было и желания убедить в чём-то своих собеседников. Ведь будь он искусным переговорщиком, многих боев и стычек с местным населением удалось бы избежать. Вскоре, как только испанцы добрались до района Мексики, где в ходу был язык науатль, Херонимо Агиляр и вовсе оказался бесполезным: Кортесу срочно был нужен новый переводчик.

Появление Малинче коренным образом изменило ситуацию: «Донья Марина знала язык Коацакоалькоса, который был мешикским, — пишет Диас дель Кастилью, — и знала другой язык — табаскский, как и Херонимо де Агиляр, знавший язык юкатанский[7] и табаскский — это был один язык; и вначале было так: она переводила Агиляру, а тот Кортесу, и обратно» (Диас дель Кастильо, эл. ресурс). Этот процесс опосредованного перевода с участием двух переводчиков упоминается во многих исследованиях (Helps, 1856: 270; León-Portilla, 1962: 58, 125; Kartunnen, 1997: 301; Chipman, 2005: 28). Очевидно, что достижение успешной коммуникации в этой ситуации — особое искусство и требует от переводчиков больших усилий. Упоминается случай, когда цепочка взаимодействия при переводе выстраивалась с участием трёх переводчиков. Так, во время встречи с индейцами тотонака, чей язык не знали ни Малинче, ни Агилар, «местные переводчики переводили с тотонака на науатль для доньи Марины. Она переводила с науатля на майя для Агилара, а он переводил с майя на испанский для Кортеса. После этого коммуникация шла в обратном направлении» (Kartunnen, 1994: 7). Возникает естественный вопрос: насколько, проходя по такой длинной цепочке опосредования через переводы, смысл оригинального сообщения доходил до адресата. Приходится констатировать, что при таких интеллектуальных и временных затратах на успех в достижении коммуникации эффект зачастую мог быть обратным, а конечный результат — и вовсе отрицательным.

Ценностные аспекты посреднических функций

Участие Малинче в переговорах Кортеса с местными правителями и её чрезвычайно важная роль посредника, «мягкой силы» описывается во многих исторических трудах. Прескотт уделяет особое внимание переговорам между Кортесом и вождём ацтеков Моктесумой с её участием (Prescott, 1871: 79, 85). Подчёркиваются и её функции как единственного переводчика Кортеса (Madariaga, 1941: 188, 190; Meyer, Sherman, 1987: 102). Действительно, в скором

[7] Один из языков майя.

времени выяснилось, что у Малинче были незаурядные языковые способности; «через немногие дни она выучила кастильский, чем избавила Кортеса от многих затруднений, что казалось чудом», а самое главное «было очень важным — для обращения туземцев и утверждения нашей святой католической веры…» — такую оценку заслугам Малинче дал потомок ацтекских правителей Фернандо де Альва Иштлильшочитль в своём труде об истории народа чичимеков, написанном в начале XVII в. [8]

Сам Кортес неоднократно упоминает Малинче в своих письмах. Уже во втором послании императору Карлу V Кортес напоминает о «женщине-толмаче», которая ему помогает: «индеанке из этих краев, взятой мною у Потончана, большой реки, о коей я писал Вашему Величеству ещё в первой реляции». (Хроники открытия Америки, 271–368; Cortés, 1520/1986: 73) В пятом послании императору, посвящённом в основном гондурасской кампании, он сообщает следующее: «Я ответил, что военачальником, о котором говорили люди из Табаско, был я, и что если он <правитель Тайясаля> желает узнать правду, ему следует спросить об этом переводчика, с которым он говорил, — у Марины, которая всегда сопровождала меня после того как была дарована мне вместе с другими двадцатью женщинами. После этого она сказала ему, что всё, о чём я говорил, было правдой, и поведала ему, как я покорил Мексику, и обо всех других землях, которые я подчинил и передал во владения Вашего Величества. Он казался очень довольным от услышанного и сказал, что он также желает быть подданным и вассалом Вашего Величества и считает большой удачей для себя быть под властью такого могущественного правителя, каким я представил ему Ваше Величество» (Cortés, 1520/1986: 376).

Упоминание о Малинче в трёх из пяти писем конкистадора к императору позволяет сделать ряд важных наблюдений о её социальной функции как переводчика и об отношении к ней главного «потребителя её услуг». Прежде всего обращает на себя внимание, что в адресованном королю политическом документе-отчёте об особенностях, сложностях и успехах завоевательной компании Кортес считает уместным представить свою переводчицу — посредника, через которого, к слову, и проводятся все политические идеи, связанные с устремлениями испанской короны завоёвывать

[8] Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Хуан Баутиста Помар / пер. с исп. В.Н. Талаха; под ред. В.А. Рубеля. Киев: Лыбидь, 2013. URL: http://kuprienko.info/istoriki-dokolumbovoj-ameriki-i-konkisty-kniga-pervaya-fernando-de-al-va-ishtlil-shochitl-huan-bautista-de-pomar/ (дата обращения 10.01.2015).

новые территории, добывать золото, пропагандировать христианство. Кортес подчёркивает, что Малинче всегда его сопровождает, давая понять, что она в курсе всех текущих государственных дел. Из фрагмента становится очевидным, что Малинче — доверенное лицо Кортеса, от которого можно «узнать правду», причём это не простое передаточное звено в цепи коммуникации, функции которого сводятся лишь к тому, чтобы воспроизводить на одном из доступных языков то, что было сказано адресантом адресату на другом доступном ей языке. Кортес наделяет Малинче правом собственного голоса, видимо, ощущая её приверженность их делу и осознавая, что та «правда», которую расскажет переводчица о «покорении Мексики и других земель», будет в итоге играть ему на руку.

Будучи переводчиком, Малинче выполняла в кампаниях целый ряд важных функций, которые следует подчеркнуть. В качестве гида она обеспечивала испанцев необходимой информацией о географии районов, через которые пролегал их путь (в частности, дорога на Теночтитлан). Есть сведения, что она занималась и вопросами логистики: обеспечением провиантом и кровом испанцев, что сделало её популярной среди солдат (Тейлор, эл. ресурс). Как советник Кортеса, она предоставляла важные в стратегическом плане сведения о силе и слабостях ацтекского государства, о религии, обычаях и нравах и, что немаловажно, настроениях местного населения. Как искусный оратор, она умела убеждать, вводить в заблуждение или запугивать врагов, обеспечивая Кортесу возможность «разделять и властвовать». Как талантливый переговорщик, она помогала заключать союзы, общаться с заключёнными, добывать информацию на допросах шпионов или у местных информаторов. Такие сведения были жизненно необходимы Кортесу, поскольку они давали возможность переломить ситуацию, обладать преимуществом. Об этом пишет и Диас дель Кастильо: «Заслуги её безмерно велики: переговоры вела она, и таким тоном, будто от нас лишь зависит гибель или спасение данной страны! Последним пленникам, например, она поручила сказать, что мы готовы простить всё случившееся, даже… убиение нашего товарища-коня, но что терпение наше истощается и гнев наш будет ужасен…».

Малинче стала для Эрнана Кортеса и «“языком”, и советницей, и любимой женщиной, и даже защитницей, отличаясь особой проницательностью в посредничестве между испанским военачальником и вождями коренных народов, посланником, близким ацтекам и спасшим его в Чолуле… Завоевание Мексики невозможно представить без Малинче… Результаты такого сотрудничества — термин

вполне правомерный — обусловлены интеллектуальными и моральными качествами двух основных действующих лиц» (Pittaluga, 1946: 616).

Чолульский эпизод: спасать нельзя обречь на гибель

Чолульский эпизод — важнейший в истории похода на ацтекский город-государство Теночтитлан (на месте совр. Мехико), когда Малинче буквально спасла испанцев от верной гибели. В Теночтитлан, где правил могущественный Моктесума II, вели два пути — один через город Тласкала (Тлашкала), а второй — через город храмов Чолулу. Испанцы двинулись через Тласкалу, так как хотели склонить на свою сторону тлашкаланцев, враждовавших с жителями Теночтитлана, и заручиться их поддержкой. Пройдя через испытание боями и переговоры, испанцам удалось во многом благодаря помощи Малинче договориться о решающем для судьбы ацтеков альянсе с тлашкаланцами, а также узнать от них важную информацию: численность населения Теночтитлана, придворный штат, виды вооружения, размеры столицы, её укрепление и т.п. Следующим этапом военной кампании стал поход испанцев, усиленных отрядами тлашкалацев, в Чолулу. Несмотря на предостережения самих тлашкаланцев об опасности и коварстве горожан («Чолула готовит тебе ловушку; ещё вчера они принесли в жертву своему идолу войны семерых, из них пятеро — дети, чтобы дал им победу над вами, и вчера же они вывели жён и детей из города»), Кортес вёл с правителем Чолулы переговоры об усилении своих войск для продолжения похода, но сам «старался всё более и более точно проникать в их планы, а посему обратился к донье Марине, чтоб она новыми подарками склонила жрецов на дальнейшие разговоры» (Диас дель Кастильо, эл. ресурс). Умеющая «ловко обделывать такие дела» Малинче заставила жрецов «разговориться» и обнаружить, что раньше Моктесума приказал чолульцам радушно принять испанцев, а теперь «мешикское жречество уверило его, что их Тескатлипока и Уицилопочтли[9] порешили нашу <испанцев> погибель в Чолуле, а посему он послал большое войско на помощь этому городу» (Диас дель Кастильо, эл. ресурс).

В это же время Малинче удалось выведать от старой индеанки — жены одного из правителей касиков, которой Малинче очень приглянулась и которая уговаривала её бежать, что ночью всех ис-

[9] Местные Божества: Тескатлипока — в мифологии поздних майя и ацтеков одно из главных божеств, бог-творец или разрушитель мира; Уицилопочтли — бог солнца, бог войны и национальный бог ацтеков, покровитель города Теночтитлан.

панцев «перебьют по приказу Мотекусомы». Как свидетельствует Диас дель Кастильо:

> «*Умная донья Марина горячо благодарила старуху, но сказала, что сейчас не может с ней пойти, так как ей одной не снести всех своих вещей. Пусть она вместе с сыном останется в нашем лагере до ночи, и тогда они заберут всё и уйдут вместе с ней. Старуха так и сделала, и донья Марина завела с ней длинные разговоры, понемногу вытягивая из нее всё, что та знала. Оказывается, муж её — начальник одного из кварталов; вот уже дня три как идут подготовления к нападению; войско Мотекусомы прибыло и искусно спрятано, отчасти в самом городе; роздано много подарков и ещё больше обещано; особые награды ожидают тех, которые живьём поймают испанца, чтоб он мог быть заколот на алтарях Мешико… Донья Марина и глазом не моргнула при этих рассказах, а обнимала и гладила старуху; затем встала, говоря, что теперь пойдёт собирать свои вещи. Сама же, конечно, пошла к Кортесу и всё от слова до слова пересказала ему. Кортес велел привести старуху и извлёк из нее ещё немало ценных сведений*» (Диас дель Кастильо, эл. ресурс).

Итогом этих переговоров стала ужасная резня в Чолуле, причём «всякого рода жестокости совершались преимущественно индейскими союзниками» (Верлинден, эл. ресурс). Бóльшая часть города была уничтожена, а с ним и красивейший храм Кетцалькоатля[10].

Обсуждение: предатель, спаситель, посредник?

Из всех эпизодов, широко цитируемых исследователями перевода, разоблачение заговора в Чолуле является основным, послужившим для жестоких и клеветнических обвинений Малинче. И если в некоторых работах он просто упоминается как одно из событий в жизни переводчицы (Roland, 1999: 60–61), то в других используется, чтобы напомнить о её предательстве в отношении своего народа и своей культуры, «потому что Малинче (донья Марина), которая переводила слова Эрнана Кортеса в начале XVI в., была глубоко вовлечена в его колониальную стратегию и действовала как информатор, предупреждая о готовящихся заговорах со стороны её народа» (Routledge encyclopedia…, XV).

На самом деле известно не так много фактов о роли Малинче в завоевании Мексики, но их «оказалось достаточно, чтобы её образ превратился в своеобразное клише, стереотип, привлёк внимание исследователей перевода, для которых она стала богатым источни-

[10] Кетцалькоатль — один из главных богов ацтекского пантеона и пантеонов других цивилизаций Центральной Америки.

ком метафор, воплощающих их собственные политические установки» (Valdeón, 2013: 159). В одних работах она описывается как «мать его <Кортеса> ребёнка, подруга и секретный агент» (Bastin, 2009: 506), в других (см. напр.: Arrojo, 2020; Cordonnier, 1995) краски сгущаются, а роль переводчика уходит на второй план: «Фигура Ла Малинче, коренной американки, взятой в качестве любовницы конкистадором Эрнаном Кортесом и выполнявшей также функции переводчика, помогая испанцам общаться с ацтекскими народами, — яркий образ, напоминающий, что ключевая метафора колониализма — это насилие, присваивание “девственных земель”, их возделывание, культивация и, как следствие, “цивилизация”» (Bassnett, Trivedi, 2008: 4).

Некоторые исследователи, подчёркивая обстоятельства, в которых Малинче вынуждена была находиться как женщина и как рабыня, рассматривают её историю как ярчайший пример, символ плодотворного межкультурного взаимодействия, послужившего стимулом для дальнейшего развития региона по пути симбиоза самых разных культур (см.: Alarcón, 1989). Её действительно часто описывают именно как «наложницу конкистадора», а уже потом как переводчика, хотя большинство источников свидетельствуют, что она начала переводить и обеспечивать коммуникацию задолго до того, как стала делить с Кортесом ложе. Аррохо, упоминая «дочь влиятельного вождя ацтеков», замечает, что её «главная задача как переводчика Кортеса состояла не только в том, чтобы служить его верным посланником и наложницей, но и убеждать свой народ не противостоять испанским захватчикам» (Arrojo, 2020: 142). Здесь снова на первый план выдвигается интимная природа их отношений, а уже после этого упоминаются языковые способности Малинче, которые, как следует из продолжения цитаты, негативно отразятся на судьбе коренных мексканских народов из-за её предательства: «По сей день её имя является печальным напоминанием о жестоком насилии испанцев над землями и над женщинами Мексики, которые “открылись” завоевателям, а затем были жестоко брошены на произвол судьбы, после того как из них выжали все соки» (Там же).

Несмотря на негативные суждения, Малинче «почитаема как одна из немногих женщин, которая осталась в памяти благодаря своему труду в качестве культурного посредника между культурами» (Simon, 1996: 40). Воплотив за свою жизнь такое количество социально значимых исторических ролей, «Малинче — переводчик и жена Кортеса — реабилитирована… После того как долгое время она символизировала сексуальную эксплуатацию, обман и

уничтожение цивилизации, благодаря феминистскому движению Малинче предстаёт как одарённая и умная женщина…, посредник, соблюдающий нейтралитет» (Flotow, 1998: 123–124). В последние десятилетия её образ в коллективном сознании начал меняться, превращаясь из предателя в жертву (Gentzler, 2008: 154). Исследователей стала интересовать и «техническая составляющая» её деятельности, а именно трудности, связанные с особенностями переводческого многоступенчатого процесса, в котором она принимала участие (Alonso, Baigorri, 2004: 135). Для Делабаститы история доньи Марины иллюстрирует проблемы межъязыкового и межкультурного посредничества в эпоху колониальных завоеваний (Delabastita, 2009: 111). По его мнению, мифологизация переводчиков приводила к возникновению целой серии конкурирующих друг с другом нарративов, «которые продолжили самостоятельное существование уже в русле собственных мифов, существуя в серой зоне между реальностью и вымыслом» (Там же)[11].

Заключение

«Колонизация Америки, — пишет французский исследователь перевода Жан-Луи Кордонье, — череда насилий. Насилие над временем, т.е. над историей, насилие над территорией индейцев. Насилие над самой плотью индейских женщин» (Cordonnier, 1995: 62). Причиной насилия для выживших в этом поражении стала череда предательств: сначала тлашкаланцев, вставших на сторону Кортеса, богов, которые отвернулись от веровавших в них, Моктесумы и других правителей, которые оставили свой народ на произвол судьбы, и, наконец, доньи Марины, или Малинче.

Завоевание Америки оказывается замечательной иллюстрацией того, что при столкновении культур переводчик может занимать особое историческое место — быть на стороне чужого, т.е. оказаться предателем. История Малинче в этом смысле показательна, она напоминает о том, что переводчик всегда потенциально видится предателем в том смысле, что он может выдать тайны, которые заключает в себе язык и культура (как родные для переводчика, так и те, которым он хорошо обучен).

Кортес быстро понял, какую неоценимую услугу могла сослужить ему эта девушка, поэтому приблизил её к себе. А она «подарила ему ключи от своей культуры» и, таким образом, предала свою родину в руки победителей. Кортес забудет о ней, как только она

[11] Также см., например, вышедший в 2005 г. роман мексиканской писательницы Лауры Эскивель (Laura Esquivel) «Малинче» (Malinche): *Эскивель Л.* Малинче: роман / пер. с исп. В. Правосудова. СПб.: Амфора, 2006.

окажется ему не нужна, но времени их взаимодействия, а главное, его результата, будет достаточно, чтобы ярлык «предательства» или «сдачи (чужеземцам)» (*la entrega*), о котором пишет Октавио Пас, навсегда пристал к её имени и той социальной роли, которую сыграла переводчица в судьбе своего народа (Paz, 1998: 35).

Малинче — один из главных исторических персонажей не только Конкисты, но и всей истории Мексики и даже шире — всего американского континента — так как олицетворяет собой стремление к открытости, но открытости неоднозначной — выстраданной через насилие. Мексиканцы не смогли простить ей это предательство. В то же время она внушает уважение, так как, будучи переводчиком, она обладала даром Слова, не обыденного, а связанного с Властью. Встав на сторону испанцев, она пришла к этой власти благодаря переводу, т.е. своему словесному дару. Малинче оказалась наравне с ацтекскими правителями — ведь она имела прямой доступ к общению с ними. Но пользу её дар красноречия и убеждения принёс испанцам. Малинче отведена центральная роль в истории — роль посредника в центре событий, однако центр тяжести в этом посредничестве был смещён в сторону завоевателей. Ведь она сделала выбор в их пользу, а значит, установила такой тип отношений в межкультурном посредничестве, где перевес был явно на стороне испанских завоевателей.

Пас сравнивает Малинче с другим историческим персонажем той же эпохи Куаутемоком, воплощавшим собой борьбу не на жизнь, а на смерть во имя спасения своего народа от катастрофы: «Куаутемок бросается в бой навстречу гибели. В глубинном и мужественном принятии краха — весь трагизм его битвы. Эта драма сознания, обречённого видеть, как всё вокруг, начиная с творцов народного величия, его божеств, рушится, — своего рода вещий знак, тяготеющий над нашей историей. Куаутемок и его народ погибают в одиночестве, брошеные друзьями, союзниками, соратниками и богами. Погибают сиротами» (Пас, эл. ресурс). Куаутемок и Малинче — взаимодополняющие символы-антиподы. Культ Куаутемока, «принесённого в жертву сына», — своего рода прославление этнокультурной закрытости противостоит проклятию Малинче и её открытости чужому, понимаемой в прямом (физическом) и переносном (духовном) смысле. Она стала «олицетворением индеанок, очарованных испанцами и добровольно или насильно отдавшихся им». Отсюда, с одной стороны, прочно ассоциирующаяся с ней характеристика La Chingada[12], подхваченная в лозунге национали-

[12] Вульгаризм мексиканского варианта испанского языка, буквально означает «поруганная, изнасилованная».

стов «Viva Mexico, hijos de la chingada» — двусмысленном восклицании, обращённом как к себе, так и вовне. А с другой — быстро распространившееся уничижительное определение «малинчиста» (*malinchista*), введённое в обращение СМИ для осуждения тех, кто поклоняется всему иностранному, забывая о родном.

Выводы

Малинче сыграла неоценимую роль как переводчица и дипломат на первом этапе завоевания Мексики, однако на её родине в современной Мексике отношение к ней по-прежнему двойственно. Термин «малинчизм» (*Malinchismo*), означающий пренебрежение к своим корням и преклонение перед всем иноземным и даже предательство родины, часто эксплуатируется националистами. Существует также легенда о том, что призрак Малинче до сих пор бродит в районе бывшей столицы ацтеков Теночтитлана, оплакивая свою судьбу и стремясь навсегда покинуть этот мир, но предательство, совершенное при жизни против своего народа, не даёт обрести покой.

На другой чаше аксиологических весов образ «сильной женщины, жившей и отличившейся в мужском мире», образ, который мы можем восстановить по доступным первоисточникам. Нельзя не согласиться с Тейлором: «Несмотря на то, что многое спорно, — мы знаем, что Малинче была уважаемой, преданной, храброй, а её языковые познания были важной и ценной составляющей частью конкисты» (Тейлор, эл. ресурс).

Судьба Малинче — богатый материал для размышлений над психологическими, когнитивными, социальными, этическими аспектами переводческой деятельности и, кроме того, над характером возможных корреляций онтологии и аксиологии перевода.

Список литературы

Верлинден Ч. Покорители Америки. Колумб. Кортес. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. URL: https://royallib.com/book/verlinden__charlz/pokoriteli_ameriki_kolumb_kortes.html (дата обращения 21.05.2018).

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании / пер. Д.Н. Егорова; А.Р. Захарьяна. М.: Форум, 2000. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Dias/frametext1.htm (дата обращения 12.05.2020).

Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Хуан Баутиста Помар / пер. с исп. В.Н. Талаха; под ред. В.А. Рубеля. Киев: Лыбидь, 2013. URL: http://kuprienko.info/

istoriki-dokolumbovoj-ameriki-i-konkisty-kniga-pervaya-fernando-de-al-va-ishtlil-shochitl-huan-bautista-de-pomar/ (дата обращения 10.01.2015).

Пас О. Завоевание и колониальная эпоха. Из книги «Лабиринт одиночества» / пер. Б. Дубина. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pas-oktavio/osvyaschenie-miga/4 (дата обращения 05.05.2019).

Потапова А.М. Упоминания переводческой деятельности у древнегреческих авторов // Языки. Культуры. Перевод: VIII Международный научно-образовательный форум: материалы форума. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Тейлор Дж. Переосмысливая Малинче. URL: https://www.indiansworld.org/malinche2.html#.YGulxXomyUl (дата обращения 22.05.2019).

Эскивель Л. Малинче / пер. с исп. В. Правосудова. СПб.: Амфора, 2006.

Хроники открытия Америки. Книга I / Пер. Е.М. Лысенко. М.: Академический проект. 2000.

Alarcón N. (1989) Traddutora, Traditora: A Paradigmatic Figure of Chicana Feminism // Cultural Critique. 1989. No. 13: The Construction of Gender and Modes of Social Division, pp. 57–87.

Alonso I., Baigorri J. (2004) Iconography of Interpreters in the Conquest of the Americas. Meta. Vol. 17 (1), pp. 129–153.

Arrojo R. (2020) Interpretative as Possessive Love. Hélène Cixous, Clarice Lispector and the Ambivalence of Fidelity. Post-colonial Translation. Theory and Practice edited by Susan Bassnett and Harish Trivedi. London; New York: Routledge. Pp. 141–161.

Bassnett S., Trivedi H. (2002/1999) Introduction: of colonies, cannibals and vernaculars // Postcolonial Translation. Theory and Practice. Bassnett S., Trivedi H. (eds.). London: Routledge, pp. 1–18.

Bastin G. (2008) Latin American Tradition // Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by Mona Baker and Gabriela Saldanha (eds.). London; New York: Routledge, pp. 505–512.

Chipman D.E. (2005) Moctezuma's Children. Under Royalty under Spanish Rule, 1520–1700. Austin: University of Texas Press.

Cordonnier J.-L. (1995) Traduction et culture. Paris: Hatier/Didier.

Cortés H. (1519–1525/1986) Letters from Mexico. Translated, edited, and with a new introduction by A. Pagden. New Haven and London: Yale University Press.

Cronin M. (2000) History, Translation, Postcolonialism // Changing the Terms. Translating in the Postcolonial Era. Simon Sh., St Pierre P. (eds.). Ottawa: University of Ottawa Press, pp. 33–52.

Delabastita D. (2009) Fictional Representations. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Baker M. and. Saldanha G (eds.). London; New York: Routledge.

Delisle J., Woodsworth J. (1995) Les traducteurs dans l'histoire. Ottawa: University of Ottawa Press, 1995.

Diaz del Castillo B. (1998) Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, Edición de Francisco Rico, Barcelona: Plaza & Janés.

Flotow L. von. (1998) Le féminisme en traduction. Palimpsestes. Vol. 11, pp. 117–133.

Gentzler E. (2008) Translation and Identity in the Americas. London; New York: Routlege.

Helps A. (1856) The Spanish Conquest in America and Its Relations to the History of Slavery and the Government of Colonies. London: John W. Parker and Son West Strand.

Kartunnen F. (1994) Between Worlds. Interpreters, Guides and Survivors. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Kartunnen F. (1997) Rethinking Malinche. Indian Women of Early Mexico / Schroeder S., Wood S. and Haskett R. (eds.). Norman and London: University of Oklahoma Press, pp. 291–312.

León-Portilla L. (1962) The Broken Spears. The Aztec Account of the Conquest of Mexico. Boston: Beacon Press.

López de Gomara F. (1553) Primera et secunda parte de la Historia General de las Indias con todo el descubrimiento y cosas notables que han acaecido dende que se ganaron hasta el año de 1551. Con la conquista de México de la Nueva España. Medina del Campo: En casa de Guillermo de Millis.

Madariaga S., de. (1941) Hernán Cortés. Buenos Aires: Editorial Sudamericana.

Meyer M.C., Sherman W.L. (1987) The Course of Mexican History. New York: Oxford University Press. 102 p.

Paz O. (1998) El laberinto de la soledad. Madrid: Fondo de cultura económica de España.

Pittaluga G. (1946) Grandeza y servidumbre de la mujer. Buenos Aires: Editorial Sudamericana.

Prescott W. (1843–1873) The Conquest of Mexico. Vol. I–III. Boston: Dana Estes & Company.

Roland R.A. (1999) Interpreters as Diplomats. A Diplomatic History of the Role of Interpreters in World Politics. Ottawa: University of Ottawa Press. Roland.

Rosenwald L. (2008) Multilingual America. Language and the Making of Multilingual America. Cambridge: Cambridge University Press.

Routledge encyclopedia of translation studies (1998/2008) / M. Baker (ed.). London, New York: Taylor & Francis Group.

Sahagún B., de. (1830) Historia general de las cosas de la Nueva España. 1540–1585. Carlos María de Bustamante (ed.) Vol. I–III. Mexico: Impr. del ciudadano A. Valdés.

Serés G. (1991) Los textos de la "Historia verdadera" de Bernal Díaz. Boletín de la Real Academia Española, Tomo 71, Cuaderno 254, pp. 523–548.

Simon Sh. (1996) Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. London; New York: Routledge.

Valdeón R.A. (2013) Doña Marina. La Malinche: A Historiographical Approach to the Interpreter/Traitor // Target. Vol. 25 (2).

References

Alarcón N. (1989) Traddutora, Traditora: A Paradigmatic Figure of Chicana Feminism. Cultural Critique. No. 13: The Construction of Gender and Modes of Social Division. Pp. 57–87.

Alonso I., Baigorri J. (2004) Iconography of Interpreters in the Conquest of the Americas. Meta. Vol. 17 (1), pp. 129–153.

Arrojo R. (2020) Interpretative as Possessive Love. Hélène Cixous, Clarice Lispector and the Ambivalence of Fidelity. Post-colonial Translation. Theory and Practice edited by Susan Bassnett and Harish Trivedi. London; New York: Routledge, pp. 141–161.

Bassnett S., Trivedi H. (2002, 1999) Introduction: of colonies, cannibals and vernaculars Postcolonial Translation. Theory and Practice edited by Bassnett S., Trivedi H. London: Routledge, pp. 1–18.

Bastin G. (2008) Latin American Tradition. Routledge Encyclopedia of Translation Studies edited by Mona Baker and Gabriela Saldanha (eds.). London; New York: Routledge, pp. 505–512.

Chipman D.E. (2005) Moctezuma's Children. Under Royalty under Spanish Rule, 1520–1700. Austin: University of Texas Press.

Cordonnier J.-L. (1995) Traduction et culture. Paris: Hatier/Didier.

Cortés H. (1519–1525, 1986) Letters from Mexico. Translated, edited, and with a new introduction by A. Pagden. New Haven and London: Yale University Press.

Cronin M. (2000) History, Translation, Postcolonialism. Simon Sh., St Pierre P. (eds.). Changing the Terms. Translating in the Postcolonial Era. Ottawa: University of Ottawa Press, pp. 33–52.

Delabastita D. (2009) Fictional Representations. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Baker M. and. Saldanha G (eds.). London; New York: Routledge.

Delisle J., Woodsworth J. (1995) Les traducteurs dans l'histoire. Ottawa: University of Ottawa Press, 1995.

Dias del' Kastil'o B. (2000) Pravdivaya istoriya zavoevaniya Novoj Ispanii = A true history of the conquest of New Spain, per. D.N. Egorova, A.R. Zahar'yana. Moscow: Forum. (In Russian).

Diaz del Castillo B. (1998) Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, Edición de Francisco Rico, Barcelona: Plaza & Janés.

Esquivel L. (2006) Malinche = Malinche, per. s isp. V. Pravosudova. Saint Petersburg: Amfora. (In Russian).

Flotow L. von. (1998) Le féminisme en traduction. Palimpsestes. Vol. 11, pp. 117–133.

Garbovskij N.K., Kostikova O.I. (2021) Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii. Ocherki po istorii perevoda = History of translation: practice, technology, theory. Essays on the history of translation. N.K. Garbovskij, O.I. Kostikova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, (In Russian).

Gentzler E. (2008) Translation and Identity in the Americas. London; New York: Routlege.

Helps A. (1856) The Spanish Conquest in America and Its Relations to the History of Slavery and the Government of Colonies. London: John W. Parker and Son West Strand.

Hroniki otkrytiya Ameriki (2000) Kniga I = Chronicles of the Discovery of America. Book I. Per. E.M. Lysenko. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).

Istoriki Dokolumbovoj Ameriki i Konkisty (2013) Kniga pervaya. Fernando de Al'va Ishtlil'shochitl'. Huan Bautista Pomar = Historians of Pre-Columbian America and the Conquest. Book one. Fernando de Alva Ixtlilxochitl. Juan Bautista Pomar, per. s isp. V.N. Talaha, pod red. V.A. Rubelya. Kiev: Lybid'. (In Russian).

Kartunnen F. (1994) Between Worlds. Interpreters, Guides and Survivors. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Kartunnen F. (1997) Rethinking Malinche. Indian Women of Early Mexico / Schroeder S., Wood S. and Haskett R. (eds.). Norman and London: University of Oklahoma Press, pp. 291–312.

León-Portilla L. (1962) The Broken Spears. The Aztec Account of the Conquest of Mexico. Boston: Beacon Press.

López de Gomara F. (1553) Primera et secunda parte de la Historia General de las Indias con todo el descubrimiento y cosas notables que han acaecido dende que se ganaron hasta el año de 1551. Con la conquista de México de la Nueva España. Medina del Campo: En casa de Guillermo de Millis.

Madariaga S., de. (1941) Hernán Cortés. Buenos Aires: Editorial Sudamericana.

Meyer M.C., Sherman W.L. (1987) The Course of Mexican History. New York: Oxford University Press. 102 p.

Paz O. (1998) El laberinto de la soledad. Madrid: Fondo de cultura económica de España.

Paz O. Zavoevanie i kolonial'naya epoha. Iz knigi "Labirint odinochestva" = The Conquest and Colonialism. The Labyrinth of Solitude, per. B. Dubina. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/П/pas-oktavio/osvyaschenie-miga/4 (accessed 05.05.2019) (In Russian).

Pittaluga G. (1946) Grandeza y servidumbre de la mujer. Buenos Aires: Editorial Sudamericana.

Potapova A.M. (2021) Upominaniya perevodcheskoj deyatel'nosti u drevnegrecheskih avtorov = Mentions of translation activities by ancient Greek authors. Yazyki. Kul'tury. Perevod: VIII Mezhdunarodnyj nauchno-obrazovatel'nyj forum: materialy foruma. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Prescott W. (1843–1873) The Conquest of Mexico. Vol. I–III. Boston: Dana Estes & Company.

Roland R.A. (1999) Interpreters as Diplomats. A Diplomatic History of the Role of Interpreters in World Politics. Ottawa: University of Ottawa Press. Roland.

Rosenwald L. (2008) Multilingual America. Language and the Making of Multilingual America. Cambridge: Cambridge University Press.

Routledge encyclopedia of translation studies (1998/2008). M. Baker (ed.). London, New York: Taylor & Francis Group.

Sahagún B., de. (1830) Historia general de las cosas de la Nueva España. 1540–1585. Carlos María de Bustamante (ed.). Vol. I–III. Mexico: Impr. del ciudadano A. Valdés.

Serés G. (1991) Los textos de la "Historia verdadera" de Bernal Díaz. Boletín de la Real Academia Española, Tomo 71, Cuaderno 254, pp. 523–548.

Simon Sh. (1996) Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. London; New York: Routledge.

Taylor J. Pereosmyslivaya Malinche. = Reinterpreting Malinche URL: https://www.indiansworld.org/malinche2.html#.YGulxXomyUl (accessed 22.05.2019) (In Russian).

Valdeón R.A. (2013) Doña Marina. La Malinche: A Historiographical Approach to the Interpreter/Traitor. Target. Vol. 25 (2).

Verlinden CH. (1997) Pokoriteli Ameriki. Kolumb. Kortes = The Conquerors of America. Columbus. Cortes. Rostov-n/D: Feniks. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Костикова Ольга Игоревна — доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; olga.kostikova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga I. Kostikova — Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Deputy Director of the Higher School of Translation (Faculty) of Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Moscow State University, GSP-1, building 1/51; olga.kostikova@list.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Серия 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2022. Т. 15. № 4. С. 47–58
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 47–58

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81`25
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-47-58

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЧАСТИЦ НА ПЕРСИДСКИЙ

Ибрагимшарифи Шлер[1], **Галебанди Сейеде Сафура**[2]

[1] Исфаханский университет, Иран
[2] Независимый переводчик, Иран
Для контактов: sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

Аннотация. Самыми сложными вопросами при переводе художественных текстов с русского языка на персидский являются понимание значения русских частиц и нахождение подходящего эквивалента при их переводе. Частицы являются одним из важных элементов текста, которые конкретизируют, отделяют и усиливают какие-либо слова по выбору автора. Большое количество частиц в русском языке и важная роль частиц в выражении эмоционально-экспрессивной оттенки предложения, с одной стороны, и их малое количество и ограниченное употребление в персидском языке, с другой стороны, создаёт серьёзные проблемы при понимании их значения и особенно при переводе. Понятие «частицы» соотносится с разными терминами в персидском языке, адекватно не покрывающими русскую частицу, чем обусловлена актуальность работы. В большинстве случаев персы относятся к русским частицам как к непереводимым частям речи, не имеющим особой, значимой функции. В данной статье сопоставительным методом описываются системы частиц русского и персидского языков и потом анализируются переводы некоторых примеров из русской художественной литературы на персидский с целью выявления трудностей, с которыми сталкиваются иранские студенты и переводчики при понимании значения и переводе русских частиц. Авторы выявляют, что основными трудностями, стоящими перед иранскими переводчиками, являются неправильное разграничение частиц от омонимических конструкций, неправильное определение чёткого значения

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

частиц в предложении, невозможность найти подходящий переводный эквивалент или подходящий эквивалент по семантике и стилю в персидском языке и реинтерпретация значения частиц.

Ключевые слова: частица, семантическая функция, перевод, русский язык, персидский язык

Для цитирования: *Ибрагимшарифи Шлер, Галебанди Сейеде Сафура.* Трудности перевода русских частиц на персидский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 47–58. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-47-58

Статья поступила в редакцию 23.10.2022;
одобрена после рецензирования 26.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

DIFFICULTIES IN TRANSLATING RUSSIAN PARTICLES INTO PERSIAN

Ebrahimsharifi Shler[1],
Ghalebandi Seyedeh Safoora[2]

[1] University of Isfahan, Iran

[2] Freelance translator

For contacts: sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

Abstract. One of the most difficult problems when translating literary texts from Russian into Persian is to understand the meaning of Russian particles and find suitable equivalents. Particles are important elements of the text that concretize, separate and strengthen any words according to the author's choice. The abundance of particles in Russian and the important role of particles in the expression of emotional-expressive shades of sentences on the one hand, and their small number and limited use in the Persian language on the other, creates serious problems in understanding their meaning, especially in translation. The concept of particles relates to different terms in the Persian language that do not adequately cover Russian particles, which determines the relevance of the work. In most cases, the Persians refer to Russian particles as untranslatable parts of speech that do not have a special, significant function. In this paper, the particle systems of the Russian and Persian languages are described by means of a comparative method and then a number of translations of some examples from Russian fiction into Persian are analyzed in order to identify difficulties faced by Iranian students and translators in understanding the meaning and translation of Russian particles. The authors show that the main difficulties faced by Iranian translators are the incorrect differentiation of particles from

homonymic constructions, incorrect definition of a clear meaning of particles in a sentence, the inability to find a suitable translation equivalent or the inability to find a suitable equivalent in accordance with the semantics and style in the Persian language and reinterpretation of the meaning of particles.

Keywords: Particle, semantic function, translation, Russian language, Persian language

For citation: Ebrahimsharifi Shler, Ghalebandi Seyedeh Safoora (2022) Difficulties in translating russian particles into persian // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 47–58. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-47-58

The article was submitted on October 23, 2022;
approved aft er reviewing on January 26, 2023;
accepted for publication on February 15, 2023.

Введение

Частицы являются одним из ярких проявлений национальной специфики русского языка. «Мир частиц — мир дополнительной скрытой семантики» (Николаева, 2000: 92). Частицы как средство выражения эмоционально-экспрессивной оттенки предложения играют важную коммуникативно-прагматическую роль. В этом смысле, по словам Е.М. Стародумовой, им уделяется внимание практически во всех областях и направлениях современной лингвистики: «в коммуникативном синтаксисе и прагматике, в теории текста, в фонетике (интонологии) и в лексикографии» (Стародумова, 2002: 3). Русскому языку характерно широкое употребление глагольных, наречных, местоимённых, союзных, модальных и междометных частиц. Наоборот, «частица», как понимается в русском, в персидском языке не существует. Сравнивая системы частиц русского и персидского языков, легко можно представить, что понимание и усвоение сложной системы частиц русского языка слишком трудно персидским студентам и переводчикам. Хотя в последние годы иранскими студентами-филологами составлены разные диссертации, посвящённые сравнительному изучению разных сторон русского и персидского языков, но изучение частиц не увлекло их внимание. Единственные работы в этой сфере принадлежат Ф. Маджиди (2013) и совместной работе А.Ю. Чернышёвой и Р. Зиаи (2015), в которых изучены варианты перевода некоторых отдельных русских частиц на персидский язык.

В русском языке частицы больше всего употребляются в разговорной речи. Е.А. Стародумова указывает на то, что «в диалоге употребляется значительно больше частиц, чем в письменной монологической речи (даже если это художественная речь) и кроме этого диалог отличается от монолога не только частотностью, но и составом частиц» (Стародумова, 2002: 36–37). В диалоге частицы употребляются для выражения побуждения, вопроса, привлечения внимания адресата к просьбе, крайнее удивление, восхищение, неодобрение, разочарование, возмущение и др. и, как отмечает Е.А. Стародумова, «в разных типах художественной прозы активно участвуют для повествования текстов психологического типа, рисующих определённые эмоциональные состояния и употребляются в текстах, представляющих рассуждающую речь» (Там же: 52).

По мнению В.В. Виноградова, основное назначение частиц заключается в том, чтобы «вносить дополнительные оттенки в значения других слов, предложений или же выражать грамматические, логические и экспрессивные отношения» (Виноградов, 1947: 664). С.М. Колесникова делит частицы на: «смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные. Смысловые частицы выражают различные смысловые оттенки значений слов в речи, модальные частицы выражают волеизъявление говорящего или его отношение к достоверности явления, эмоционально-экспрессивные частицы усиливают эмоциональную выразительность речи» (Колесникова, 2020: 13).

Частицы в русском языке являются самым неоднородным по составу классом слов. Они разнородны по своим семантическим и функциональным свойствам и имеют легко переходимые границы с различными классами служебных, знаменательных слов и междометий. В этой связи Е.А. Стародумова пишет: «частицы настолько разнородны по своим семантическим и функциональным свойствам, что найти для них общие категориальные признаки не представляется возможным» (Стародумова, 2002: 6). «Вопрос о семантике частиц в русском языке является одним из ключевых вопросов в исследовании класса частиц. До сих пор не определено, имеют ли они собственные значения или оно принадлежит всему построению. По мнению ряда исследователей, именно контекст (микротекст и макротекст) может конкретизировать значение частицы» (Николаева, 2000: 7). «Современные исследователи предлагают выделять объективные и субъективные типы значений в семантике частиц и рассматривать субъективную часть семантики; выражение отношения говорящего к сообщаемому через разного рода оценки и объективную часть семантики; соотношение содержания

высказывания: а) с широким культурным контекстом, создающим общий фонд знаний для пишущего и читающего; б) с системой возможных событий/ситуаций; в) с реализовавшимися другими событиями/ситуациями» (Куприна, 2016: 98).

В персидской грамматике нет единого термина в качестве эквивалента русского термина **частицы**. Вопрос о сущности подобных конструкций в персидском языке мало изучен грамматистами. Подобные конструкции известны как «شبه‌جمله» ‘*подобно предложению*’, «صوت» ‘*звук*’, «ندا» ‘*обращение*’ и реже «اداة» ‘*служебные слова*’. С.Х. Захраи в «учебной грамматике русского языка» выбрал термин «اداة» ‘*служебные слова*’ как персидский эквивалент термина «частицы» (زهرایی/Захраи, 1393: 482). Среди персидских лингвистов и грамматистов Шафи А. более подробно описывает структуру соответствующих конструкций, критикует персидских грамматистов за то, что не учитывали наличие у них лексического значения и выделяет три разряда: 1) «ندا» ‘*обращение*’ или «صوت» ‘*звук*’ — это слова, не имеющие лексического значения и употребляющиеся для выражения внутренних эмоций говорящего/автора к предложению, например: «آه» ‘*ах*’, «اوف» ‘*уф*’; 2) «اداة» ‘*служебные слова*’ — это слова, не имеющие семантического наполнения, употребляющиеся для усиления семантики предложения: «نه» ‘*нет*’, «آیا» ‘*ли*’, «هم» ‘*же*’, «اما» ‘*ну*’; 3) «کلمه‌جمله ندایی» ‘*слово-предложение обращения*’ — это слова, имеющие определённые лексические значения, показывающие соответствующие эмоции, как например: «آفرین» ‘*молодец*’, «زهی» ‘*жаль*’ (شفائی / Шафаи, 1363: 133–134, 185–187). По сравнению с персидскими грамматистами, Ю.А. Рубинчик подробно описывает персидские частицы и среди них выделяет 7 групп по значению: «1 — утвердительные: «بله», «اره», «آری», «بلی» ‘*да*’; 2 — отрицательные: «نخیر», «خیر», «نه» ‘*нет*’; 3 — усилительные: «که», «دیگر», «آخر» ‘*ведь, же*’; «ده» ‘*ну, ну-ка, давай-ка*’; «خوب» ‘*ну*’; «حتی» ‘*даже*’; «هم» ‘*даже, же*’; «بلکه» ‘*даже*’; 4 — вопросительные: «آیا», «مگر» ‘*разве, ли*’; «ها» ‘*а*’; «راستی» ‘*правда*’; 5 — восклицательные: «چقدر», «چه» ‘*как, какой, что за*’; «اینجوری» ‘*вот так*’; 6 — выделительно-ограничительные: «فقط», «تنها» ‘*только, лишь*’; 7 — модально-побудительные: «بگذار» ‘*пусть*’; «بیا» ‘*давай*’ (Рубинчик, 2001: 337–338). Он определяет междометия как самостоятельная группа, употребляющаяся для выражения кратчайших эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: «ای» ‘*эй*’, «وای» ‘*ой*’, «بیا» ‘*давай*’, «افسوس» ‘*жаль*’, «خوشا» ‘*рад*’ (Там же: 342–343). Вопрос о классификации частиц в персидском языке ещё остался на первых этапах изучения. Частицы персидского языка представляют собой малочисленными с ограниченным диапазоном употребле-

ния. С другой стороны, перед персидскими переводчиками стоит ряд русских частиц, лишённых чёткого значения с неоднородными типами значений и широким диапазоном употребления. Именно поэтому, когда в иранской аудитории по РКИ на уроках по переводу студенты сталкиваются с русскими частицами, воспринимают их как не ясные языковые единицы, не носящие чёткого, важного значения и полагают, что их исключение при переводе не изменяет содержательной стороны текста. Таким образом игнорируют их, будто их не существует в предложении. Далее, анализируя переводы некоторых примеров из русской художественной литературы на персидский, авторы классифицируют основные трудности, усложняющие процесс понимания значения русских частиц и их перевод на персидский.

1. Неправильное разграничение частиц от омонимических конструкций

Частицы русского языка представляют собой самым неоднородным классам слов. Функциональная близость частиц и союзов, наречий, местоименных слов, модальных слов и междометий вводит в заблуждение иранских студентов-переводчиков. Связь функции и семантики является неразрывным звеном при описании частиц. Омонимическое совмещение частиц с указанными частями речи вызывает трудность для персоговорящих студентов. Например, *вдруг* в функции наречия имеет значение '*неожиданно*' и в функции частицы выражает опасение говорящего по поводу нежелательной ситуации (Стародумова, 2002: 14). Эта омонимичность вводит студентов-переводчиков в заблуждение, например, в предложениях:

(1) *Чайка, взмывшая над кормой, становится* ***вдруг*** *вся золотою (Соколов-Микитов)*

'مرغ دریایی که بر روی عقب کشتی اوج گرفته بود ***ناگهان*** *طلایی شد '*

(2) *Страшно:* ***вдруг*** *доктора ошиблись?*

'وحشتناک است: پزشکان ***ناگهان*** *اشتباه کردند.'*

слово **вдруг** в обоих предложениях воспринимается как наречие в значении **неожиданно**. Во втором предложении нет никакого формального признака для отличия частицы от наречия, и она воспринимается неправильно. В русском предложении выражается нежелательная ситуация, которая могла возникнуть, но в персидском переводе этот оттенок интерпретируется как совершаемое неожиданное действие. Наличие в предложении вопросительного

же знака не помогает правильно понять суть предложения. В предложении:

(3) ***Оно*** *разумеется, князь Андрей не дитя, и без него обойдётся; да против воли в семью входить нехорошо (Л. Толстой)*

'بدیهی است که شاهزاده آندره بچه نیست و بدون او هم از عهده‌اش برمی‌آید، فقط برخلاف خواست خانواده وارد شدن کار خوبی نیست'

частица **оно** и её противопоставление исключаются при переводе, потому что студентам трудно воспринимать её как частицу. В подобных конструкциях они стараются найти связь между **оно** (как местоимение) и каким-то словом в тексте (предложении) и таким образом делают вывод, что никакой ошибки не произошло, и если им не удалось восстановить такую (неправильную) связь, не учитывая её возможную роль, исключают её при переводе.

2. Неправильное определение чёткого значения частиц в предложении

Частицы русского языка имеют разные функциональные свойства. Они могут вносить разные и даже противоположные значения в зависимости от условий контекста и от интонации. Под термином *функция* нами понимается способность частицы к выполнению того или иного назначения и под *значением* — то отношение, которое она выражает в предложении. В силу своей семантической полифункциональности частицы русского языка могут иметь разные значения. Например, в предложениях:

(4) *— Пустите, пожалуйста, я ничего! — умолял слабый мужской голос. — Да* ***уж*** *не пущу без позволения мадамы, — говорила женщина... (Л. Толстой)*

*'صدای مردانه‌ی ضعیفی' التماس کنان گفت: «لطفاً بگذارید وارد شوم، من با شما کاری ندارم!». زن پاسخ داد: «**به هیچ وجه** بدون اجازه خانم کسی را راه نمی‌دهم»'*

(5) *Чертопхановы чего захотят —* ***уж*** *добьются! (И. Тургенев)*

*'چرتاپخاناف‌ها هر چه را اراده کنند **حتماً** بدست می‌آورند! '*

(6) *— Ты* ***уж*** *потрудись, пособи мне (Л. Толстой)*

*'**حالا که** زحمت میکشی ، **یک** کمکی **هم** به من بکن.'*

(7) ***Уж*** *не сочиняешь ли ты? (И. Гончаров)*

*'دروغ **که** نمیگویی؟ '*

(8) *(Домна Пантелеевна) Князь уехал?* ***Уж*** *не рассердился ли он? (А. Островский)*

'شاهزاده رفت؟ عصبانی **که** *نبود؟'*

частица *уж* выражает усиление (4), акцентирование (5, 6), опасение (7, 8). Определение функции и следовательно семантики частиц не так легко, именно поэтому при переводе игнорируют и не передают их или их переводят неправильно. В указанных переводах полужирные слова являются переводным эквивалентом русских частиц, но они часто исключаются, так как студентам-переводчикам не известно, откуда можно знать, какое значение имеет соответствующая частица в данном предложении. Узнав важную роль русских частиц в коммуникации, определение лексического значения русских частиц в предложении является самой большой трудностью иранских переводчиков.

3. Невозможность найти подходящий переводный эквивалент

Эта трудность теснее всего объясняется обилием частиц русского языка и малочисленностью частиц в персидском языке. Двуязычные русско-персидские словари не дают подходящих переводных эквивалентов, и обращение к имеющимся толковым русскоязычным словарям лишь частично позволяет справиться с этой трудностью. Например, в русско-персидском словаре И.К. Овчинниковой в качестве переводного эквивалента для частицы *уж* включилась частица که (Овчинникова, 1996: 961), а в русско-персидском словаре под редакции Г.А. Восканяна она не включилась в качестве частицы (Восканян, 1996: 725), но персидская частица که только выражает опасение и акцентирование и не является подходящим эквивалентом при выражении усиления. Рассмотрение словарных статей о других русских частицах в соответствующих русско-персидских словарях показывает, что у них тоже подобное состояние. Обращение к русскоязычным словарям опять же не помогает полностью преодолеть эту трудность.

4. Невозможность найти подходящий эквивалент по семантике и стилю

В русском языке есть ряд частиц, выражающих одинаковые значения в разных стилях речи, но в персидском языке среди частиц нет такого широкого словарного запаса. Определяя семантический оттенок, прибавляемый к предложению частицей, студентам и переводчикам сложно и часто невозможно найти подходящий экви-

валент из-за отсутствия аналога в персидском языке. Например, для частицы *же* в побудительном предложении:

(9) *Уходи же скорее!*

'یالا / دِ یالا سریعتر برو!'

есть переводный эквивалент среди персидских частиц (یالا / دِ یالا), но она имеет пренебрежительный, низкий оттенок и не является полным эквивалентом русской частицы **же**. Усилительный оттенок, выраженный частицами **вот** и **ну и** в предложениях:

(10) *Вот молодец!*

'آفرین!'

(11) *Ну и чудеса!*

'معرکه است!'

невозможно переводить на персидский, так как среди персидских частиц подходящего эквивалента для таких ситуации не существует.

5. Неправильный перевод из-за реинтерпретации значения частиц в русском и персидском языках

Частичное совпадение значения частиц в русском и персидском языках приводит к интерференции и, следовательно, возникает ошибка при переводе с русского на персидский. Например, студенты соотносят значение союза-частицы **хотя / хоть** с персидским местоимением-частицей هر چند، ولو، شده، حداقل, например:

(12) *Приезжай **хоть** на недельку.*

*'بیا **ولو** برای یک هفته./ **حداقل** برای یک هفته هم **شده** بیا./برای یک هفته هم **شده** بیا.'*

(13) *Я пойду за тобою **хоть** на край света.*

*'آن سر دنیا **هم که شده** دنبالت خواهم آمد'*

Соответствующая персидская частица указывает на минимальный и максимальный передел и в этих значениях является переводным эквивалентом русской частицы **хотя бы / хоть бы**. Тождественность в этих значениях приведёт к тому, что персы из-за интерференции родного языка во всех предложениях воспринимают **хотя бы** как средство выражения передела и переводят её с помощью указанных частиц. Например, в предложении:

(14) *Насколько важна эта тема, говорит **хотя бы** такая деталь*

*'این مسئله بسیار مهم است، **حداقل** این جزئیات چنین می‌گوید'*

частица **хотя бы** употребляется в значении **например** и её следует перевести с помощью частицы مثلاً، بعنوان مثال:

*‘**مثلاً** این جزئیات نشان میدهند که این مسئله بسیار مهم است’*

но она неправильно переводится с помощью частицы *حداقل* ‘минимально’; или в предложении:

(15) *Хочется сесть в поезд и уехать куда глаза глядят,* ***хотя бы*** *в Ташкент или в Красноводск (Трифонов).*

*‘دلم می‌خواهد سوار قطار شوم و تا جایی که چشم کار میکند دور شوم، **شده** تاشکند یا کراسنوودسک.’*

неправильный перевод частицы (как минимальный передел) изменяет суть предложения.

Заключение

Анализ вышеуказанных примеров и ряд классифицированных причин показывает, насколько неправильное понимание функции и значения русских частиц и их игнорирование нарушает коммуникативную равноценность текста ИЯ и ПЯ. Нестабильность значения частиц в русском языке, отсутствие формального признака для выделения частицы от омонимичных форм и выявления их чёткого значения в предложении, и также трудность в определении их отнесённости к тому или иному слову в предложении усложняет процесс их перевода. Учитывая их важную роль в коммуникации, иранским переводчикам не надо обращаться к ним как к непереводимым единицам. Важно в первую очередь воспринимать их роль в предложении, а потом найти способ для их перевода (при помощи эквивалентных частиц, словосочетаний, а иногда целого предложения).

Список литературы

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.

Восканян Г.А. Русско-персидский словарь / Под ред. Г.А. Восканяна. Тегеран: Фарханге моасер. 1996.

Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. Монография. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 112 с.

Куприна Н.В. Проблемы изучения семантико-прагматических свойств частиц русского языка // Международный научный журнал «Символ науки», 2016. № 8. С. 97–99.

Маджиди Ф. Рассмотрение русских частиц «ну», «же», «что», «как» и особенности их перевода на персидский язык: дис. ... канд. филол. наук. Тегеран, 2013.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.

Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь / Под ред. И.К. Овчинниковой. Тегеран: Джаведан херад, 1996.

Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Издательская группа «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.

Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.

Чернышёва А.Ю., Зиаи Р. Выражение эмоций в русском и персидском языках (на материале речевых актов побуждений) // Филология и культура, 2015. № 3 (41). С. 162–168.

شفائی احمد. مبانی علمی دستور زبان فارسی. تهران: انتشارات نوین. 1363. 654 ص.

زهرائی سید حسن. دستور آموزشی زبان روسی. تهران: سمت.1393. 588ص.

References

Chernyshova A.Y., Ziaei R. (2015) Vyrazhenie jemocij v russkom i persidskom jazykah (na materiale rechevyh aktov pobuzhdenij) = Expressing emotions in the Russian and Persian languages (based on causative speech acts). *Filologija i kul'tura.* No. 3 (41), pp. 162–168 (In Russian).

Kolesnikova S.M. (2020) Russkie chasticy: semantika, grammatika, funkcii = The Russian particles: semantics, grammar, functions. Monograph. 4th ed. Moscow: Flinta. 112 p. (In Russian).

Kuprina N.V. (2016) Problemy izuchenija semantiko-pragmaticheskih svojstv chastic russkogo jazyka = The problems of studying semantic and pragmatic characteristics of Russian particles, mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «simvol nauki». No. 8, pp. 97–99 (In Russian).

Majidi F. (2013) Rassmotrenie russkih chastic "nu", "zhe", "chto", "kak" i osobennosti ih perevoda na persidskij jazyk = The review of the Russian particles: "nu", "zhe", "chto", "kak" and characteristics of their translation into Persian: dissertation of a cand. philol. Tehran (In Persian).

Nikolaeva, T.M. Ot zvuka k tekstu = From sound to text. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 2000. 680 p. (In Russian).

Ovchinnikovy I.K. Russko-persidskij slovar' = Russian-Persian Dictionary. Edited by I.K. Ovchinnikovy. Tegeran: Dzhavedan herad. 1996.

Rubinchik Ju.A. (2001) Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka = The grammar of the modern Persian literary language. Moscow: Izdatel'skaja gruppa "Vostochnaja literature" RAN. 600 p. (In Russian).

Shafayi A. (1363) The Scientific Basics of Persian Grammar. Tehran: Novin. 654 p. (In Persian).

Starodumnaya E.A. (2002) Chasticy russkogo jazyka (raznoaspektnoe opisanie) = The particles of the Russian language (multi-aspect description). Vlalivostok. Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 292 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. (1947) Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical teaching about the word). Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo. 783 p. (In Russian).

Voskanjan G.A. (1996) Russko-persidskij slovar' = Russian-Persian Dictionary. Edited by G.A. Tegeran. Farhange moaser (In Persian).

Zahraee S.H. (1393) The educational grammar of the Russian language. Tehran: Samt. 508 p. (In Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ибрагимшарифи Шлер — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского и русского языков, Исфаханский университет, город Исфахан, Иран, 8174673441, г. Исфахан, пр. Хезарджариб, Исфаханский университет, факультет иностранных языков; sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

Галебанди Сейде Сафура — кандидат филологических наук, присяжный переводчик Судебной власти Исламской Республики Иран, Сари; s.ghalebandi@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Ebrahimsharifi Shler — Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Department of French and Russian language, University of Isfahan, Isfahan, Iran, address: Isfahan, Azadi square, University of Isfahan, Faculty of Foreign Languages, Postal Code: 817467344; sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir; ORCID: 0000-0001-9683-9473

Ghalebandi Seyedeh Safoora — Cand. Sc. (Philology), Sworn Translator of the Judiciary of the Islamic Republic of Iran, Sari; s.ghalebandi@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3446-8042

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'253
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78

К ВОПРОСУ О КОМПРЕССИИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

Марклен Эрикович Конурбаев[1],
Эльвира Рустемовна Ганеева[2]

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

*Для контактов: marklen@konurbaev.ru, ellevira.ganeeva@gmail.com

Аннотация. В современном переводоведении речевую компрессию принято изучать как лингвистический приём или как стратегию перевода, но при этом не учитывается когнитивный процесс, который, по мнению авторов, основывается на подборе функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии пересечения культурных концептов в данных языках. Целью статьи является рассмотрение речевой компрессии в разных видах дискурса в синхронном переводе с учётом прагматической ориентированности. Для достижения поставленной цели авторы приводят краткий обзор исследований, способствующих изучению компрессии в дискурсивном аспекте; исследуют лингвистические предпосылки для осуществления компрессии; рассматривают компрессию с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. На примере анализа переводов разных видов дискурса разрабатывается модель когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода с опорой на совпадения в культурных концептах двух языков. Выстраиваются два основных принципа перевода: принцип репродукции (reproduction) предполагает детальное воспроизведение всех элементов исходного сообщения, а принцип замены (replacement) позволяет подобрать другой вариант перевода, подходящий по коммуникативной интенции, со схожими функциональными характеристиками. Для того, чтобы найти соответствия между культурными концептами, переводчику необходимо хорошо ориентироваться в культурной системе

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

координат обоих языков в рамках определённого дискурса. Компрессия может происходить на более низком уровне понимания исходного сообщения за счёт опущения избыточных элементов и замены их более ёмкими лексико-синтаксическими средствами с сохранением информационной значимости сообщения. На более высоком уровне понимания, затрагивающем культурные концепты и язык мышления, компрессия осуществляется за счёт подбора уже готовых и, как правило, ёмких функциональных эквивалентов, существующих в языке перевода.

Ключевые слова: устный перевод, синхронный перевод, компрессия, когнитивная лингвистика, дискурс, прагматика

Для цитирования: *Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р.* К вопросу о компрессии в синхронном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 59–78. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78

Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.12.2022;
принята к публикации 15.02.2023.

COMPRESSION IN SIMULTANEOUS INTERPRETING IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Marklen E. Konurbaev[1], Elvira R. Ganeeva[2]

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[2] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

For contacts: marklen@konurbaev.ru, ellevira.ganeeva@gmail.com

Abstract. In modern translation studies, compression has come to be regarded as a linguistic operation, as a translation strategy. However, the cognitive process that underlies compression has not been taken into consideration. The authors believe that compression is based on selecting a functional equivalent to the source message, provided that the cultural concepts in both languages overlap. The article aims at studying compression pragmatically in various types of discourse in the process of simultaneous interpretation. To reach this goal the authors provide an overview of the previous research that facilitates the analysis of compression from the point of view of discourse; study the linguistic basis of compression; and analyze compression from pragmatic and cognitive perspectives. As a result, a model is proposed which presupposes a cognitive selection of a functional equivalent to the source message based on overlapping cultural concepts in two languages.

Two principles of interpretation are analyzed: the principle of reproduction is based on a thorough reproduction of all the elements that make up the source message, while the principle of replacement involves selecting a communicatively adequate variant of interpretation that would perform similar functions in the given context. In order to establish correlations between cultural concepts an interpreter has to be well-versed in cultural coordinates system of both languages within a certain discourse. On a lower level of understanding compression is limited to omitting redundant elements and replacing them with more concise versions, lexically and/or syntactically, while preserving the informative components of the message. On a higher level of understanding that appeals to the cultural concepts and the language of thought (mentalese), compression involves selecting a ready-made functional equivalent that already exists in the target language and is normally more concise in form.

Keywords: interpretation, simultaneous interpretation, compression, cognitive linguistics, discourse, pragmatics

For citation: *Konurbaev M.E., Ganeeva E.R.* (2022). Compression in simultaneous interpreting in different types of discourse. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 59–78. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-59-78

The article was submitted November 28, 2022;
approved after reviewing December 25, 2022;
accepted for publication February 15, 2023.

Введение

Вопросом компрессии в синхронном переводе занимались Г.В. Чернов, И.А. Зимняя, А.Ф. Ширяев, А.Д. Швейцер, А.А. Леонтьев, Р.К. Миньяр-Белоручев, С.Б. Бенедиктов и др. При этом внимание исследователей было направлено на такие аспекты деятельности переводчика, как режим одновременного восприятия и говорения, речевая деятельность, память, психологические процессы, задействованные во время синхронного перевода, в особенности механизм вероятностного прогнозирования. С развитием переводоведения меняется и понимание компрессии: лингвистического приёма, стратегии перевода до глубинного когнитивного процесса, который, на наш взгляд, основывается на подборе функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии совпадения в культурных концептах и ментальности народов, говорящих на данных языках.

Вопрос о том, каким образом осуществляется компрессия в зависимости от типа дискурса, остаётся открытым, так как на данном этапе развития переводоведения ещё не проводилось системное исследование компрессии с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. Тем не менее, ответ на данный вопрос чрезвычайно важен, поскольку он определяет базовые понятия профессии переводчика-синхрониста.

Компрессия в лингвистике и переводоведении

Компрессию в переводоведении принято изучать с точки зрения производимых при переводе лингвистических операций. Так, Р.К. Миньяр-Белоручев рассматривает речевую компрессию как один из методов трансформации исходного текста, наряду с лексическими и грамматическими трансформациями, с тем отличием, что целью данной операции является «не только упростить текст, подлежащий переводу, но и уменьшить его слоговую величину» (Миньяр-Белоручев, 1996: 171). То есть компрессия выступает в качестве подготовительного этапа для перевода.

В литературе по синхронному переводу большое внимание уделено избыточности речи как ресурсу для компрессии, за счёт которого в синхронном переводе, по словам Г.В. Чернова, «неизбежно происходит сжатие речи оратора» с учётом темпа и стиля его речи (Чернов, 1969: 55). Другие исследователи делали предположение о том, что уровень избыточности в 60–70% может считаться универсальным свойством языка в целом (Ахманова и др., 1961: 134). При этом информативная нагрузка исходного сообщения приходится на 35% языковых единиц (Чернов, 1978: 24).

Г.В. Чернов выделяет лексическую компрессию, под которой понимается более экономное употребление лексики, и синтаксическую компрессию за счёт рационализации синтаксиса выходного сообщения, в первую очередь — устранения синтаксического буквализма (Чернов, 1969: 60). Соглашаясь с автором, полагаем, что при осуществлении компрессии чрезвычайно важно также учитывать прагматическую составляющую коммуникативной ситуации.

В свою очередь избыточность, по мнению А.Ф. Ширяева, может проявляться «в последовательности речевых сигналов», которые «дублируют друг друга и повышают надёжность процесса коммуникации до очень высокого уровня» (Ширяев, 1979: 83). В ситуации дефицита времени переводчик вправе пожертвовать некоторыми дублирующими элементами с целью сокращения отставания от оратора.

При этом, как справедливо отмечает И.В. Полуян, сложно говорить о компрессии выходного сообщения, поскольку во время работы синхрониста выходного сообщения, в его законченном виде, ещё не существует (Полуян, 2011: 5). Следует говорить о наиболее экономном оформлении выходного сообщения, которого можно добиться с помощью определённых языковых средств (Там же: 5).

Основываясь на исследованиях вышеназванных авторов, В.В. Сдобников приходит к выводу, что компрессия представляет собой экономное оформление выходного сообщения, обеспечивающее уменьшение слоговой величины текста перевода по сравнению со слоговой величиной оригинала (Сдобников, 2016: 126).

Решая вопрос о предпосылках компрессии, В.В. Сдобников выделяет три группы факторов, которые предопределяют способы компрессии:

1) системно-обусловленные, т.е. факторы, связанные с различиями в структурах языков;

2) тексто-обусловленные факторы, которые зависят от самого переводимого текста;

3) ситуативно-обусловленные, т.е. факторы, отсылающие реципиента к экстралингвистической ситуации, которая им хорошо знакома (Сдобников, 2016: 128–130).

Системно-обусловленные средства компрессии, по мнению автора, используются опытным переводчиком в основном автоматически, и его усилия направлены на устранение интерференции языка оригинала. К тексто-обусловленным факторам компрессии В.В. Сдобников относит элементы избыточности текста и логические связки, которые могут быть не вербализованы, например, в английском языке. Ситуативно-обусловленная компрессия также связана с опущением семантически избыточных элементов текста оригинала в силу известности ситуации всем присутствующим (Сдобников, 2016: 130).

В своей классификации В.В. Сдобников уделяет внимание факторам коммуникативной ситуации, поскольку синхронный перевод, как правило, протекает в ситуации, в которой спикер адресует своё выступление определённой аудитории в конкретный момент времени в заданных условиях.

Рассматривая компрессию с прагматической точки зрения, И.В. Зубанова отмечает, что «компрессия — это один из способов решения не столько структурных, сколько смысловых, то есть коммуникативных и функциональных, задач в ходе перевода» (Зубанова, 2017: 44).

Полагаем, что компрессия в синхронном переводе осуществляется на базе трёх факторов: коллигации, коллокации и прагматической ориентированности.

О.С. Ахманова определяет коллокацию как лексико-фразеологическую обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии (Ахманова, 2004: 195). Основной характеристикой коллокации выступает её комбинаторность, или совместная встречаемость (co-occurrence) слов, которая легко идентифицируется в процессе синхронного перевода. Ещё одним компонентом, позволяющим применить компрессию в переводе, является коллигация, правила синтаксической связности или грамматико-синтаксической сочетаемости. О.С. Ахманова даёт следующее определение термину коллигация: «морфосинтаксически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» (Ахманова, 2004: 195). Переводчик должен учитывать, что нарушение коллокации предполагает нарушение узуса, а нарушение коллигации — это уже нарушение языковой нормы.

В устном переводе необходимо решить проблему границы языковых единиц. Переводчику для понимания речи оратора необходимо заранее знать большинство её составных частей, то есть воспринимать её составные части как воспроизводимые единицы. По мнению А.И. Смирницкого, это осуществляется благодаря их отождествлению со знакомыми единицами (Смирницкий, 1954: 3–49). В данном случае возникает вопрос о возможных различиях между конкретными ситуациями воспроизведения одного и того же слова: при каких условиях различия между ними совместимы с тождеством слова, а при каких — несовместимы. Лексико-семантическая вариативность носит системный характер и находит отражение либо в различии синтаксического построения, либо в разной сочетаемости с другими словами.

При этом ключевой задачей переводчика остаётся верная передача смысла. А.В. Бондарко относит к речевому смыслу «ту информацию, которая передаётся говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего» (Бондарко, 1978: 95).

Если исходное сообщение морфологически построено таким образом, что в нём доминируют глаголы, существительные и смысловые связки, то оно успешно поддаётся компрессии. Если же оратор переходит к описанию и использует большое количество эпитетов и сравнений, то переводчик вынужден вплотную следовать

оригиналу в попытке создать аналогичный описательный образ, поскольку осуществлять компрессию материала, который разнообразен в языковом плане, — чрезвычайно сложная задача.

С другой стороны, если структура исходного текста представляет собой повествование, обладающее определённой динамикой, то у переводчика появляется больше свободы для осуществления компрессии, так как смысл сообщения легко вырисовывается с опорой на глаголы, существительные и связующие элементы. Данные опорные точки обладают большой вариативностью и могут быть скомпрессированы, в отличие от описательного жанра с изобилием эпитетов.

Таким образом, предикативность исходного сообщения является ещё одним фактором успешной компрессии в синхронном переводе. Тогда как атрибутивность высказывания, под которой мы понимаем обилие прилагательных и эпитетов, представляется помехой для компрессии. Учитывая, что синхронный перевод требуется для определённых видов дискурса, в которых, как правило, эмоционально-экспрессивные элементы составляют наименьшую часть оригинала, переводчику следует применять методы компрессии с опорой на специфику данного дискурса.

В переводоведении принято анализировать компрессию путём сопоставления оригинала и перевода с точки зрения лингвистических трансформаций, которые претерпевает исходное сообщение в процессе перевода. Согласно традиционной классификации Г.В. Чернова, компрессия делится на слоговую, синтаксическую, лексическую и семантическую (Чернов, 1987: 147–149).

Опираясь на данную классификацию и метод сопоставления оригинала и стенограммы синхронного перевода, можно выделить использованные переводчиками лингвистические средства компрессии. Приведём в качестве примера более компактные варианты перевода, которые использовали синхронисты на Петербургском международном экономическом форуме:

в сфере цифровых технологий → in IT;
в ходе состоявшихся на полях форума встреч → on the sidelines of the forum;
смысл всех этих мер в том, чтобы создать → we aim at providing.

Более развёрнутая и подробная классификация средств речевой компрессии представлена в работе И.В. Полуяна «Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский». Автор выделяет лексические и синтаксические средства компрессии, но при этом отмечает, что некоторые

средства точнее было бы описать как семантико-синтаксические (метафоризация, номинализация, вербализация, адвербализация, адъективация) (Полуян, 2011: 9).

К лексическим средствам компрессии И.В. Полуян относит: «короткие слова» в английском языке; общеупотребительные слова и др. (Там же: 10–52). Синтаксические средства компрессии включают: эллиптические конструкции; назывные предложения; вспомогательный глагол вместо полного предиката при повторе; модель Subject — Verb — Object и её разновидности, сопровождающаяся семантико-синтаксическими процессами: номинализации, персонификации, вербализации, адвербализации, адъективации и др. (Там же: 52–98).

Отдельно И.В. Полуян рассматривает синонимические пары; пояснения для неспециалистов; повторы, парафразы, не несущие смысловой или стилистической нагрузки и другие избыточные элементы (Там же: 98–109).

По мнению И.В. Полуяна, для того чтобы «быть готовым использовать максимально короткий вариант слова, словосочетания или даже целого предложения, синхронист одновременно с прослушиванием ИС должен его мысленно редактировать, далеко отпуская вперед оратора» (Там же: 5).

Тем не менее, в условиях синхронного перевода у переводчика, как правило, нет времени анализировать языковые средства компрессии, подбирая наиболее ёмкий вариант. При этом описание лингвистических операций, происходящих в процессе компрессии, скорее относится к сфере письменного перевода, когда есть возможность сопоставить два сообщения и детально изучить их с точки зрения лексико-синтаксических трансформаций.

Если ставить в качестве цели выработку эффективных сценариев осуществления компрессии, которые могли бы упростить, а не усложнить работу устных переводчиков, то следует рассматривать компрессию в ракурсе когнитивной лингвистики и лингвопрагматики. В данном контексте возникает вопрос о прагматической ориентированности перевода и об участниках коммуникативного акта, интересы которых играют важную роль при выборе того или иного варианта компрессии.

Компрессия в ракурсе лингвопрагматики

В условиях ограниченного времени переводчик-синхронист вынужден пожертвовать определёнными смысловыми единицами в угоду информационной ясности. Таким образом, языковой ряд отчасти теряет значимость, и с каждым словом теряется то, что

оратору представляется важным для достижения коммуникативной цели.

Поиск прагматически уместного способа компрессии детерминирован такими важными для коммуникации факторами, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата. Как подчёркивает А.Д. Швейцер, «коммуникативный эффект — это результат коммуникативного акта, соответствующий его цели» (Швейцер, 1988: 92). Сюда учёный относит понимание содержательной информации, восприятие эмотивных, экспрессивных, волеизъявительных и других аспектов сообщения (Там же: 92).

Как правило, переводчик стремится в первую очередь ориентироваться на коммуникативную интенцию оратора, и чем раньше ему удалось уловить смысл сообщения, тем эффективнее будет осуществлена компрессия в переводе. Вопрос состоит в том, какую именно информацию переводчик счёл коммуникативно-релевантной, какое место в формировании основной мысли говорящего составляют эмоционально-экспрессивные элементы, подлежащие компрессии, и насколько это будет оправдано в конкретной ситуации.

Как известно, процесс перевода предполагает комбинацию двух актов коммуникации: первичной коммуникации, где переводчик выступает в роли получателя сообщения, и вторичной (метакоммуникации), в которой он становится отправителем переводного сообщения (Швейцер 1988: 56–57). При этом, как подчёркивает А.Д. Швейцер, уже на этапе первичной коммуникации переводчик не просто истолковывает текст и коммуникативную интенцию говорящего, но и воспринимает его через призму другого языка и другой культуры, выделяя компоненты смысла, являющиеся ключевыми для определения стратегии перевода, к примеру, его функциональные доминанты (Там же: 57).

Рассматривая коммуникативную ситуацию синхронного перевода, необходимо также учесть ещё два компонента: это индивидуум, который произносит речь, и коллективный реципиент, то есть аудитория слушателей (Чернов, 1978: 139). А.Д. Швейцер также отмечает роль конечного получателя сообщения в процессе синхронного перевода: «подобно тому, как исходная коммуникативная интенция модифицируется в процессе вторичной коммуникации, коммуникативный эффект варьируется в конечном звене процесса двуязычной коммуникации в соответствии с характеристиками конечного получателя» (Швейцер, 1988: 147).

Таким образом, для обеспечения соответствия между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом переводчик

должен определить и передать в своём переводе функциональные доминанты исходного сообщения и при этом не забывать об ещё одном существенном факторе, влияющем на выбор метода компрессии, — степени подготовленности аудитории к восприятию определённой информации.

Так, к примеру, с учётом установки на получателя А.Д. Швейцер указывает на необходимость применения приёмов, направленных на передачу прагматических аспектов сообщения: замена реалий аналогами, уточняющее дополнение, интерпретирующий перевод, переводческие примечания и различные виды компенсирующего перевода (Швейцер, 1988: 172).

Таким образом, в синхронном переводе необходимо не только передавать информационный слой предложения, но и подстраивать перевод под потребности слушателя, учитывая его социальную, культурную принадлежность и фоновые знания. Исходя из этого понимания, переводчик строит свой дискурс — переводной. Таким образом, компрессию следует рассматривать не столько как лингвистическую операцию, но как глубинный процесс, рассматриваемый с позиций когнитивной лингвистики.

Компрессия с точки зрения когнитивной лингвистики

В повседневной жизни люди склонны руководствоваться крупными культурными концептами, которые служат своего рода ориентирами. С точки зрения когнитивной лингвистики, существует некий «город» устойчивых культурных концептов, в пределах которого мы живём.

Культурный концепт можно представить в виде дерева, в котором в рамках одного языка есть своя Система 1, где Концепт 1 будет разветвляться на несколько вариантов, а они в свою очередь на несколько подвариантов и т.д. А в другом языке существует своя Система 2 с дальнейшими разветвлениями. Таким образом, переводчик занимается сопоставлением систем культурных концептов в поисках совпадений и отличий. И при подготовке устных переводчиков следует обращать внимание не только на усовершенствование языковых навыков, но и на умение ориентироваться в большом «городе» крупных культурных концептов.

Полагаем, что компрессия — это в первую очередь работа со смыслом, а не подбор лексико-синтаксических средств. Оригинал, который воспринимает переводчик, представляет собой развёрнутое сообщение, в котором есть подлежащее, сказуемое, дополнение или другие структурные элементы. В сознании переводчика сообщение трансформируется в определённый вид, который может со-

держать визуальные, звуковые, лингвистические элементы. Набор всех элементов, которыми мы оперируем в сознании, составляет основу мышления. При этом иногда процесс концептуализации обходится без обращения к лингвистической оболочке, и в памяти сохраняются лишь яркие девербализованные образы, которые легче передать с помощью метафор, аллегорий и других экспрессивных средств (Konurbaev, 2018: 138).

Однако, прежде чем пытаться сформулировать выходное сообщение, переводчику предстоит «очистить» оригинал от его лингвистической формы, то есть мысленно представить смысл сообщения как некое пространство связей. Характер мышления устного переводчика не предполагает разворачивания всего сообщения в длинную лингвистическую цепочку с классическим синтаксисом. Он скорее мыслит элементами гештальта, которые далее транслируются во что-то иное (Ibid.: 205).

Теория существования отдельного языка мышления подробно описана в работах учёных, которые занимаются вопросами нейрофизиологии и формирования речи. Так, Дж. Фодор говорит о «языке мысли» (language of thought) (Fodor, 2008), Стивен Пинкер называет данный язык «мыслекодом» (mentalese) (Pinker, 2013).

На наш взгляд, язык переводчика — это и есть mentalese, и процесс «очищения» исходного сообщения представляет собой перевод обычного языка в язык мысли, «мыслекод». В силу ограничивающих обстоятельств синхронного перевода мышление устного переводчика должно быть мгновенным, оно не предполагает разворачивания мысли в полноценную лексико-синтаксическую цепочку.

Так, на первом этапе переводчику нужно выделить основной смысл сообщения, пропустив его через некий «фильтр» концептов, существующих в культурах рассматриваемых языков. Далее ему необходимо соотнести смысл, который был заложен в сообщении и теперь существует в максимально сжатом виде, и концепт, к которому он отсылает, с концептами ментальности носителей языка перевода на предмет их совпадения. И, наконец, переводчик должен выразить этот невербализованный посыл максимально коротко и понятно для данной аудитории в конкретной коммуникативной ситуации.

По-видимому, в каждой культуре существуют доменные константы, т.е. крупные домены, концепты (дом, семья, вера, любовь).

К примеру, когда в переводе встречается английская пословица *Charity begins at home*, которая не имеет аналога в русском языке, перед синхронистом стоит непростая задача.

We all know that charity begins at home.

Переводчик может пойти по пути передачи информационной составляющей сообщения и просто перевести с разной степенью буквализма:

Благотворительность начинается дома.
Благодетель рождается дома.
Семья прежде всего.

Очевидно, что буквальный подбор средств выражения с точки зрения информационной составляющей, но не культурной, без обращения к экстралингвистическому контексту, не соответствуют коммуникативной интенции оратора. Он упоминает эту пословицу между делом, что указывает на общеизвестность и прозрачность этой фразы для аудитории, таким образом, вышеназванные варианты перевода не будут перекликаться с их родными концептами.

Переводчику следует в таком случае либо найти соответствующее выражение в русской культуре, либо попытаться обратиться к «библиотеке» ключевых концептов, которые хранятся в виде афористических высказываний, таких как заповеди, и сформулировать что-то схожее.

На наш взгляд, в данной ситуации подошёл бы следующий вариант, который апеллирует к культурным реалиям и в то же время является ёмким средством выражения схожей идеи:

Помоги ближнему.

Один и тот же концепт помощи ближнему, который восходит к Библии, в английском языке мог трансформироваться в пословицу *Charity begins at home*, а в русском языке сохранил прямую связь с Библией.

Таким образом, понимание смысла в процессе перевода протекает за пределами чисто лингвистической сферы и затрагивает глубокие когнитивные концепты, которые позволили бы донести ту же самую мысль для носителей языка перевода понятным для них способом. При сопоставлении культурных концептов, а не лингвистических единиц, мы начинаем понимать, каким образом происходит компрессия.

Полагаем, что для эффективной компрессии сообщения нужно найти уже готовый емкий вариант в языке перевода, а не создавать его во время перевода. При этом, безусловно, переводчик может «обыграть» всем известную фразу, приспособив её к коммуникативной ситуации в зависимости от вида дискурса. В связи с этим следует рассмотреть компрессию в дискурсивном аспекте, поскольку в зависимости от вида дискурса решаются вопросы о допустимости речевой компрессии.

Компрессия в дискурсивном аспекте

В.И. Карасик разделяет дискурс на два основных типа: персональный и институциональный. В контексте синхронного перевода интерес представляет именно институциональный дискурс, предполагающий общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, и его подвиды: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный и др. (Карасик, 2000: 5–20). Для каждого конкретного типа дискурса автор предлагает рассмотреть следующие компоненты: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы (Там же: 5–20).

Учитывая многообразие компонентов, составляющих каждый из типов дискурса, синхронный переводчик будет опираться на разные стратегии перевода и применять иные способы компрессии при переходе от одного дискурса к другому. К примеру, при переводе мотивационной речи требуется один вид компрессии с сохранением всех эмоционально-экспрессивных элементов, а при переводе выступления в медицинском дискурсе — другие виды компрессии с учётом точности передачи терминологии.

При этом переводчику необходимо понимать, по какому принципу осуществлять перевод того или иного типа дискурса.

Полагаем, что процесс перевода можно проанализировать с точки зрения двух базовых принципов: репродукция (reproduction) и замена (replacement). Первый принцип перевода — репродукция — предполагает воспроизведение исходного сообщения на языке перевода с сохранением всех лексических единиц и синтаксических особенностей оригинала. Второй — замена — позволяет подобрать из «языка мысли» (mentalese) другой вариант перевода, подходящий по коммуникативной интенции, со схожими функциональными характеристиками.

В процессе устного перевода происходит взаимодействие принципов замены и репродукции. Если у переводчика есть время, то есть и возможность развернуть сообщение максимально полно, то есть следовать принципу репродукции. Когда же встречаются идиоматические выражения, то приходится обращаться к принципу замены, учитывая при этом культурные концепты и другие экстралингвистические факторы.

При переводе политического дискурса, помимо владения терминологией и фоновыми знаниями, переводчику также необходимо руководствоваться принципом замены:

*The prime minister held a 90-minute cabinet meeting on Tuesday in which she warned ministers that "difficult decisions" lay ahead. The chancellor, Jeremy Hunt, told them "**everything is on the table**" as he strives to find tens of billions of pounds in savings after ditching Truss's economic plan. Health, education and welfare are among those areas expected to be hit. — Премьер-министр провела полуторачасовое заседание кабинета министров во вторник. Она объявила, что им предстоят «сложные решения». Глава Минфина, Джереми Хант, наказал «**ничего не упускать из виду**» в попытке выделить десятки миллиардов фунтов после провала экономического плана Лиз Трасс. Медицина, образование, соцобеспечение также пострадают.*

В данном примере очевидно использование образного выражения *everything is on the table*, смысл которого сводится к тому, что всё должно быть подвергнуто обсуждению за столом переговоров. Для русскоязычной аудитории можно подобрать похожее выражение по принципу замены: *ничего не упускать из виду*. К компрессии здесь также можно отнести *полуторачасовое заседание (90-minute meeting), предстоят (lay ahead), глава Минфина* (а не канцлер казначейства), *выделить (find … in savings).*

В другом примере, взятом из синхронного перевода выступления на экономическом форуме в Давосе, переводчик использует принцип замены для перевода выражения *a new year resolution*:

*And you are absolutely right, we have to be data driven and we have to be flexible, so if I were to use the fact that still in January and offer policy makers **a new year resolution**, it would be policy flexibility. — Я с вами согласна, в таком контексте необходимо проявлять гибкость и опираться на конкретные данные. **Что я могу всем нам пожелать на ближайший год** — гибкость, гибкость принятии решений о политических мерах.*

В русской культуре нет устоявшейся традиции писать в канун нового года обещания самому себе, поэтому при переводе следует обратиться к концепту новогодних пожеланий, который будет понятен всем русскоязычным слушателям перевода. В данном случае принцип замены дополняет основной принцип репродукции при переводе экономического дискурса.

Таким образом, выстраиваются два основных принципа перевода. Принцип репродукции предполагает детальное воспроизведение всех элементов исходного сообщения. Данный принцип описывает в первую очередь письменный перевод.

Второй принцип основан на замене, когда акцент делается не на состав, а на функциональную направленность сообщения, в результате чего лингвистическая оболочка оригинала заменяется на другую при условии пересечения между культурными концептами двух языков. Для того чтобы найти соответствия между культурными концептами, переводчику необходимо хорошо ориентироваться в культурной системе координат данного языка в рамках определённого дискурса, которая может относиться к определённой профессиональной сфере.

Мы применили данную модель когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения для перевода английской пословицы:

Charity begins at home — Помоги ближнему.

В данной коммуникативной ситуации важную роль играли не лингвистические особенности исходного сообщения, а общий смысл и функциональная ориентированность сообщения на уровне системы координат культуры в целом. Таким образом, перевод был осуществлён по принципу замены.

В рамках публичного дискурса, где значительную роль играет взаимодействие с аудиторией, оратор может использовать юмор, слова и фразы из разного регистра, активно использовать мимику и жесты, чтобы вызвать у слушателей определённые эмоции.

Юрий Никулин, артист и директор цирка, в своём выступлении с призывом достойно финансировать цирк говорит следующее:

> *Человек-то может полуголодный работать, а этот… тигр не пойдёт. Вот. В общем-то был полуграмотный вождь, а сообразил. Сообразил. — A half-starved person can work, but a tiger will not. So, even our half-literate leader got that, you see.*

В английском языке сложно подобрать такое же ёмкое и широко используемое выражение, как русское прилагательное *полуграмотный*. Буквальные варианты *semi-literate* не обладает достаточной понятностью, *ignorant* будет звучать чересчур критично, особенно в сочетании со словом *вождь*, *leader*. Переводчику остаётся только попытаться обыграть шутку, основываясь на широко распространённой приставке *half-* и по аналогии с *half-starved* в предыдущей фразе.

Как видим, на практике чаще встречаются комбинированные варианты с взаимодействием обоих принципов — репродукции и замены.

К примеру, даже в медицинском дискурсе, изобилующем терминологией, где переводчик будет стремиться к максимальной точно-

сти с опорой на принцип репродукции, могут встречаться элементы, которые требуют замены из-за несоответствий в культурных концептах, которые могут привести к недопониманию:

> *Конечно, рецепты народной медицины не вылечат вывих. Зато они могут помочь ускорить обменные процессы в травмированной области и унять боль. Для этой цели отлично подойдёт старинный народный рецепт — отвар* ***ягод бузины****. — Popular medicine recipes will not help of dislocation. However, they can accelerate metabolism and alleviate pain. For that purpose a decoction of* ***local berries*** *can be useful.*

В данном примере очевидно, что переводчик мог и не вспомнить, как перевести *бузина* на английский, поскольку данная информация не была коммуникативно релевантной, поэтому решил заменить на обобщение — «местные ягоды».

Полагаем, что в разных типах дискурсах в синхронном переводе один и тот же речевой оборот может по-разному подвергаться компрессии в зависимости от коммуникационных задач и прагматической ориентированности сообщения.

При этом следует учитывать существенные изменения, которые произошли в сфере коммуникации за последние десятилетия. Человечество стало общаться более активно, в результате чего поле дискурса существенно расширилось. Синхронный перевод используется в самых разных видах дискурса благодаря развитию современных технологий. Изменившийся характер коммуникации требует более детального исследования вопроса об обеспечении границ новой коммуникационной среды с новыми каналами коммуникации.

Заключение

Избыточность языка в целом и в рамках определённого вида дискурса позволяет переводчику распознавать смысл по ключевым опорным пунктам и успешно компрессировать сообщение на языке перевода. Полагаем, что в процессе синхронного перевода разных видов дискурса компрессия одной и той же языковой единицы может осуществляться различными способами на основе модели когнитивного поиска функционального эквивалента исходного сообщения на языке перевода, при условии совпадения в культурных концептах и ментальности народов, говорящих на данных языках.

Компрессия может происходить на более низком уровне понимания за счёт опущения избыточных элементов и замены их более ёмкими лексико-синтаксическими средствами с сохранением ин-

формационной значимости сообщения. На более высоком уровне понимания, затрагивающем культурные концепты и язык мышления, компрессия осуществляется за счёт подбора уже готовых и, как правило, ёмких функциональных эквивалентов, существующих в языке перевода.

В качестве перспектив для дальнейшего изучения можно выделить необходимость сформулировать основной принцип компрессии в синхронном переводе, подходящий к разным видам дискурса. На базе данного принципа разрабатываются методы и инструменты речевой компрессии для разных типов дискурса, благодаря которым студент или начинающий переводчик сумеет выстроить алгоритм компрессии, позволяющий находить нужный оборот речи с максимальной быстротой. При этом компрессированная единица должна отвечать требованиям ёмкости смысла, воспроизводимости и прагматической ориентированности.

Список литературы

Ахманова О.С., Мельничук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка: (О так называемой «матем. лингвистике»). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 162 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. М.: Наука, 1978. 176 с.

Зубанова И.В. Просто убавь воды. О компрессии в синхронном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2017. № 2 (54). С. 43–53.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. Л.: Наука, 1968. 116 с.

Полуян И.В. Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2011. 112 с.

Сдобников В.В. Средства компрессии в синхронном переводе с русского языка на английский // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2016. Т.11. № 4. С. 125–137.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1954. Т. 4. С. 3–49.

Чернов Г.В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема // Тетради переводчика. Вып. 6, 1969. С. 52–65.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Fodor J.A. (2008) LOT 2: The Language of Thought Revisited. Oxford University Press. 228 p.

Konurbaev M. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech. Palgrave Macmillan. 234 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. (2006) Harlow: Pearson Education Limited. 1950 p.

Pinker S. (2013) Language, Cognition and Human Nature: Selected Articles. Oxford University Press. 378 p.

References

Akhmanova O.S. (2004) Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ. 571 p. (In Russian).

Akhmanova O.S., Melnichuk I.A., Paducheva E.V., Frumkina R.M. (1961) O tochnykh metodakh issledovaniya yazyka: (O tak nazyvayemoy "matem. lingvistike") = On precise methods of language study (on the so-called "mathematical linguistics"). Moscow: Moscow State Univ. Publ. 162 p. (In Russian).

Bondarko A.V. (1978) Grammaticheskoye znacheniye i smysl = Grammatical meaning and sense. Moscow: Nauka Publ. 176 p. (In Russian).

Chernov G.V. (1987) Osnovy sinkhronnogo perevoda = Basics of simultaneous interpreting. Moscow: Higher school Publ. 256 p. (In Russian).

Chernov G.V. (1969) Sinkhronnyy perevod: rechevaya kompressiya — lingvisticheskaya problema = Simultaneous interpretation: speech compression as a linguistic problem. Tetradi perevodchika, issue. 6, pp. 52–65 (In Russian).

Chernov G.V. (1978) Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda = Theory and practice of translation. Moscow: International affairs Publ. 208 p. (In Russian).

Fodor J.A. (2008) LOT 2: The Language of Thought Revisited. Oxford University Press. 228 p.

Karasik V.I. (2000) O tipakh diskursa, Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs = On types of discourse, linguistic identity: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena Publ., pp. 5–20. (In Russian).

Konurbaev M. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech. Palgrave Macmillan. 234 p.

Longman Dictionary of Contemporary English (2006) Harlow: Pearson Education Limited. 1950 p.

Minyar-Beloruchev R.K. (1996) Teoriya i metody perevoda = Theory and methods of translation. Moscow: Moskovskiy litsey Publ. 208 p. (In Russian).

Nelyubin L.L. (2003) Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' = Explanatory dictionary of translatology. Moscow: Flinta: Nauka Publ. 320 p. (In Russian).

Pinker S. (2013) Language, Cognition and Human Nature: Selected Articles. Oxford University Press. 378 p.

Piotrovskiy R.G. (1968) Informatsionnyye izmereniya yazyka = Informational dimensions of language. Lenigrad: Nauka Publ. 116 p. (In Russian).

Poluyan I.V. (2011) Kompressiya v sinkhronnom perevode s angliyskogo yazyka na russkiy i s russkogo yazyka na angliyskiy = Compression in simultaneous interpreting from English into Russian and Russian into English. Moscow: "R.Valent" Publ. 112 p. (In Russian).

Sdobnikov V.V. (2016) Sredstva kompressii v sinkhronnom perevode s russkogo yazyka na angliyskiy = Means of compression in simultaneous interpreting from Russian into English, Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Vol. 11. No. 4, pp. 125137 (In Russian).

Shiryayev A.F. (1979) Sinkhronnyy perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda = Simultaneous interpreting: Interpreter's work and the methods of teaching simultaneous interpreting. Moscow: Voyenizdat Publ. 183 p. (In Russian).

Shveytser A.D. (1988) Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of translation: status, problems, aspects. Moscow: Nauka Publ. 215 p. (In Russian).

Smirnitskiy A.I. (1954) K voprosu o slove (Problema "tozhdestva slova") = On the issue of word (the problem of "equality of words"), Publications of Institute of Language Studies of Academy of Sciences of USSR. Vol. 4, pp. 3–49 (In Russian).

Zubanova I.V. (2017) Prosto ubav' vody. O kompressii v sinkhronnom perevode = Just get rid of redundant information. On compression in simultaneous interpreting, Mosty. Zhurnal perevodchikov. No. 2 (54), pp. 43–53 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Конурбаев Марклен Эрикович — доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Департамента межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Ленинские горы, 1; marklen@konurbaev.ru, ORCID: 0000-0003-4710-9444

Ганеева Эльвира Рустемовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Ленинградский проспект, 49; ellevira.ganeeva@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6473-6576

ABOUT THE AUTHORS:

Marklen E. Konurbaev — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Supervisor for the Department of Foreign Languages and

Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Leninskiye gory, 1; marklen@konurbaev.ru, ORCID: 0000-0003-4710-9444

Elvira R. Ganeeva — Cand. Sc. (Philology), Senior Teacher at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Leningradsky prospekt, 49; ellevira.ganeeva@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6473-6576

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-79-98

УНИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ ТОПОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК С УЧЁТОМ ИХ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Анастасия Алексеевна Политова

Институт иностранных языков Сучжоуского университета, г. Сучжоу, провинция Цзянсу, КНР
Для контактов: anastasia_politova@mail.ru

Аннотация. Перевод топонимов с китайского языка на русский требует стандартизации и унификации. Общенаучные методы описания, сравнения и обобщения выявили структурные и семантические особенности топонимов Китая, которые легли в разработанный методом индукции способ унификации перевода китайских топонимов на русский язык. Данный способ позволяет искоренить существующие на сегодняшний день коммуникативные ошибки, стандартизирует перевод топонимов Китая, создаёт единую структурированную систему передачи китайских топонимов на русский язык, решает вопрос разграничения взаимозависимых топонимов, подчёркивает особенности внутренней структуры китайских топонимов, унифицирует правила перевода топонимов с другими типами имён собственных в русско-китайской языковой паре.

Ключевые слова: перевод топонимов, топонимы Китая, структура топонимов, семантика топонимов, унификация перевода, с китайского на русский

Благодарность. Публикация является промежуточным результатом проводимого в рамках проекта Министерства науки и технологий КНР «Исследование стратегий перевода китайских топонимов на русский язык в рамках проекта по усилению влияния китайской культуры» (QN2022014003L) исследования и выполнена при поддержке программы провинции Цзянсу «Выдающийся постдокторант» (江苏省卓越博士后计划).

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Для цитирования: *Политова А.А.* Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 79–98. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-79-98

Статья поступила в редакцию 23.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

UNIFICATION OF TRANSLATION OF CHINESE TOPONYMS INTO RUSSIAN IN VIEW OF THEIR STRUCTURAL PECULIARITIES

Anastasia A. Politova

School of Foreign Languages of Soochow University, Suzhou, Jiangsu province
For contacts: anastasia_politova@mail.ru

Abstract. Translation of toponyms from Chinese into Russian is to be standardized and unified. Scientific methods of description, comparison, and generalization identified the structural and semantic peculiarities of Chinese toponyms. These characteristics have become the basis for an inductively developed method of unification of the translation of Chinese toponyms into Russian. This method eliminates existing communicative errors, standardizes the translation of Chinese toponyms, creates a unified structured system of the translation of Chinese toponyms into Russian, distinguishes interdependent toponyms, emphasizes the features of the internal structure of Chinese toponyms, and unifies the rules of toponyms translation with the rules of other types of proper names in the Russian — Chinese language pair.

Keywords: toponyms translation, Chinese toponyms, toponyms' structure, semantics of toponyms, translation unification, translation from Chinese into Russian

Acknowledgement. The article is an intermediary result of the research project titled "Study on translation strategies of Chinese toponyms into Russian as a part of the project of strengthening the influence of the Chinese culture" (QN2022014003L) sponsored by the Ministry of Science and Technology of the People´s Republic of China and is supported by the Jiangsu Province Outstanding Postdoctoral Fellow program (江苏省卓越博士后计划).

For citation: *Politova A.A.* (2022) Unification of translation of Chinese toponyms into Russian in view of their structural peculiarities. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 79–98. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-79-98

The article was received December 23, 2022;
approved after reviewing January 27, 2023;
accepted for publication February 15, 2023.

Введение

В настоящее время уже существуют чёткие правила передачи русских топонимов на китайский язык (См.: Общие правила перевода и написания иностранных географических названий на китайском языке, 1982; Отчёт о переходе на систему пиньинь при романизации китайских топонимов и о правилах унификации написания, 1978) и справочники с переводом большинства русских топонимов на китайский язык (Чжоу Цзюньин, 2003). При этом практика перевода топонимов Китая на русский язык изобилует коммуникативными ошибками.

Анализ перевода оронимов и гидронимов Китая, например, 天龙山/ *гора Тяньлун*[1], 泰山/ *гора Тайшань*, 五台山/ *гора Утайшань*[2], 洪泽湖/ *озеро Хунцзэ*[3], 千岛湖/ *озеро Цяньдаоху*[4], 白马湖/ *озера Байма*[5], 天泉湖 / *озеро Тяньцюань*[6], 波阳湖 / *озеро Поян-*

---

[1] Трёхэтажный мост на горе [электронный ресурс] // CGTN, 2018. URL: https://russian.cgtn.com/news/3d3d414e6646444f316b7a6333566d54/p.html (дата обращения: 07.12.2022).

[2] Гора Утайшань после снегопада [электронный ресурс] // CGTN, 2020. URL: https://russian.cgtn.com/t/BfJAA-EA-CIA/CJCGcA/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

[3] Озеро Хунцзэ с высоты птичьего полета [электронный ресурс] // CGTN, 2019 (исп. 2020). URL: https://russian.cgtn.com/t/BfIcA-CcA-BAA/CGDBEA/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

[4] Чайные плантации у озера Цяньдаоху [электронный ресурс] // CGTN, 2021. URL: https://russian.cgtn.com/t/BfJEA-CcA-GIA/EGBFAA/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

[5] Озеро Байма — зимний дом для диких уток [электронный ресурс] // CGTN, 2021. URL: https://russian.cgtn.com/t/BfJEA-DAA-FcA/EHFJEA/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

[6] Озеро Таньцюань в середине ноября [электронный ресурс] // CGTN, 2021. URL: https://russian.cgtn.com/t/BfJEA-CcA-EAA/EFJIAA/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

ху[7] и других, показал, что для перевода одинаковых видов топонимов применяются разные стратегии перевода. Так, в трёхиероглифных оронимах родовое слово 山 / *гора* иногда только переводится, как, например, в «гора Тяньлун», а иногда переводится и повторно транслитерируется, как в переводе оронима «гора Утайшань», где «-шань» — это транслитерация родового слова с китайского языка. При этом структура этих двух оронимов идентична. Похожая ситуация наблюдается и среди гидронимов. К калькированию относятся переводы гидронимов озеро Хунцзэ, озера Байма и озеро Тяньцюань, а к смешанной калько-транслитерирующей стратегии — озеро Цяньдаоху и озеро Поянху, где «-ху» — транскрибо-транслитерация китайского иероглифа 湖 / озеро. Именно эти существующие на сегодняшний день коммуникативные провалы и обуславливают актуальность данной статьи — разработать правила унификации стратегий перевода китайских топонимов на русский язык.

Цель данной статьи — предложить единую стратегию перевода китайских топонимов на русский язык, которая, разграничивая в топонимах Китая имя собственное и родовой компонент, предотвратит появление переводческих ошибок и унифицирует практику перевода топонимов Китая на русский язык.

Вопросам адекватности и эквивалентности перевода русских топонимов на китайский язык посвящено много научных публикаций (Цзян Сяоцзюнь, 2020; Варакина, Левченко, 2019; Дондокова, 2019, 2017). Есть и исследования, посвящённые переводу топонимов китайского и некитайского происхождения с китайского языка на русский (Лю Чанцзян, 2019; Лиджиев, 2016; Ю Синь, 2013). Однако, имеющиеся исследования по переводу топонимов с китайского на русский язык разрозненные и тезисные, рассматривают преимущественно наиболее часто употребляемые топонимы. Кроме того, анализ уже опубликованных научных исследований и способов переводов топонимов из новостных статей и учебных пособий показал, что на сегодняшний день существует острая необходимость более детального изучения способов перевода и разработки точных и единых правил перевода топонимов с китайского языка на русский.

В данной статье рассматривается структура китайских топонимов и кратко анализируется семантика родовых компонентов; на основе реальных примеров из переводческой практики изучаются

---

[7] Озеро Поянху — рай для зимовки перелетных птиц [электронный ресурс] // CGTN, 2022. URL: https://russian.cgtn.com/news/2022-10-28/1585866484035497985/index.html (дата обращения: 07.12.2022).

используемые способы перевода топонимов с китайского языка на русский и предлагается способ унификации стратегии перевода китайских топонимов на русский язык, который предотвращает коммуникативные провалы, решает вопрос разграничения «одноименных» или взаимозависимых топонимов, а также унифицирует способы перевода топонимов с другими типами имён собственных в русско-китайской языковой паре.

В рамках исследования методом частичной выборки из новостных статей с русскоязычных версий китайских новостных порталов CGTN и «Синьхуа Новости», а также из китайских учебных пособий по переводу с китайского на русский отобраны и проанализированы переводы китайских топонимов на русский язык. Анализ китайских и российских научных трудов и справочников выявил структурные и семантические особенности топонимов Китая, которые и легли в основу правил стандартизации и унификации перевода топонимов с китайского языка на русский. Для создания более полной картины и обоснования предлагаемых правил перевода предлагаемый способ унификации сопоставляется с практикой перевода схожих с топонимами других видов ономастической лексики.

Общенаучные методы описания, сравнения и обобщения выявили структурные особенности китайских топонимов, которые легли в основу правил унификации перевода китайских топонимов на русский язык, а метод индукции позволил разработать рациональные методы унификации перевода китайских топонимов на русский язык.

Структурные и семантические особенности китайских топонимов

Топонимы большинства языков состоят из классифицирующего и индивидуализирующего компонентов. Классифицирующий отражает «принадлежность референта к определённому классу», например, город, гора, река, озеро, лес, плато, ручей и другие, а индивидуализирующий выделяет топоним из определённого класса географических объектов (Ермолович, 2001: 105). Таким образом, нарицательный элемент топонима или его классифицирующий компонент различает топонимы разных видов с идентичными индивидуализирующими компонентами, например, 吉林市/ город Цзилинь и 吉林省/ провинция Цзилинь, 青海省/ провинция Цинхай и 青海湖/ озеро Цинхай. Индивидуализирующие компоненты выполняют функцию разграничения и разделяют топонимы одного класса, например, гидронимы 青海湖/ озеро Цинхай, 独墅湖/ озеро

Душу, 洪泽湖/ *озеро Хунцзэ* или оронимы 栖霞山/ *гора Цися*, 天龙山/ *гора Тяньлун*, 天门山/ *гора Тяньмэнь* и др.

Немаловажной особенностью классифицирующего компонента является то, что он может иметь обязательное или свободное употребление. В частности, большинство названий городов и провинций Китая свободно, т.е. в необязательном порядке, используют классифицирующий компонент, например, 河北 (省)/ провинция Хэбэй, 内蒙古 (自治区)/ (Автономный район) Внутренняя Монголия, 成都(市)/ (город) Чэнду и др. Однако, во избежание возникновения двусмысленности высказывания классифицирующий компонент большинства китайских гидронимов, оронимов, инсулонимов, геонимов, годонимов, хрононимов и других типов прецизионной лексики не может быть опущен и имеет обязательное употребление (Люй Чанфэн, 2012: 48). Например, 黄河/ *Желтая река*[8], 黑龙江/ *река Хэйлун*, 松花江/ *река Сунхуа*, 玄武湖/ *озеро Сюаньу*, 金鸡湖/ *озеро Цзиньцзи* и др. При опущении родового слова топонимы из имён собственных превращаются в имена нарицательные, называющие обычные предметы и явления. Так, гидроним 金鸡湖 на китайском всегда будет произноситься [Jīnjīhú] (цзиньцзиху), где «-ху» — это родовое слово, обозначающее озеро, а «цзиньцзи» — индивидуализирующий компонент, который при отдельном употреблении будет означать «золотой фазан / петух».

Характер употребления классифицирующего компонента в китайских топонимах помимо языковых норм определяется ещё и ритмической структурой, которая зависит от длины топонима. В древнекитайском языке большинство слов было односложными (Лю Юйцзин и др., 2010), а в современном китайском языке превалируют двусложные слова, что создаёт различия между разговорной и письменной формами речи. Сегодня среди сотен городов Китая названия большинства состоят из трёх и более иероглифов, например, 北京市 [Běijīng shì]/ *Пекин*, 广东市 [Guǎngdōng shì]/ *Гуандун*, 哈尔滨市 [Hāěrbīn shì]/ *Харбин*, 乌鲁木齐市 [Wūlǔmùqí shì]/ *Урумчи* и другие (Космачева, Шао, 2016). В составе китайских астионимов один иероглифов представляет классифицирующий компонент, 市[shì]/ *город*, а другая часть — идентифицирующий компонент, непосредственное название места. Часто классифицирующий компонент названий провинций, автономных округов, административных районов, городов и населённых пунктов, состоящих из трёх и более иероглифов, опускается в письменной и разговорной речи без потери и искажения смысла. Однако, если топоним состо-

[8] Данный перевод представлен в «Большом русско-китайском словаре», 2001.

ит всего из двух слогов — по одному слогу на классифицирующий и индивидуализирующий компоненты, — то по правилам ритмики китайского языка родовое слово, т.е. классифицирующий компонент, должно обязательно сохраняться и не может быть опущено, в противном случае это нарушит ритмическую гармонию. Например, административный центр Дэхун-Дай-Качинского автономного округа в провинции Юньнань город Ман[9] на китайском всегда произносится 芒市 [Mangshi] и не допускает опущения родового слова «город» (кит. 市).

Помимо особенностей употребления классифицирующего компонента в китайских топонимах особого внимания требует и семантическое богатство родовых слов китайских топонимов. За каждым типом географических объектов закреплены свои родовые слова. Например, для обозначения гидронимов в китайском языке обычно используются слова: 江, 河, 水/ *река*, 湖/ *озеро*, 海/ *море* или *озеро*, 洋/ *океан*, 溪/ *(горный) ручей*, 泉/ *источник* или *родник*, 池 (塘), 潭/ *водоём*, 瀑布/ *водопад* и другие. Некоторые из этих слов имеют различия в китайском языке, но имеют только один эквивалент в русском, как например, три китайских родовых слова 江, 河, 水 переводятся на русский язык одним словом — «река». В китайском языке 江 [jiang] и 河 [he] имеют: 1) территориальные различия: на юге чаще встречается 江 (长江/ *река Янцзы*, 珠江/ *Жемчужная река*, 钱塘江/ *река Цяньтан*), а на севере — 河 (黄河/ *Жёлтая рек*, 淮河/ *река Хуай*, 渭河/ *река Вэй*); 2) отличаются размером: 江 обычно больше 河. Иероглиф 水, который в современном китайском языке чаще используется в значении вода, в топонимах обозначает «река», как в 淦水/ *река Гань* в провинции Цзянси, 济水/ *река Цзи* в провинции Хэнань (см. Люй Чанфэн, 2012: 49).

Есть родовые слова в китайском языке, которые одновременно обозначают два разных типа гидронимов 海 [hai], который часто обозначает «море», например, в 黄海/ *Жёлтое море*, 东海/ *Восточное море*, 南海/ *Южное море*, ещё используется и в значении «озеро», например, 北海/ *Северное озеро* в Пекине, 南海/ *Южное озеро*[10] в городе Яньчэн провинции Цзянсу.

Классифицирующих слов для оронимов меньше, чем для гидронимов. К оронимам относятся: 山脉/ *горный хребет* или *горы*, 山/ *гора*, 岭/ *горный хребет* или *кряж*, 峰/ *горная вершина* или *горный пик*, 平原/ *равнина*, 高原/ *нагорье* или *плоскогорье*, 沟 и 壑/ *уще-*

---

[9] На сегодняшний день переводится на русский как Манши.

[10] Сегодня 北海 и 南海 на русском наиболее известны как *оз. Бэйхай* и *оз. Наньхай*. Однако автор статьи считает, что такие переводы противоречат структуре китайских гидронимов.

лье, 谷/ *долина*, 盆地/ *впадина, бассейн, котловина* или *низменность*, 滩地 или 滩/ *берег* или *пойма*, 沙漠 или 荒漠/ *пустыня* и др. Однако, ввиду разнообразия используемых на территории Китая диалектов, а также из-за влияния истории и культуры страны существуют и региональные классифицирующие слова. Так, на севере провинции Шэньси лёссовый холм/ плато с круглыми вершинами и крутыми склонами называется 峁. Например, 沙峁/ *Песчаный холм* или *холм Ша*, 拓家峁/ *холм Тоцзя*. В провинциях Шаньдун и Хэнань горные долины обозначаются иероглифом 峪 [yù], как в 葫芦峪/ *горная долина Хулу*, 鸡窝峪/ *долина Цзиво* и др. (см. Люй Чанфэн, 2012: 70).

Региональные различия в китайской топонимике встречается и среди годонимов. На северо-востоке Китая среди классифицирующих слов годонимов встречаются: 街, 路/ *улица*; 沟/ *канал*, 桥/ *мост*, 大道/ *проспект* или *шоссе* и др. (Ли Баогуй, 2004: 47). В Пекине и ряде северных городов Китая встречаются 胡同 [hútòng]/ *переулок*, в Шанхае и Ханчжоу часто можно встретить 弄堂 [lòngtáng] или 弄 [lòng] в значении «переулок, проулок», например, 酱园弄/ *переулок Цзянъюань*, 巷弄/ *переулок Сян* и др. В Гуанчжоу, Сучжоу и Нанкине в этом же значении используется иероглиф 巷 [xiàng], например, 书院巷/ *Библиотечный* или *Академический переулок*, 宫巷/ *переулок Гун*, 永庆一巷/ *переулок Юнцин-1* или *Первый переулок Юнцин* и др. (подробнее см. Люй Чанфэн, 2012: 69–70).

Из вышесказанного следует, что китайские топонимы, как и топонимы России, имеют явно выявленную структуру и состоят из классифицирующего и индивидуализирующего компонентов. Однако, в зависимости от типа топонима и длины индивидуализирующего компонента классифицирующий компонент имеет свободное и обязательное употребление. Кроме того, особую сложность при переводе топонимов может представлять семантическое богатство классифицирующих компонентов китайских топонимов. Но результаты научных исследований по топонимике Китая и сравнительные исследования по топонимике Китая и России со временем должны помочь учёным выработать единую базу эквивалентов родовых слов разных классов топонимов русского и китайского языков.

Стратегии перевода китайских топонимов на русский язык и обоснование необходимости стандартизации перевода

Китайский и русский — языки разного типологического строя, использующие разные графические системы. Даже если рассматривать китайские топонимы в пиньине, а не в иероглифическом

написании, «перенос графической формы имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке» не представляется возможным (Ермолович, 2001: 15). Необходимо прибегать к приёмам транскрипции с элементами транслитерации, калькированию или смешанному способу перевода.

Анализ перевода китайских топонимов на русский язык показал, что в современной переводческой практике топонимы как имена собственные не переводятся, т.е. не калькируются, а транскрибо-транслитерируются полностью или передаются смешанным способом перевода. Смешанный способ перевод же представлен в двух вариантах: 1) индивидуализирующий компонент транскрибо-транслитерируются, а классифицирующий переводится; 2) классифицирующий компонент переводится, затем повторно транскрибо-транслитерируются и представляется как часть индивидуализирующего компонента китайского топонима. Например, 天龙山/ ***гора*** *Тяньлун*, 泰山/ ***гора*** *Тай**шань***, 五台山/ ***гора*** *Утай**шань***, 洪泽湖/ ***озеро*** *Хунцзэ*, 波阳湖/ ***озеро*** *Поян**ху***, 宁夏自治区/ ***Автономный район*** *Внутренняя Монголия* и др. Таким образом видно, что на сегодняшний день в практике перевода китайских топонимов на русский язык нет единых стандартов, что привело к большому количеству коммуникативных ошибок. Эти ошибки совершаются в основном при переводе топонимов, классифицирующий компонент которых имеет обязательное употребление в китайском языке.

«Случайный» выбор способа перевода топонимов на РЯ встречается и в китайских учебных пособиях (Ху Гумин, 2010: 46–47; Чэн Жунлу, 1993: 128). Тогда возникает вопрос: когда и в каком виде были установлены правила перевода топонимов, приведшие к таким коммуникативным провалам?

В 1978 году Комитет КНР по вопросам реформы китайской письменности опубликовал «Отчёт о переходе на систему пиньинь при романизации китайских топонимов и о правилах унификации написания»[11], где отмечается, что китайские топонимы, индивидуализирующий компонент которых представлен одним иероглифом, сначала транскрибо-транслитерируются полностью, а затем классифицирующий компонент повторно калькируется, что и даёт «верный»[12] перевод 柳江/ ***река*** *Люцзян*. Но, ороним 五台山

[11] Несмотря на то, что данные правила разрабатывались для романизации, а не для кириллицы, они всё же применяются и при переводе китайских топонимов на русский язык.

[12] Прилагательное «верный» поставлено в кавычках, так как автор считает, что перевод топонимов должен основываться на структурных особенностях китайских топонимов.

и гидроним 洪泽湖 не попадают под категорию «одноиероглифный индивидуализирующий компонент», поэтому согласно «Отчёту» должны быть переведены смешанным способом: родовое слово подлежит калькированию, а индивидуализирующая часть — транскрибированию с элементами транслитерации. Однако, такое правило, основанное на ритмической структуре топонимов в языке-оригинале, и недостаточная осведомлённость переводчиков о деталях данного правила и привела к появлению таких переводческих ошибок, как 五台山/ ***гора*** *Утай**шань***, 大巴山/ ***гора*** *Даба**шань***[13], 千岛湖/ ***озеро*** *Цяньдао**ху*** и др.

Одновременная транскрибо-транслитерация и перевод родового нарицательного элемента «представляются избыточными», что ещё раз подтверждает актуальность данной статьи (Ермолович, 2001: 109). Чёткое выделение в китайских топонимах индивидуализирующего и классифицирующего компонентов структурирует и унифицирует систему передачи китайских топонимов, основанную на их лингвистических особенностях, а не на «исключениях». Более того, такой единый способ перевода подчёркивает семантические особенности китайских топонимов, разграничивает разные классы топонимов, стандартизирует и унифицирует правила перевода разных типов имён собственных в русско-китайской языковой паре, а также со временем подчеркнёт особенности номинации китайских топонимов.

Во-первых, единый способ перевода подчёркивает семантические особенности китайских топонимов. Смешанный способ перевода[14], основанный на структурных особенностях китайских топонимов, проявляет семантические особенности топонимов. Так, в китайском языке большинство горных хребтов (山脉) обозначается при помощи одного иероглифа в классифицирующем компоненте — 山/ *гора* или *горы* (Лянь Чжэньжань, 2014). Соответственно, 山 может означать «гора», «горный хребет», а иногда выступает и частью индивидуализирующего компонента. Например, 天山/ *Тянь-Шань* — это сокращённое название оронима 天山山脉, где 山脉 — это родовое слово, а 天山 — собственное название. Корректный

[13] Жители гор Циньлин и Дабашань распрощались с бедностью [электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости, 2020. URL: http://russian.news.cn/2020-08/10/c_139278153_2.htm (дата обращения: 07.12.2022).

[14] Данная статья не рассматривает возможности калькирования индивидуализирующего компонента китайских топонимов, но это не свидетельствует о том, что унифицированные правила перевода китайских топонимов исключают возможность калькирования всего топонима. Подробнее данный вопрос автор рассматривает в других публикациях.

перевод оронима с учётом его структурных особенностей будет «горный хребет / горы Тянь-Шань». Такой же способ перевода, т.е. перевод классифицирующего компонента и транскрибо-транслитерация индивидуализирующего, прослеживается и в общепринятых переводах топонимов: горная система Каракорум/ 喀喇昆仑山 в китайском Тибете, 横断山/ *горный хребет* или *горы Хэндуань*, 龙泉山/ *горный хребет Лунцюань*.

Среди гидронимов также встречаются подобные примеры. Так, одноименный с провинцией Цинхай гидроним 青海湖 — это не пример «двойной обработки» классифицирующего компонента, а калькирование родового слова и транскрибо-транслитерация собственного названия гидронима, потому что 海, которое чаще переводится как море и в некоторых гидронимах обозначающее озеро, здесь является частью индивидуализирующего компонента гидронима. Таким образом, несмотря на то, что родовое слово иногда может опускаться, корректный перевод названия озера будет «озеро Цинхай», а не «озеро Цин»*[15].

Во-вторых, унифицированные способы перевода разграничивают разные классы топонимов и подчёркивают особенности их номинации. Так, носителям китайского языка известно, что 绥芬河 и 绥芬河市 — это взаимосвязанные, а не одинаковые названия двух разных географических мест. Однако, существующий на сегодняшний день перевод гидронима 绥芬河/ *река Суйфэньхэ*[16] указывает на то, что город и река носят одинаковое название, тогда как город получил название от реки, прибавив к полному названию реки, т.е. после классифицирующего компонента гидронима, классифицирующий компонент астионима — 绥芬河市/ ***городской уезд*** *Суйфэньхэ*.

Аналогичная ситуация обстоит и с другими типами топонимов, которые получили свои названия от оронимов и гидронимов. Ороним 拓家峁/ *холм Тоцзя* и комоним 拓家峁村/ *деревня Тоцзямао*, гидроним 嫩江/ *река Нэнь* и комоним 嫩江县/ *(уезд) Нэньцзян* и др. Единые правила перевода, основанные на структурных особенностях топонимов: разграничивают топонимы разных классов, например, 绥芬河/ *река Суйфэнь* и 绥芬河市/ *город Суйфэньхэ*, одновременно подчёркивая их взаимосвязь; предотвращают появление новых коммуникативных ошибок; делают китайские топонимы

---

[15] В русском языке встречается также оз. Кукунор, перевод с монгольского языка.

[16] В бассейне реки Суйфэньхэ обнаружили 18 древних реликвий [электронный ресурс] // Рамблер, 2019. URL: https://news.rambler.ru/other/42276399-v-basseyne-reki-suyfenhe-obnaruzhili-18-drevnih-relikviy/ (дата обращения 07.12.2022).

более узнаваемыми и допускают их дальнейшее употребление без классовых слов; проявляют особенности китайской топонимии[17]; и способны воссоздать структурированную систему китайских топонимов в русском языка,

В-третьих, единые способы перевода унифицируют и правила перевода разных типов имён собственных. Топонимы являются лицом страны, носителями географических и культурных особенностей, но, как у других видов имён собственных, у топонимов есть чёткая семантическая структура, которая и должна играть главную роль при разработке правил перевода. Ритмическая структура и особенности употребления в переводе вторичны. Обоснование выбора способа перевода тем, что так топоним «лучше читается» (Чжан Цзиньфу, У Лань, 2015) ведёт к большему числу коммуникативных ошибок и добавляет в язык перевода, т.е. русский язык, излишние заимствования (Федоров, 2002: 172).

В китайском языке оронимы, гидронимы, урбанонимы, комонимы, этнонимы и многие другие классы имён собственных, вне зависимости из скольких иероглифов состоит их идентифицирующий компонент, — все требуют обязательного употребления классифицирующего компонента. Однако, такая языковая особенность не отражается и не должна отражаться на переводе.

Рассмотрим в качестве примера перевод китайских этнонимов. В Китае проживает 56 национальностей. Одна третья из всех этнонимов Китая — это двуиероглифные слова, где один иероглиф, 族/ национальность, является родовым словом, а другой — идентифицирующее название национальности. При этом на русский язык китайские этнонимы передаются со строгим учётом структурно-семантических особенностей этнонимов, что позволило сформировать единую систему китайских национальностей в русском языке: 苗族, 彝族, 瑶族, 土家族, 高山族 — народность мяо/ и/ яо/ туцзя/ гаошань. Таким образом, унификация способов перевода китайских топонимов на основе структурно-семантических особенностей унифицирует правила перевода разных классов имён собственных.

В-четвёртых, единые способы перевода китайских топонимов на русский язык унифицируют и практику передачи топонимов в русско-китайской языковой паре. Другими словами, работающим

[17] Со временем носители русского языка, встретив топонимы с похожим и одним различающимся компонентом, например, «-цзян», «-хэ», «-ху», «-шань», смогут догадаться, что данные компоненты соответствуют родовым понятиям в китайском языке, ровно так же, как на сегодняшний день широко известно, что «-град» в русских топонимах указывает на город.

с русским и китайским языками переводчикам необходимо будет освоить только структурные особенности топонимов двух языков, чтобы корректно и системно передать их на язык перевода.

Кроме того, отмеченные выше «ритмические» или языковые особенности топонимов существуют не только в китайском языке. Обязательное использование родовых слов при употреблении топонимов в разговорной и/или письменной формах речи присуще русскому, английскому и другим языкам (Ермолович, 2001: 105). Однако, анализ способов перевода схожих по ритмике топонимов с иностранного языка на китайский показывает, что вне зависимости от возможности/невозможности опущения родового слова у топонима, при переводе происходит чёткое выделение двух разных по функциям компонентов в топониме, и родовые слова всегда калькируются. Например, Васильевский **остров** — 瓦西里耶夫斯基岛, Рижский **залив** — 里加湾, Москва-**река** — 莫斯科河, Абаканский **хребет** — 阿巴坎山, **Mont** Blanc — 勃朗峰, Coney **Island** — 康尼岛, Jersey **City** — 泽西市 и др. Таким образом, применение правила структурности к китайским топонимам при их переводе на русский язык унифицирует правила перевода топонимов и между языками.

Выводы

Проведённое исследование показывает, что несмотря на богатство классифицирующих компонентов китайские топонимы, как и топонимы России, имеют чёткую структуру, при этом в практике перевода присутствует много коммуникативных провалов.

Предложенный в статье способ унификации перевода китайских топонимов решает существующие на сегодняшний день коммуникативные проблемы. Во-первых, он привязывает правила перевода китайских топонимов к их структурно-семантическим особенностям, а не к ритмическим особенностям употребления. Во-вторых, сокращает число «исключений» и сводит к минимуму возможность возникновения коммуникативных ошибок. В-третьих, разграничивает разные классы топонимов и подчёркивает особенности внутренней структуры китайских топонимов. В-четвёртых, стандартизирует правила перевода топонимов и унифицирует их с правилами перевода других типов имён собственных. И в-пятых, унифицирует правила перевода топонимов в русско-китайской языковой паре. Несмотря на явные преимущества предложенного способа, с унификацией правил перевода переводчикам будет необходимо всесторонне и глубже изучать семантические особенности китайской топонимики.

Результаты данного исследования являются первым шагом к разработке стандартизированных и единых правил перевода топонимов Китая. Следующим шагом в решении данного вопроса может стать более детальное рассмотрение семантических особенностей индивидуализирующих компонентов и адаптация этих особенностей в способы перевода.

Список литературы

Балашова В.П. Состав топонимической системы годонимов и аспекты её трансформации (на материале сравнительного анализа годонимов Москвы и Пекина) // Материалы Международной научной конференции «Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития». Иркутск. ФГБОУ ВО «ИГУ». 18–20.10.2017. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 29–34.

Большой русско-китайский словарь (исп. и доп.) / под ред. Института словарей Исследовательского центра русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. Пекин: Коммерческое изд-во (Шанъу иньшугуань), 2001.

Варакина М.И., Левченко Я.А. Анализ перевода топонимов, антропонимов и реалий с русского на китайский язык (на материале исторических текстов) // Материалы международной научно-практической конференции «70 лет дружбы и сотрудничества». Чита. Забайкальский государственный университет. 18.10.2019. Чита: Изд-во Забайкальский государственный университет, 2019. С. 126–130.

Дондокова М.Ю. К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык // Тезисы докладов международной конференции «Китайская лингвистика и синология». Москва. Российский государственный гуманитарный университет. 03–05.10.2019. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 59–62.

Дондокова М.Ю. Проблемы перевода на китайский язык туристических объектов байкальского региона // Материалы Международной научной конференции «Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития». Иркутск. ФГБОУ ВО «ИГУ». 18–20.10.2017. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 113–115.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001.

Китайская глобальная телевизионная сеть (CGTN) (Русская версия): официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://russian.cgtn.com/ (дата обращения: 07.12.2022).

Коган Е.С., Ли Мо. Годонимия Шанхая как средство создания образа города: история и современность // Научный диалог, 2018. № 12. С. 85–94.

Космачева А.С., Шао Ш. Особенности топонимов в китайском языке // Сборник статей XXVI Международной научной конференции «Язык и культура». Томск. Национальный исследовательский Томский государ-

ственный университет. 27–30.10.2015. Томск: Национальный исследовательский ТГУ, 2016. С. 204–206.

Кравченко А.С. Особенности формирования топонимики Китая // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 11. С. 375–377.

Ли Баогуй. 2004. Способы образования годонимов и их правила написания // *Вестник Аньшаньского педагогического института*. № 5. С. 46–48.

Лиджиев А.Б. Анализ некоторых маньчжурских топонимов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2016. № 2 (33). С. 88–92.

Ли Шань. Сопоставительный анализ топонимов русского и китайского языков: дис. … магистра. Цзилинь: Цзилиньский университет, 2019. 57 с.

Лю Юйцзинь, Чжу Хунбинь, Ван Жань. Взгляд на особенности оронимов Северо-Востока Китая и причины их возникновения // *Китайский вестник сельскохозяйственных наук,* 2010. № 7. С. 347–350.

Люй Чанфэн. Система имён собственных в китайском языке и иерархическое распределение имён собственных в этой системе: дис. … канд. фил. наук. Тяньцзин: Нанькайский университет, 2012.

Лю Лу. Способы и мотивы наименования географических объектов в китайском и русском языках // Litera, 2021. № 5. С. 97–105.

Лю Чанцзян. Методы перевода топонимов с некитайским происхождением // Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции «Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований». Чебоксары. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. 26.04.2019. Чебоксары: Изд-во Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. С. 358–362.

Лянь Чжэньжань. Знания, лежащие в основе перевода оронимов Китая // Шанхайский журнал переводчиков, 2014. № 1. С. 82–86.

Новейшие таблицы способов транслитерации с английского, французского, немецкого, испанского, русского и арабского на китайский язык. Общие правила перевода и написания иностранных географических названий на китайском языке / Комиссия КНР по географическим названиям, 1982.

Новый русско-китайский справочник географических названий России / сост. и пер. Чжоу Цзюньин, ред. Ли Е. Пекин: Коммерческое изд-во (Шанъу иньшугуань), 2003.

Ню Жучэнь. Этимологический словарь топонимов Китая. Пекин: Изд-во Центрального университета национальностей (Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ), 1999.

Отчёт о переходе на систему пиньинь при романизации китайских топонимов и о правилах унификации написания: док. Госсовета КНР / Комитет КНР по вопросам реформы китайской письменности, 1978.

Пылкова А.А. Лингвокультурные особенности китайской топонимической лексики (на примере годонимов и агоронимов) // Эпоха науки, 2021. № 25. С. 242–250.

Синьхуа Новости (русская версия): официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://russian.news.cn/ (дата обращения: 07.12.2022).

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (5-е изд.). М.: ООО «Издательский Дом ‘ФИЛОЛОГИЯ ТРИ’», 2002.

Чжан Цзиньфу, У Лань. Анализ причин возникновения путаницы при переводе топонимов Китая: на примере перевода оронима «Лушань» в провинции Цзянси на английский язык // *Вестник Цзюцзянского университета Социальные науки,* 2015. № 2. С. 84–89.

Чэн Жунлу. Теория и техники перевода с русского на китайский и с китайского на русский. Пекин: Изд-во «Электронная промышленность» (Дяньцзы гунъе чубаньшэ), 1993. 652 с.

Ху Гумин. Учебное пособие по китайско-русскому переводу (5-е изд.). Шанхай: Шанхайское изд-во «Обучение иностранным языкам» (Шанхай вайюй цзяоюй чубаньшэ), 2010.

Ши Цзялу. Сравнительный анализ топонимов в русском и китайском языках в аспекте лексико-семантических особенностей номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Т. 14. № 6. С. 1934–1937.

Шмарова Ж.В. К вопросу о происхождении китайских географических названий // Гуманитарный вектор. Филология, востоковедение, 2013. № 4. С. 128–132.

Цзян Сяоцзюнь. Немного о переводе топонимов из русских технических документов по железнодорожным проектам // Журнал «*Топонимика Китая»,* 2020. № 5. С. 18–19.

Ю Синь. О переводе китайских антропонимов и топонимов // Журнал «*Русский язык»,* 2013. № 6. С. 39–41.

References

Balashova V.P. (2017) Sostav toponimicheskoy sistemy godonimov i aspekty yeye transformatsii (na materiale sravnitel’nogo analiza godonimov Moskvy i Pekina) = The structure and transformation peculiarities of the toponymical system of hodonyms (the comparative analysis of the hodonyms of Moscow and Beijing). Materials of the International Scientific Conference “Gottlieb Readings: Asia-Pacific Region in the Context of Global Development”. Irkutsk: Irkutsk St. Univ. Publ., pp. 29–34 (In Russian).

程荣辂 (1993) 俄汉～汉俄翻译理论与技巧. 北京: 电子工业出版社, 652页.

Cheng Ronglu. (1993) Teoriya i tekhniki perevoda s russkogo na kitajskij i s kitajskogo na russkij = Theories and Techniques of Russian-Chinese and Chinese-Russian Translation. Beijing: Izd-vo “Elektronnaya promyshlennost’”. 652 p. (In Chinese).

大俄汉词典 (修订版) (2001) / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编. 北京: 商务印书馆.

Bol’shoj russko-kitajskij slovar’ (isp. i dop.) (2001) = Big Russian-Chinese Dictionary (Revised edition), pod red. Instituta slovarej Issledovatel’skogo

centra russkogo yazyka i literatury Hejlunczyanskogo universiteta. Beijing: Kommercheskoe izd-vo (Shangwu yinshuguan) (In Chinese).

Dondokova M.Yu. (2019) K probleme yedinoobraziya perevoda toponimov s russkogo na kitayskiy yazyk = On the problem of unity of translation of toponyms from Russian into Chinese. Materials of the International Conference "Chinese Linguistic and Sinology". Moscow: Russian St. Humanities Univ. Publ., pp. 59–62 (In Russian).

Dondokova, M.Yu. (2017) Problemy perevoda na kitayskiy yazyk turisticheskikh ob"yektov baykal'skogo regiona = Translation problems of tourist sites of the Baikal region into Chinese. Materials of the International Scientific Conference "Gottlieb Readings: Asia-Pacific Region in the Context of Global Development". Irkutsk: Irkutsk St. Univ. Publ., pp. 113–115 (In Russian).

Ermolovich D.I. (2001) Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur = Proper names at the intersection of languages and cultures. Moscow: Izd. R. Valent (In Russian).

Fedorov A.V. (2002) Osnovy obshchey teorii perevoda (5-e izd.) = Fundamentals of the General Theory of Translation (5th ed.). Moscow: Izdatel'skiy Dom "FILOLOGIYA TRI" (In Russian).

胡谷明 (2010) 汉俄翻译教程（第 5 版）. 上海: 上海外语教育出版社.

Hu Guming. (2010) Uchebnoe posobie po kitajsko-russkomu perevodu (5-e izd.). = Coursebook on Chinese-Russian Translation (5th ed.). Shanghai: Shanhajskoe izd-vo "Obuchenie inostrannym yazykam" (Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

蒋小菊 (2020) 浅谈铁路工程俄语技术文件中的地名翻译. 中国地名, (05), 18–19页.

Jiang Xiaoju. (2020) Nemnogo o perevode toponimov iz russkikh tekhnicheskikh dokumentov po zheleznodorozhnym proyektam = On the Translation of Toponyms in Russian Railway Engineering Technical Documents. Zhurnal "Toponimika Kitaya". No. 5, pp. 18–19 (In Chinese).

Kitayskaya global'naya televizionnaya set' (CGTN) (Russkaya versiya) = China Global Television Network (CGTN) (Russian edition). [Electronic resource]. URL: https://russian.cgtn.com/ (date of retrieval: 07.12.2022) (In Russian).

Kogan E.S., Li Mo. (2018) Godonimiya Shankhaya kak sredstvo sozdaniya obraza goroda: istoriya i sovremennost' = Shanghai's hodonyms as a means of creating an image of the city: history and modernity. Nauchnyy dialog. No. 12, pp. 85–94 (In Russian).

Kosmacheva A.S., Shao Sh. (2016) Osobennosti toponimov v kitayskom yazyke = Peculiarities of Chinese toponyms. Proceedings of the XXVI International Scientific Conference "Language and Culture". Tomsk: National Research Tomsk St. Univ. Publ., pp. 204–206 (In Russian).

Kravchenko A.S. (2018) Osobennosti formirovaniya toponimiki Kitaya = Peculiarities of the formation of Chinese toponyms. Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Vol. 2. No. 11, pp. 375–377 (In Russian).

李宝贵 (2004) 街名的构成方式及其拼写. 鞍山师范学院学报, (05), 46–48页.

Li Baogui. (2004) Sposoby obrazovaniya godonimov i ikh pravila napisaniya = Ways of Formation and Spelling of Street Names. Vestnik An'shan'skogo pedagogicheskogo instituta. No. 5, pp. 46–48 (In Chinese).

李山 (2019) 俄汉地名对比研究: 硕士学位论文. 吉林: 吉林大学.

Li Shan. (2019) Sopostavitel'nyy analiz toponimov russkogo i kitayskogo yazykov = Comparative Study of Russian and Chinese Toponyms: Master's thesis. Jilin: Jilin Universitet (In Chinese).

连真然 (2014) 中国各种山名翻译背后的学问. 上海翻译, (01), 82–86页.

Lian Zhenran. (2014) Znaniya, lezhashchiye v osnove perevoda oronimov Kitaya = Study on the Translation Background of Various Chinese Mountain Names. Shankhayskiy zhurnal perevodchikov. No. 7, pp. 82–86 (In Chinese).

Lidzhiyev A.B. Analiz nekotorykh man'chzhurskikh toponimov [Study of some Manchurian toponyms]. Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy, 2016. Vol. 33, No. 2, pp. 88–92 (In Russian).

刘玉静、朱宏斌、王然 (2010) 关于东北地区河流名称及成因的几点看法. 中国农学通报, (07), 347–350页.

Liu Yujing, Zhu Hongbin, Wang Ran. (2010) Vzglyad na osobennosti oronimov Severo-Vostoka Kitaya i prichiny ikh vozniknoveniya = On the Structure and Causes of the Formation of River Names in Northeast China. Kitayskiy vestnik sel'skokhozyaystvennykh nauk. No. 7, pp. 347–350 (In Chinese).

吕长凤 (2012) 汉语专名词语系统及其在词汇系统中的层级性分布: 博士学位论文. 天津: 南开大学.

Lyu Changfeng. (2012) Sistema imen sobstvennykh v kitayskom yazyke i iyerarkhicheskoye raspredeleniye imen sobstvennykh v etoy sisteme = The system of Chinese Proper Nouns and the Distribution of Proper Nouns in the Chinese Lexical System: PhD dissertation. Tianjin: Nan'kayskiy universitet (In Chinese).

Lyu Lu. (2021) Sposoby i motivy naimenovaniya geograficheskikh ob"yektov v kitayskom i russkom yazykakh = Methods and motives of geographical objects naming in Chinese and Russian. Litera. No. 5, pp. 97–105 (In Russian).

Lyu Chantszyan. (2019) Metody perevoda toponimov s nekitayskim proiskhozhdeniyem = Methods of toponyms translation with non-Chinese origin. Proceedings of the XI International Scientific Conference "Questions of Philology and Translation Studies in the Context of Modern Research". Cheboksary: I.YA. Yakovlev Chuvash St. Normal Univ. Publ., pp. 358–362 (In Russian).

牛汝辰 (1999) 中国地名由来词典. 北京: 中央民族大学出版社.

Niu Ruchen. (1999) Etimologicheskiy slovar' toponimov Kitaya = Etymology Dictionary of Chinese Toponyms. Beijing: Izd-vo Tsentral'nogo universiteta natsional'nostey (Zhongyang minzu daxue chubanshe) (In Chinese).

英、法、德、西、俄、阿拉伯汉译最新译音表. 外国地名汉字译写通则 (1982) / 中国地名委员会.

Noveyshiye tablitsy sposobov transliteratsii s angliyskogo, frantsuzskogo, nemetskogo, ispanskogo, russkogo i arabskogo na kitayskiy yazyk. Obshchiye pravila perevoda i napisaniya inostrannykh geograficheskikh nazvaniy na kitayskom yazyke (1982) = The latest Transliteration Table from English, French, German, Spanish, Russian, and Arabic into Chinese. General Rules for Translation and Writing of Foreign Toponyms in Chinese characters / by China Geographical Names Committee.

新编俄罗斯地名译名手册 (2003) / 周俊英 编译、李夜 审校. 北京: 商务印书馆.

Novyy russko-kitayskiy spravochnik geograficheskikh nazvaniy Rossii = New Directory of Chinese Translations of Russian Geographical Names (2003) / trans. by Zhou Junying, rev. by Li Ye. Beijing: Kommercheskoe izd-vo (Shangwu yinshuguan) (In Chinese).

关于改用汉语拼音方案作为我国人名地名罗马字母拼写法的统一规范的报告: 国务院文件 (1978). 中国文字改革委员会.

Otchet o perekhode na sistemu pin'in' pri romanizatsii kitayskikh toponimov i o pravilakh unifikatsii napisaniya (1978) = Report on the Switch to Chinese pinyin as the Unified Standard for the Spelling of Personal Names and Toponyms Written in Roman Letters: China State Council Document / by Chinese Written Language Reform Committee.

Pylkova A.A. (2021) Lingvokul'turnyye osobennosti kitayskoy toponimicheskoy leksiki (na primere godonimov i agoronimov) = Linguistic and cultural peculiarities of Chinese toponyms (case study of hodonyms and agoronyms. Epokha nauki. No. 25, pp. 242–250 (In Russian).

Shi Tszyalu. (2021) Sravnitel'nyy analiz toponimov v russkom i kitayskom yazykakh v aspekte leksiko-semanticheskikh osobennostey nominatsii = Comparative study on lexical and semantic features of the nomination of Russian and Chinese toponyms. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vol. 14, No. 6, pp. 1934–1937 (In Russian).

Shmarova Zh.V. (2013) K voprosu o proiskhozhdenii kitayskikh geograficheskikh nazvaniy = On the origin of Chinese geographical names. Gumanitarnyy vektor. Filologiya, vostokovedeniye. No. 4, pp. 128–132 (In Russian).

Sin'khua Novosti (russkaya versiya) = Xinhua News (Russian edition). [Electronic resource]. URL: http://russian.news.cn/ (date of retrieval: 07.12.2022) (In Russian).

Varakina M.I., Levchenko Ya.A. (2019) Analiz perevoda toponimov, antroponimov i realiy s russkogo na kitayskiy yazyke (na materiale istoricheskikh tekstov) = Study on translation of toponyms, anthroponyms and realia from Russian into Chinese (case of historical texts). Materials of the International Scientific Conference "Gottlieb Readings: Asia-Pacific Region in the Context of Global Development". Chita: Transbaikal St. Univ. Publ., pp. 126–130 (In Russian).

于鑫 (2013) 谈中国人名、地名的翻译. 俄语学习, (06), 39–41页.

Yu Xin. (2013) O perevode kitayskikh antroponimov i toponimov = On the Translation of Chinese Personal Names and Toponyms. Zhurnal "Russkiy yazyk". No. 6, pp. 39–41 (In Chinese).

张金福、吴兰 (2015) 中国地名翻译混乱的成因分析——以江西 "庐山" 英译为例. 九江学院学报（社会科学版）, (02), 84–89页.

Zhang Jinfu, Wu Lan. (2015) Analiz prichin vozniknoveniya putanitsy pri perevode toponimov Kitaya: na primere perevoda oronima Lushan' v provintsii Tszyansi na angliyskiy yazyk = Analysis of Causes of Confusion in Translations of Chinese Toponyms — Case study of the English Translation of "Lushan" in Jiangxi Province. Vestnik Tszyutszyanskogo universiteta Sotsial'nyye nauki. No. 2, pp. 84–89 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Политова Анастасия Алексеевна — преподаватель, кандидат филологических наук. Сучжоуский университет, Институт иностранных языков, факультет русского языка и литературы, г. Сучжоу, провинция Цзянсу, КНР, 215006; anastasia_politova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Anastasia A. Politova — Ph.D. (Philology), Lecturer at the Department of the Russian language and Literature, School of Foreign Languages, Soochow University, 215006, Suzhou, Jiangsu province, PRC; anastasia_politova@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 37.013.76
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-99-107

КАТЕГОРИЯ СВЯЗНОСТИ КАК КЛЮЧ К ФОРМИРОВАНИЮ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА

Наталья Юрьевна Царева

Институт иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, г. Сиань, КНР
Для контактов: gct-tsareva@yandex.ru

Аннотация. В статье будут рассмотрены практические вопросы уровня формирования текстовой компетенции, исходя из концепции теории текста, в которой уделяется большое внимание категории связности (когезии), поскольку она обеспечивает структурно-композиционную последовательность изложения. В китайской аудитории при обучении текстообразованию на русском языке возникают серьёзные проблемы, касающиеся как объективных факторов (изначальная дискретность текста и разность языковых систем), так и субъективных (низкий уровень аналитических способностей, недостаточная уверенность в собственных креативных возможностях). Важность этой категории трудно переоценить, ибо она носит многоаспектный, междисциплинарный характер и должна стать объединяющим началом при разработке учебных планов и программ для будущих переводчиков в курсах «Практической стилистики», «Теории и практики перевода», «Деловое общение», «Введение в языкознание» и пр. Подобная взаимообусловленность разных учебных дисциплин при обучении иностранным языкам не только способствует развитию аналитики учащихся, но и повышает уровень их креатива, от которого во многом зависит конкурентоспособность, востребованность будущих специалистов рядом с компьютерным интеллектом.

Ключевые слова: текстовая компетенция, категория связности, междисциплинарность, аналитические способности

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Для цитирования: *Царева Н.Ю.* Категория связности как ключ к формированию текстовой компетенции будущего переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 99–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-99-107

Статья поступила в редакцию 20.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.12.2022;
принята к публикации 15.02.2023.

THE CATEGORY OF CONNECTIVITY AS THE KEY TO THE TEXT COMPETENCE OF THE FUTURE TRANSLATOR

Natalia Yu. Tsareva

Shaanxi pedagogical University (XI'an, China)
For contacts: gct-tsareva@yandex.ru

Abstract. The report will address practical issues of the level of formation of textual competence, based on the concept of text theory, which pays great attention to the category of coherence, since it provides a structural and compositional sequence of presentation. In the Chinese audience, when teaching text formation in Russian, there are serious problems concerning both objective factors (the initial discreteness of the text and the difference in language systems) and subjective ones (a low level of analytical abilities, insufficient confidence in their own creative abilities). The importance of this category is difficult to overestimate, because it has a multidimensional, interdisciplinary nature and should become a unifying principle in the development of curricula and programs for future translators in the courses of "Practical Stylistics," "Theory and Practice of Translation," "Business Communication," "Introduction to Linguistics," etc. Not only does such interdependence of different academic disciplines in teaching foreign languages develop students' analytics, but it also increases the level of their creativity, which largely determines the competitiveness and demand for future specialists next to computer intelligence.

Keywords: text competence, category of connectivity, interdisciplinarity, analytical abilities

For citation: *Tsareva N.Yu.* (2022) the category of connectivity as the key to the text competence of the future translator. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 99 –107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-99-107

The article was submitted on November 20, 2022;
approved after reviewing on December 20, 2022;
accepted for publication on February 15, 2023.

Если мы принимаем во внимание, что текст — это основная единица обучения иноязычной речи, то в процессе формирования текстовой компетенции, в частности у китайских учащихся, мы сталкиваемся с неизбежными трудностями, которые касаются как объективных, так и субъективных факторов.

К **объективным** факторам мы бы отнесли изначальную дискретность текста, различие языковых систем и традиций в обучении иностранным языкам в школе, а к **субъективным** — недостаточный уровень аналитических способностей, заниженную самооценку, неуверенность в собственных креативных возможностях.

Что же может быть нам в помощь в подобной ситуации?

Ответ на этот вопрос, может быть, связан с осмыслением или переосмыслением уже принятых постулатов «лингвистики текста», науки, существующей уже давно, с середины 60-х годов прошлого столетия, и доказавшей свою основательность. Её мэтры, её пионеры, в числе которых И.Р. Гальперин, Е.С. Кубрикова, К.А. Рогова, Н.С. Валгина, О.А. Крылова, Л.А. Новиков пришли к важным заключениям. Напомню некоторые из них.

Так, установлено, что тексты — это единица коммуникации (мы общаемся посредством текстов); они неоднородны по своей природе (Заговори, и я скажу, кто ты); тексты делимы (распадаются на части, как делимо любое умозаключение: есть вход, пространство для доводов и выход), и наконец, наиважнейшая роль отводится текстообразующим категориям, а именно: связности (когезии), целостности (когерентности), интенциональности (намеренности), информативности, ситуативности, интертекстуальности (включению в глобальное текстовое пространство), а также креативности и дискурсивности (Гальперин, 1981; Кубрикова, 2001; Рогова, 2011).

В настоящей статье мы сосредоточим внимание всего лишь на одной текстообразующей категории, **связности**, важность которой вытекает из ряда определений самого понятия **текст**, хотя, надо сразу признать, что его точного толкования на сегодняшний день нет. Причина расхождений в трактовке текста, видимо, кроется в том, что сведéние всего множества его видов в единую систему, по словам Елены Самойловны Кубриковой, задача весьма сложная (Кубрикова, 2001). Но, тем не менее, всё-таки можно увидеть некоторое единомыслие в понимании текста, вытекающее из самого его названия, восходящего к латинскому “textus”, что означает «ткань, сплетение, соединение».

В Энциклопедическом словаре **текст** трактуется как логическая и структурная совокупность высказываний, скреплённых единством тематики (Энциклопедический словарь, 2008: 340).

Приведём ещё два суждения, принадлежащих известным исследователям.

В первом — текст рассматривается в качестве носителя смысла, который выражается в его структуре и языковых средствах (Рогова, 2011: 6). А согласно второму — текст относится к наиболее очевидным реалиям языка. Это то, что должно связываться, сплетаться, формировать ткань повествования (Кубрикова, 2001: 74).

Содержание толкований текста подводит нас к мысли о значимости связности, которая конституирует текст. Эта категория образует его ткань, пронизывает логико-смысловыми связями все компоненты текста, пространство которого может включать в себя от одного предложения до целого развернутого сверхфразового единства, где связи далеко не всегда выражаются знаком.

Илья Романович Гальперин в своей знаменитой монографии определяет связность (когезию) как форму грамматической, семантической, лексической связи между отдельными частями текста. По мнению учёного, именно она обеспечивает «необходимый переход от одного контекстно-вариантного членения к другому» (Гальперин, 1981: 125).

Такая обусловленность отличает, к примеру, связность от целостности, являющейся категорией исключительно семантико-психологической и предполагающей наличие, прежде всего, смыслового единства, а не формальных признаков (Рогова, 2011; Валгина, 2017).

Следует сказать и о том, что строй русского словосочетания, взаимоотношения тех или иных компонентов текста напоминают нам «пазлы», когда одна часть словно входит другую или исходит из неё (Царева, 2017).

Поэтому достижение связности в процессе текстообразования предполагает со стороны учащегося не только знания о строе языка, но и достаточно развитые аналитические способности, касающиеся, в частности, и восприятия, и понимания смыслов, и последовательности, и убедительности в рассуждениях, а также знание формальных признаков связи между компонентами текста и умение их использовать в речетворчестве.

Теперь перейдём от теоретических размышлений к анализу опыта обучения будущих переводчиков.

Так, в китайских вузах предусмотрен курс по развитию речевой коммуникации, или по развитию речи (РР), охватывающий пять семестров на факультетах русского языка. В процессе его ведения есть реальная возможность по «вертикали» (от семестра к семе-

стру) сконцентрировать внимание учащихся на различных текстообразующих категориях, в частности когезии.

Но можно с уверенностью сказать, что одного курса по формированию умения связывать компоненты текста в рамках развития общей текстовой компетенции недостаточно. Значит, нужна «горизонталь», направленная на её формирование. И это, думается, могло бы стать одной из межпредметных стратегических задач, конечная цель которой научить понимать и создавать на репродуктивном или продуктивном уровне именно ТЕКСТЫ.

Подобное учебно-методическое взаимодействие нам удалось установить при ведении практического курса перевода и курса по развитию устной и письменной речи. Работа по формированию текстовой компетенции была организована с двух сторон, что заметно снижало влияние синтаксической интерференции. Не будем забывать, что русский и китайский синтаксис абсолютно разный! К примеру, в предложении типа «Я люблю тебя», на русском языке мы вольны выбирать порядок следования его членов в зависимости от смысла, что на китайском — невозможно. И если не уделять в ходе обучения достаточно внимания строю предложения и установлению связей между его членами, то сложности у учащихся будут только возрастать при построении сложных конструкций и при установлении внутренних связей в процессе текстопорождения (Царева, 2017).

Чтобы помочь учащимся преодолеть трудности в текстообразовании, логика подсказывает нам естественное движение: от простого к сложному.

Обычно, мы начинаем с формирования навыков и умений устанавливать цепную связь на основе поиска и анализа употребления её формальных средств, среди которых: лексический повтор, слова-синонимы, замены личным местоимением, замены словосочетаниями с указательными местоимением или наречиями и пр.

Для наглядности приведём в качестве примера одно из возможных заданий.

Задание. Прочитайте высказывание. Замените слово *сад и река* личным местоимением или наречием.

За домом был сад... От сада тянулась тропинка к реке, и уже с реки можно было увидеть горные холмы...

Составьте по аналогии своё высказывание, используя ключевые слова: *бульвар — озеро — выставка цветов; поля — горы — монастырь; парк — фонтаны — музей.*

Далее, наряду с цепной связью, учащимися осваивается параллельная связь как структурная соотнесённость предложений. В качестве задания можно предложить следующее.

Задание. Прочитайте текст. Скажите, какой вид связи между предложениями и почему вы так думаете.

Наступила зимняя, ясная ночь. Высыпали звёзды. Показалась луна.

Составьте по аналогии своё высказывание на тему «Здравствуй, весна!»

Заметим, что на этом этапе учащиеся уже знакомятся со стилистическими фигурами, типичными в силу своей яркости в публицистических и художественных текстах, например, инверсией, анафорой и эпифорой.

И последним звеном по степени трудности при обучении связности текста является **присоединительная связь,** которая обеспечивается на уровне смысла и фактически исключает структурную соотнесённость. Лучшим материалом для её анализа могут служить отрывки из художественных текстов (от восприятия на слух с комментированием особенностей связей к письменному репродуктивному воспроизведению).

Согласимся с тем, что фактически все гуманитарные дисциплины требуют знания и умения использования всех видов связности при создании текстов. В случае, если эти навыки недостаточно сформированы произведения речетворческого процесса, по словам И.Р. Гальперина, вы не увидите и станете свидетелем коммуникативной неудачи (Гальперин, 1981).

Практика ведения курсов по РР подтверждает лишний раз то, что текстовая компетенция учащихся может быть сформирована только посредством **осознанного их отношения к текстообразующим категориям,** на основе специального цикла заданий для установления **логико-смысловых связей** в разных ракурсах, среди которых могут быть полезны следующие:

(1) поиск лексических эквивалентов с опорой на контекст;

(2) анализ словообразовательных моделей, расширяющих семантическое пространство тех или иных слов, словосочетаний и предложений, которые обычно составляют основу для будущего текста;

(3) установление внутренней связи между компонентами предложения и внешними связями между предложениями, входящими в состав высказывания;

(4) поиск ключевых слов и установление между ними логической цепочки;

(5) наблюдение и анализ общей структуры текста, и выделение его частей;

(6) составление его плана, как вопросного, так и назывного;

(7) восстановление по опорам информационного содержания текста;

(8) интерпретации прослушанного (прочитанного) материала в виде изложения основных положений;

(9) комбинирование содержания репродуктивного текста на базе разных источников;

(10) выражение своего отношения к содержанию текста;

(11) продуцирование текста по опорным предложениям;

(12) и наконец, написание эссе на заданную тему с последующим его обсуждением.

Обобщая вышеизложенные размышления, связанные с вопросами формирования текстовой компетенции и значимости категории связности, можно сказать, что нельзя недооценивать для их разрешения создания соответствующей обучающей среды. Это значит, что мы обязаны дать реальную возможность нашим студентам СРАВНИТЬ, УВИДЕТЬ отличие не только в форме предъявления текста, но и в особенностях его продуцирования, и тогда он будет готов СОЗДАТЬ свой собственный. Не будем забывать истину о том, что, кто ясно мыслит — тот ясно излагает. Это первое.

Второе. Все приведённые доводы дают нам право рассматривать категорию связности в качестве объединяющего начала при разработке учебных планов и программ для будущих переводчиков, как по «диагонали», так и по «вертикали» в рамках курсов «Развитие речевой коммуникации», «Практическая стилистика», «Чтение», «Аудирование на материалах СМИ», «Теория перевода», «Практика перевода» «Деловое общение», «Введение в языкознание» и пр., в которых с разных сторон анализируется природа текста, особенности его построения и содержания.

Третье. Уровень сформированности у учащихся текстовой компетенции в процессе изучения иностранных языков не только положительно влияет на их аналитику, но и, без сомнения, сказывается на уровне креатива, от которого во многом зависит будущая конкурентоспособность наших молодых специалистов, их успешность и востребованность рядом с постоянным развитием компьютерного интеллекта.

Четвёртое. Не стоит бояться того, что наши выпускники останутся без дела, нужно опасаться другого: паники и отсутствия движения на пути развития человеческого интеллекта. А трудности

конкуренции с высокими технологиями лучше предвосхищать и, совместно координируя программы обучения, искать и находить возможности для их преодоления.

Список литературы

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос. 2003. 280 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. Сб. статей «Текст, структура, семантика». М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72–82.

Рогова К.А. Текст: теоретические основания и принципы анализа. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.

Царева Н.Ю. Синтаксические параллели как лингводидактическая проблема в теории и практике РКИ при подготовке будущих переводчиков. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода № 3, 2017. С. 69–78.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Т. 2, 2008. М.: Флинта-Наука. 816 с.

References

Enziklopedichtskiy slovar-spravochnik lingvisticheskih ttrminov I ponyatiy = Encyclopedic Dictionary-handbook of linguistic terms and concepts (2008). Vol. 2. Moscow: Flinta-Nauka. 816 p. (In Russian).

Galperin I.R. (1981) Texst kak obekt lingvisticheskogo = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. 140 p. (In Russian).

Kubrikova E.S. (2001) O texste i kriteriyah ego opredeleniya = Text as an object of linguistic research. Sb. statey "Texst, struktura, semantika". Moscow: SportAkademPress, pp. 72–82 (In Russian).

Rogova K.A. (2011) Texst teoreticheskie osnovaniya i prinzipy analiza = Text: theoretical foundations and principles of analysis. Saint Petersburg: Zlatoust, 464 p. (In Russian).

Tsareva N.Yu. (2017) Syntaksicheskie paralleli kak lingvodidakticheskaya problema v teorii i practice RKI pri podgotovke budushchih perevodchikov = Syntactic parallels as a linguodidactic problem in the theory and practice of RCT in the preparation of future translators. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22 Teoriya perevoda.* No. 3, 2017, pp. 69–78 (In Russian).

Valgina N.S. (2003) Teoriya texsta = Text theory. Moscow: Logos. 280 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Царева Наталья Юрьевна — доцент, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета. 720062, Чанъан Наньлу 199, г. Сиань, Китай; gct-tsareva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Natalia Yu. Tsareva — Associate Professor, Professor at the Russian Language Faculty, the Institute of Foreign Languages, Shaanxi Pedagogical University. 720062, Chang'an Nanlu 199, Xi'an, China; gct-tsareva@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА ПАМФЛЕТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Александра Владимировна Богомолова[1], **Вера Евгеньевна Горшкова**[2]

[1,2] Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Для контактов: bogomolova_av96@mail.ru; gorchkova_v@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления дискурсивной личности автора памфлета и способы их передачи при переводе с французского языка на русский на материале произведений Ж.-Л. Меланшона « Le hareng de Bismark » и Р. Дюма и Ж. Вержеса « Sarkozy sous BHL ». Предлагается модель комплексного анализа дискурсивной личности автора в культурологическом, коммуникативно-прагматическом и стилистическом аспектах. На основе модели выводятся особенности авторского идиостиля, требующие непреложного сохранения при переводе для обеспечения адекватного коммуникативного эффекта на языке перевода. Учитывая, что в терминах коммуникативно-функционального подхода по В.В. Сдобникову памфлет относится к коммуникативной ситуации (КСП-2_{trans}), при которой инициатором перевода выступает сам переводчик, стремящийся познакомить реципиентов с творчеством авторов, анализируются проблема влияния языковой личности переводчика на передачу авторских особенностей оригинала, изначально обращённого к внутреннему читателю, и вопрос преодоления такого влияния. Делается вывод, что для адекватной передачи особенностей дискурсивной личности автора наиболее приемлемыми представляются приёмы компенсации и адаптации, а также переводческий комментарий.

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Ключевые слова: дискурсивная личность, памфлет, авторский идиостиль, КСП-2_{trans}, языковая личность переводчика

Для цитирования: *Богомолова А.В., Горшкова В.Е.* Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 108–128. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

Статья поступила в редакцию 09.12.2022;
одобрена после рецензирования 01.02.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

DISCURSIVE PERSONALITY OF THE AUTHOR OF A PAMPHLET FROM A TRANSLATION PERSPECTIVE

Alexandra V. Bogomolova[1],
Vera Ye. Gorshkova[2]

[1,2] Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

*For contacts: bogomolova_av96@mail.ru; gorchkova_v@mail.ru

Abstract. The article considers the features of the manifestation of the discursive personality of the author of a pamphlet and the ways of their transmission when translating from French into Russian on the basis of the works “Le hareng de Bismark” by J.-L. Melenchon and “Sarkozy sous BHL” by R. Dumas and J. Verges. A model of complex analysis of the author’s discursive personality in cultural, communicative, pragmatic, and stylistic aspects is proposed. Based on the model, the features of the author’s idiostyle are derived, which require immutable preservation during translation to ensure an adequate communicative effect on the target language. In terms of the communicative-functional approach according to V.V. Sdobnikov, the pamphlet refers to a communicative situation (KSP-2_{trans}), in which the translator himself is the initiator of the translation, seeking to acquaint recipients with the work of the authors. The paper analyzes the problem of the translator’s linguistic personality influence on the transmission of the author’s features of the original text, initially addressed to the inner reader, and the question of overcoming such an influence. It has been demonstrated that for the adequate transmission of the features of the author’s discursive personality, the most acceptable methods are compensation, adaptation and translation commentary.

Key words: discursive personality, pamphlet, author idiostyle, KSP-2_{trans}, translator’s linguistic personality

For citation: *Bogomolova A.V., Gorshkova V.Ye.* (2022). Discursive personality of a pamphlet author from a translation perspective. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4 .P. 108–128. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-108-128

The article was submitted December 09, 2022;
approved after reviewing February 01, 2023;
accepted for publication February 15, 2023

В эпоху антропоцентрической направленности лингвистических исследований большое внимание уделяется «человеку говорящему» и роли человека в языке, что непосредственно связано с речежанровой компетенцией языковой личности (в терминах К.Ф. Седова (Седов, 2016), поскольку «языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» (Богин, 1980: 3). Наш интерес к данному вопросу объясняется именно тем, что языковая личность «может с языком делать», в частности, как этот фактор проявляется в произведениях с ярко выраженным авторским «Я», к каковым мы относим памфлет, какие задачи должен поставить перед собой переводчик и какие переводческие решения будут способствовать их решению.

Выбор памфлета в качестве объекта исследования обусловлен, в первую очередь, его высокой общественной значимостью: в тексте автор бичует пороки общества, открыто высмеивает и критикует власть. Исторически сложилось так, что памфлет выступает «рупором» общественного мнения и действенным способом влияния на власть. Как отмечает Л.Г. Кайда, «памфлет — это тяжёлая артиллерия публицистики, которая используется, чтобы «волновать и возмущать души» читателей, никого не оставляя равнодушным в решении поднятых проблем» (Кайда, 2017: 97).

Памфлет как разновидность художественно-публицистического жанра представляет собой сатирическое произведение, «нацеленное на осмеяние определённых человеческих пороков и уничижение качеств портретируемого героя, который казался автору носителем какого-либо общественного зла» (Пастухов, 2009). Соответственно, каждый памфлетист из всего множества стилистических и художественных средств выбирает свои, подходящие для изобличения зла. В целом автор через памфлет показывает негативную оценку действительности, однако он не может её из-

менить, и лишь предоставляет читателям все необходимые материалы, чтобы они смогли «вынести вердикт» и попытаться изменить реальность.

Основными жанрообразующими признаками памфлета полагаются саркастическое обличение с элементами инвективы и полемическое противостояние разных точек зрения. Полемичность может проявляться двумя способами: памфлетист либо опровергает и критикует определённую точку зрения, либо вступает в диалог с собеседником. При этом такой диалог ведётся и с читателем, что помогает последнему сформировать собственное мнение о той или иной проблеме (Тепляшина, 2000). Полемичность памфлета способствует всестороннему представлению рассматриваемой проблемы: автор не только высказывает собственное субъективное мнение, сопровождая изложение ироническими комментариями, но и анализирует ситуацию с разных сторон, стараясь прийти к некому консенсусу. Тем не менее, памфлет остаётся субъективным произведением, который не следует использовать как достоверный источник информации.

Для памфлета характерен личностный характер коммуникации, агрессивность, а также присутствие эксплицитной и имплицитной оценки, в большинстве случаев негативной (Богомолова, Горшкова, 2019). С точки зрения дискурсивной лингвистики, памфлет находится на пересечении политического дискурса и дискурса масс-медиа, но всё же с преобладанием последнего. Данный факт подтверждается схемой соотношения дискурсов, предложенной Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000: 38).

↑ **доминирует дискурс масс-медиа**
– памфлет, фельетон
– проблемная аналитическая статья (написанная журналистом)
– колонка комментатора
– передовая статья
– репортаж (со съезда, митинга и т.п.)
– информационная заметка
– -
– интервью с политиком
– полемика (теледебаты, дискуссия в прессе)
– политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике)
– проблемная аналитическая статья (написанная политиком)
– публичная речь политика
↓ **доминирует политический дискурс**

Важную роль в памфлете играет голос автора, а именно «авторский подтекст», который К. Станиславский определял как «явную, внутренне ощущаемую «жизнь человеческого духа» роли, которая непрерывно течёт под словами текста, всё время оправдывая и оживляя их» (Цит. по: Кайда, 2017: 54). Авторский подтекст позволяет читателю находить скрытые смыслы, то, что не заметно с первого взгляда, то, к чему необходимо будет вернуться несколько раз, прежде чем разгадать посыл автора. Диалог с читателем очень важен, поскольку именно таким образом автор добивается поставленной цели — убедить читателя и заставить его поверить в интерпретацию приводимых автором фактов.

При написании памфлета автор стремится «выплеснуть» на бумаге весь свой внутренний мир, поделиться с читателями самыми сокровенными мыслями. Он осмеливается взять в руку «перо» и описать всё, что он думает о той или иной ситуации, не опасаясь последствий, ему важно раскрыть глаза читателя на неидеальную реальность. Свою речь он «украшает» оценочными выражениями, саркастическими и ироническими высказываниями, сравнениями и т.д.

Сказанное отражает идиостиль автора как языковой личности, каждую грань которого важно сохранить и передать при переводе. Под идиостилем традиционно понимают индивидуальные особенности мировоззрения автора и способы организации текста и диалога с читателем; идиостиль проявляется также в форме языковой репрезентации информации и в способности приобщить адресата к авторской трактовке излагаемого (Болотнова, 2008: 37–38).

В данном исследовании мы оперируем двумя понятиями при характеристике авторов памфлетов — языковая и дискурсивная личность, поскольку исследователи не могут прийти к единому мнению в отношении этого вопроса: можно ли их считать равнозначными или же следует их дифференцировать?

Актуальному представлению языковой личности мы обязаны Ю.Н. Караулову, который рассматривает данное явление с точки зрения психолингвистики, понимая под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» (Караулов, 2010: 35). В.И. Карасик определяет языковую личность как «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (Карасик, 2004: 22).

Дискурсивный подход к изучению языковой личности позволяет проводить анализ по многочисленным факторам (менталь-

ным, психологическим или прагматическим), что, в свою очередь, приводит к выявлению этических, профессиональных, возрастных и гендерных признаков дискурсивной личности (Синельникова, 2011). По мнению Л.Н. Синельниковой, не каждый человек, владеющий иностранным языком, может стать дискурсивной личностью, т.е. личностью, проявляющей культурологические компетенции и демонстрирующей знания социокультурных, этнокультурных и этнопсихологических условий взаимодействия с людьми. При этом исследователь отмечает, что «человек, уже занявший позицию в языковом пространстве, начинает производить имеющие смысл сообщения — дискурсы — и создавать из них своё дискурсивное пространство» (Там же: 458).

Следует отметить, что наряду с приведёнными выше понятиями, часто употребляют понятие «коммуникативная личность». С.Н. Плотникова считает, что между данными тремя понятиями существует разница, которую необходимо уточнять. Под языковой личностью исследователь понимает человека, владеющего естественным языком и создающего языковое пространство вокруг себя на основе того языка, которым он владеет. Языковая личность становится коммуникативной, вступая в процесс коммуникации с другим человеком или другими людьми; каждая языковая личность выступает в роли адресанта или адресата и обменивается сообщениями либо при физическом, либо при удалённом контакте. Дискурсивная личность — это языковая личность, которая порождает некий дискурс — «возобновляемое или законченное, фрагментарное или цельное, устное или письменное сообщение». Такая личность порождает сообщение и несёт ответственность за его содержание (Плотникова, 2008).

Если рассматривать эти три понятия — языковая, коммуникативная и дискурсивная личности, то можно сказать, что языковая личность одновременно представляет собой коммуникативную и дискурсивную. Однако, между ними всё же существуют некоторые различия. Из имеющихся типов личности любому человеку намного легче стать дискурсивной, при условии, что он обладает способностью порождать смыслы. Во время создания сообщения дискурсивная личность может оценить ситуацию и определить, для какого именно адресата производится сообщение, именно таким образом дискурсивная личность становится коммуникативной. Однако переход от одной личности к другой происходит не сразу; чтобы дискурсивная личность стала коммуникативной, порождаемый ею дискурс должен быть востребованным, т.е. люди должны впустить его в пределы определённого коммуникативного

пространства, а коммуникативная личность должна начать жить собственной жизнью среди людей этого пространства и занять в нём свою нишу (Там же).

Считаем необходимым отметить, что аналогичной точки зрения придерживается Л.Н. Синельникова, подчёркивающая в своём исследовании, что «языковая личность в интеракциональном контексте и есть дискурсивная личность, которая формируется на пересечении коммуникативных и когнитивных факторов», а «язык в дискурсе действует как когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность» (Синельникова, 2011: 456–457).

В свете вышеизложенного полагаем возможным предположить, что термин «языковая личность» может выступать гиперонимом по отношению к термину «дискурсивная личность», что также подтверждается в исследовании Е.Р. Корниенко, которая отмечает,

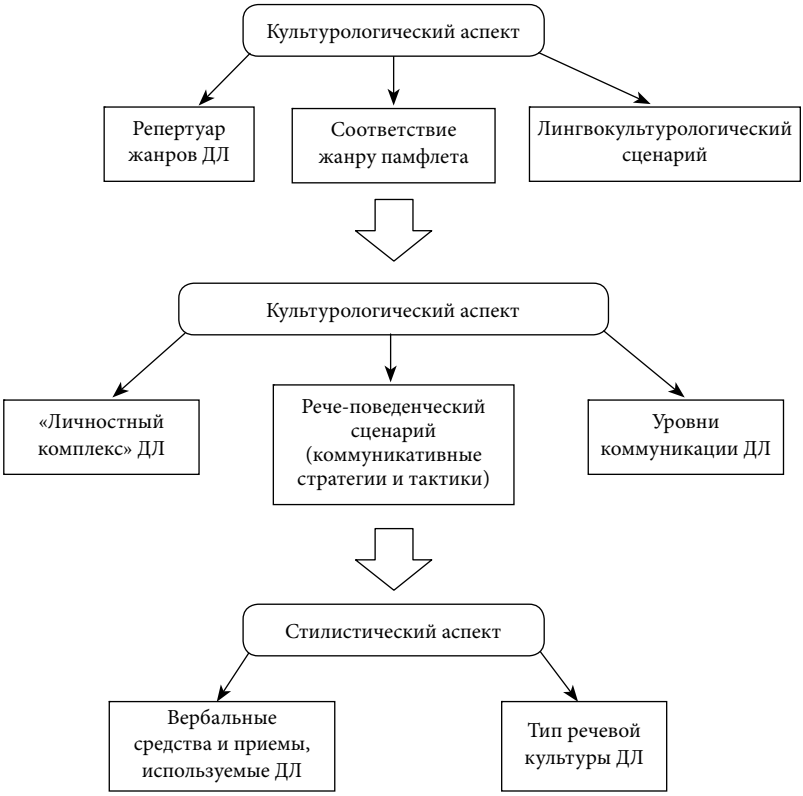

Рис. 1. Модель описания дискурсивной личности (ДЛ) памфлета

что «любая языковая личность по своей природе является дискурсивной» (Корниенко, 2019: 266). Именно поэтому в рамках нашего исследования мы будем использовать эти два термина как взаимозаменяемые.

Несмотря на всё многообразие типологий языковой личности, каждая из которых описывает личность под определённым углом зрения, Л.В. Уховой всё же удалось вывести модель описания языковой личности, которую мы возьмём за основу наших рассуждений. Данная модель охватывает три аспекта: стилистический, коммуникативный и лингвокультурологический (Ухова, 2016: 69). Отталкиваясь от данной модели, предлагаем следующую модель исследования дискурсивной личности автора памфлета (рис. 1). На первом этапе мы рассматриваем дискурсивную личность с культурологической точки зрения как представителя определённой культуры и выявляем предпосылки к написанию памфлета.

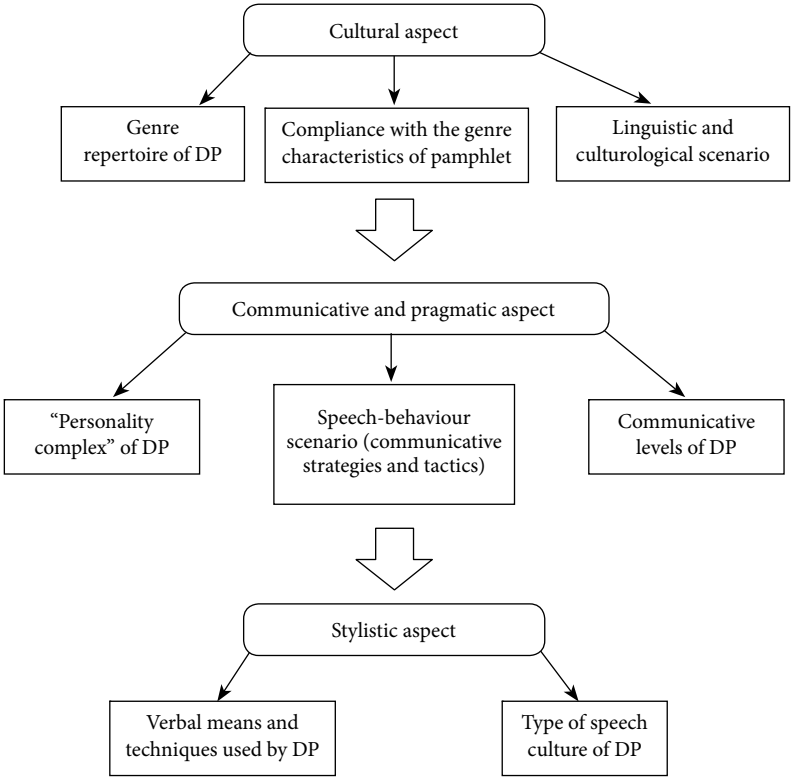

Fig. 1. Model for describing the discursive personality (DP) of a pamphlet author

На следующем этапе — коммуникативно-прагматическом — описываем автора как личность, а также определяем, какие коммуникативные стратегии и тактики он использует. На заключительном этапе — какие именно вербальные средства использует автор как дискурсивная личность в рамках избранных стратегий.

Автором первого памфлета « Le hareng de Bismarck » является известный французский политик левого толка и журналист Жан-Люк Меланшон, сильная и противоречивая личность, отличающаяся от других современных политиков талантом подбирать нужные и правильные выражения, не оставляя никого равнодушным. Ж.-Л. Меланшон был депутатом Европейского парламента и несколько раз участвовал в президентских выборах. В настоящее время Ж.-Л. Меланшон избран депутатом Национального Собрания Франции. Он по сей день активно высказывает недовольство действующей властью, а его политические эссе по-прежнему привлекают внимание французов, поскольку в них всегда поднимаются актуальные и злободневные вопросы.

Памфлет « Le hareng de Bismarck » — это настоящий крик души автора. Меланшон вскрывает суть отношений двух значимых держав Европы — Франции и Германии. Перед ним стоит важная задача — открыть глаза французского народа на состояние отношений между двумя странами, показать читателю несостоятельность политики и экономики Германии, которую слепо копируют власти Франции, и убедить французов в том, что такой путь развития не подходит их государству.

Для достижения коммуникативной цели — уличения несостоятельности германской политической системы — автор использует следующие коммуникативные тактики: тактику обвинения и тактику побуждения.

Применяя тактику обвинения, Ж.-Л. Меланшон анализирует практически каждую сферу жизни и находит слабые стороны политической системы. Так, при описании демографической ситуации в Германии автор памфлета обвиняет власти в «депортации» пожилого населения в дома престарелых или в близлежащие страны, где рабочая сила стоит дешевле, чем в Германии, чтобы найти там дешёвый обслуживающий персонал для стариков. Всё это делается с целью уменьшения затрат на содержание пожилого населения:

(1) *Le déclin démographique et le vieillissement de la population coûteront d'abord très cher à l'Allemagne elle-même <…> Certaines familles allemandes embauchent donc à bas coût des personnes venues d'Europe de l'Est pour s'occuper de leurs anciens. Mais d'autres vont plus loin. Leur*

solution? Exporter les vieux dans des pays où la main-d'œuvre pour s'en occuper coûte moins cher! (p. 61–62).

Используя тактику побуждения, Ж.-Л. Меланшон иронически обращается к согражданам, призывая их, на первый взгляд, к негативным действиям, а на самом деле, стараясь раскрыть суть проблемы и её актуальное состояние. Анализируя проблему питания и влияния немецкой модели развития на пищевую промышленность, автор приводит статистику, показывающую, что большой процент населения Германии страдает от ожирения из-за недолжного качества продуктов питания. В конце раздела « Hard discount et malbouffe » Ж.-Л. Меланшон призывает французов «поднажать», ведь Германия их уже обогнала. На самом же деле автор показывает, к чему может привести пренебрежение качеством продуктов и поддержка политики дискаунтеров:

(2) *Que cela n'empêche pas nos déclinistes de faire leur office! Horreur, la France est à la traîne de l'Allemagne avec seulement 15% de personnes malades d'obésité! Allez, encore un effort pour faire aussi bien que le modèle! « Mangez mal »!* (p. 44).

Следуя типологии языковой личности В.И. Карасика (Карасик, 2004), мы с полным основанием относим Ж.-Л. Меланшона к эгоцентрической личности, отличающейся высокой экспрессивностью выражений. На наш взгляд, если выйти за рамки исключительно стилистического критерия, его можно рассматривать как эгоцентрическую личность также потому, что он излагает собственные точки зрения и видения ситуации.

Для достижения необходимого коммуникативного эффекта Ж.-Л. Меланшон прибегает к использованию авторских метафор. Ярким примером служит сравнение немецкой модели развития с ядом (le poison allemand), заполоняющим и губящим всё, чего касается, ядом, поражающим каждую сферу жизни страны. Циничная и агрессивная — вот какой видит Ж.-Л. Меланшон политическую систему Германии:

(3) *Le « poison allemand » passe par l'air et la nourriture avec la même bonne conscience, et la même agressivité quand on lui résiste, que le reste des trouvailles de ce « modèle » morbide* (p. 24).

(4) *Vouloir imiter la façon de faire allemande, c'est donc se frapper soi-même. L'étendre à tous, c'est étendre les ravages du poison allemand* (p. 78).

(5) *Ce poison allemand est l'opium des riches. Pour eux, si un tel paradis de discipline et de silence sur un tel océan de misère, d'exploitation et d'asservissement peut exister, alors tous leurs espoirs sont permis* (p. 18).

Помимо лексических средств, Ж.-Л. Меланшон не скупится и на синтаксические средства: на протяжении всего памфлета мы выявили порядка 100 риторических восклицаний и вопросов. В конце каждого раздела политик обращается к своему читателю, призывает к действиям, задаёт вопросы, на которые нет ответа:

(6) *Que de bonheur en vue: tous ces avions à charger jusqu'à la gueule de "made in Germany"!* (p. 29)

(7) *Crèvent l'air et tout ce qui y vit! Les avions doivent passer. Que se poussent les oiseaux qui encombrent le ciel sans rien faire d'utile pour le PIB! Mettez plutôt vos masques à gaz! Ça tombe bien : ils sont eux aussi "made in Germany"!* (p. 29)

Перед читателем зримо предстаёт образ Ж.-Л. Меланшона, выступающего с трибуны, не стесняющегося и не опасающегося высказывать своё недовольство властью, политикой, сложившейся ситуацией. Он призывает каждого гражданина Франции не бояться говорить то, что они думают, помогать своей стране измениться в лучшую сторону, задуматься о будущем. Он — глас народа. Он — его рупор. Он тот, кто движет народ к правде, тот, кто призывает сбросить пелену с глаз и увидеть настоящую реальность. Соответственно, при переводе его произведений важно соблюдать динамику текста и не упустить малейшего посыла, скрытого в его выражениях.

Второй памфлет « Sarkozy sous BHL » опубликован в 2011 году и принадлежит двум известным французским адвокатам Ролану Дюма и Жаку Вержесу, каждый из которых оставил яркий след в истории Франции. В данном исследовании мы будем рассматривать их как единую дискурсивную личность, поскольку нам не представляется возможным определить, какие именно фрагменты были написаны каждым автором.

Жак Вержес — один из известнейших французских адвокатов и крайне противоречивый юрист. Во всём мире он известен как «Адвокат дьявола», поскольку в списке его клиентов числятся самые одиозные террористы XX века, нацисты, серийные убийцы, диктаторы (Johannès, 2013).

Ролан Дюма — также в прошлом известный французский адвокат. После победы Франсуа Миттерана на президентских выборах 1981 года Р. Дюма выполнял секретные миссии по поручению президента Франции, в частности, связанные с Муамаром Каддафи. В течение 10 лет Р. Дюма возглавлял дипломатическую службу Франции, за исключением периода «сосуществования» (от франц. *cohabitation*) Ф. Миттерана и Ж. Ширака. Он был другом и при-

верженцем Ф. Миттерана, отличным адвокатом и прекрасным дипломатом. 70 лет посвятил политической карьере, 10 из которых — дипломатии.

Памфлет « Sarkozy sous BHL » — это не что иное, как обращение к бывшему президенту Франции Николя Саркози. Авторы слишком недовольны политикой президента Франции на Ближнем Востоке, они устали от постоянной лжи и сокрытия фактов, к тому же они уверены в сильном влиянии на Н. Саркози скандально известного журналиста Бернара-Анри Леви. Р. Дюма и Ж. Вержес объединяются, чтобы добиться правды от бывшего президента Франции, вызвать его на диалог и призвать к ответу.

Для достижения коммуникативной цели авторы используют тактику очернения и тактику обвинения. Обвинение Н. Саркози во всех грехах проходит лейтмотивом через весь памфлет. Авторы презирают бывшего президента, нет ни одной черты, которая бы привлекала их. Они раскрывают его карты, рассказывают о том, что тщательно скрывалось ангажированными журналистами на протяжении многих лет.

Р. Дюма и Ж. Вержес обвиняют Н. Саркози во вмешательстве в войну в Ливии в 2011 году, в избыточном присутствии эпатажного журналиста Б.-А. Леви в политике Франции. В число «грехов» Н. Саркози входит любовь к деньгам, готовность пойти на всё ради получения материальной выгоды. Помимо этого, они высказывают презрение к качеству речи бывшего президента и его отношению к французскому языку и культуре страны.

(8) *Le régime libyen n'ayant pas de « légitimité démocratique », il n'est pas question de lui accorder un droit à sa défense, de respecter la loi internationale, encore moins de lui manifester de la solidarité, même si le peuple français, l'été 2011, était majoritairement hostile à la guerre en Libye* (p. 17).

(9) *Ce n'est pas l'amour du genre humain qui vous fait courir, c'est la braise, le flouze, l'oseille, la thune, comme on disait à la Cour des miracles* (p. 21).

(10) *Vous détestez la culture française et ne voyez pas pourquoi les futurs énarques devraient lire La Princesse de Clèves, alors que lire de chefs-d'œuvre de notre littérature est un plaisir. C'est même, selon Valery Larbaud, un vice impuni, mais vous ne savez sans doute qui est Valery Larbaud* (p. 12).

Тактику очернения Р. Дюма и Ж. Вержес применяют, когда хотят показать истинное лицо Н. Саркози и его помощника Б.-А. Леви. Так, например, чтобы показать, насколько слабым политиком был Н. Саркози, авторы сравнивают его с Аттилой, подчёркивая при

этом, что Н. Саркози ещё далеко до него, он — лишь жалкая копия великого гунна:

(11) *Vous êtes la carricature de ce roi barbare qui répandit la guerre dans tout le monde d'alors, de la Caspienne à Paris où sainte Geneviève contribua à le repousser. Vous êtes la réincarnation en format réduit d'Attila le fléau de Dieu, vous êtes Attila le Petit* (p. 13).

Полагаем возможным рассматривать языковую личность Р. Дюма и Ж. Вержеса как относящуюся к социоцентрической языковой личности, поскольку они стремятся встать с представителями социума «на одну ногу». В отличие от Ж.-Л. Меланшона, который «расцвечивает» свой текст образными выражениями, Р. Дюма и Ж. Вержес предпочитают использовать арготическую и разговорную лексику, свойственную Н. Саркози, поскольку, как известно, последний не пренебрегает употреблением подобной лексики в речи, что «сближает» его с народом:

(12) *Être « protecteur », voilà un beau métier comme proxo…* (p. 24).

(13) *Et puisque cet enturbanné ne comprend pas, il faut, comme dans le milieu, tuer le mec qui n'est pas réglo, tuer Kadhafi, et comme dans le milieu aussi, si on ne peut l'atteindre, punir sa famille* (p. 53).

При чтении памфлета Р. Дюма и Ж. Вержеса читатель чувствует резко отрицательное отношение авторов к Н. Саркози, эксплицитное обличение каждого его действия. Ощущение упрёка не иссякает и к концу памфлета, оно только усиливается. При переводе такого памфлета важно сохранить динамику нарастания обвинений для сохранения коммуникативного эффекта, чтобы русскоязычной читатель смог уловить настроение авторов, их эмоции и чувства.

В терминах коммуникативно-функционального подхода по В.В. Сдобникову, памфлет относится к коммуникативной ситуации (КСП-2_{trans}), при которой инициатором перевода выступает сам переводчик, стремящийся познакомить реципиентов с творчеством авторов (Сдобников, 2015). В связи с этим может возникнуть сложность сохранения особенностей дискурсивной личности автора под влиянием языковой личности переводчика, который «индивидуально, только в силу своего собственного, одному ему присущего мировосприятия, расшифровывает то, что увидел, осмыслил, прочувствовал и затем описал как автор оригинального текста» (Гарбовский, 2016: 414). Дискурсивная личность автора проявляется в многочисленных стилистических особенностях текста, которые переводчику необходимо адекватно передать на переводящем языке. Переводчик как представитель той или иной

культуры порождает гармоничный текст с сохранением всех исходных смыслов.

Поскольку памфлет — это текст, внутренне обращённый к «своему» читателю, мы вправе предположить, что переводчик как представитель «третьей» культуры может испытать своего рода «опосредованный культурный шок». Во-первых, он не сможет абстрагироваться от событий, описываемых в памфлете, и невольно станет анализировать эти события в приложении к своей стране и своим соотечественникам. Во-вторых, переводчик невольно будет проявлять эмпатию и некое сочувствие к участникам коммуникации, что связано в первую очередь с когнитивным багажом переводчика (Горшкова, Запруто, 2017). Именно поэтому, вслед за Л.К. Латышевым, мы полагаем, что каждый переводчик анализирует содержание того или иного произведения в соответствии со своими базовыми ценностями, которые в той или иной степени могут отличаться от ценностей той лингвокультуры, на языке которой было создано оригинальное произведение (Латышев, Тимко, 2012: 45).

В нашем понимании переводчику следует внимательным образом проанализировать исходный текст, чтобы выявить все скрытые и явные смыслы. При этом он не должен «расшифровывать» реципиенту абсолютно все «загадки» оригинала, поскольку реципиент должен воспринимать текст перевода так же, как если бы читал оригинал. Однако то, что, возможно, понятно реципиенту оригинала, но может быть неизвестно представителю другой культуры, следует объяснить, не нарушая целостность текста и его коммуникативную цель.

Приступая к переводу памфлетов, мы учитывали, что произведения изначально обращены к французскому читателю с целью демонстрации реальной действительности, которая его окружает. Поэтому перед нами стояла задача эксплицировать содержание произведений для потенциального читателя (в нашем случае — это среднестатистический российский читатель), вероятно, незнакомого с некоторыми реалиями, постараться максимально отразить коммуникативное намерение автора, особенности его дискурсивной личности, а также тональности произведения. Если при переводе упустить эти моменты из виду, то велика вероятность, что ожидаемый автором эффект не будет воспроизведён до конца и успешная коммуникация не состоится.

В ходе сопоставительного анализа собственного перевода и исходного текста мы выяснили, что основными приёмами перевода стали экспликация, адаптация, компенсация, использование переводческого комментария. Рассмотрим некоторые примеры.

Представленный ниже пример взят из памфлета Р. Дюма и Ж. Вержеса « Sarkozy sous BHL ». В данном фрагменте основную трудность вызывает сравнение Б.-А. Леви, верного «вассала» Н. Саркози, с Лоуренсом Аравийским, ставшим верным другом арабов. Личность офицера британской армии Томаса Лоуренса практически не известна российскому читателю, соответственно, такое сравнение может остаться незамеченным и не произведёт необходимого прагматического эффекта. Дело в том, что Т. Лоуренс во время Первой мировой войны по поручению Британского правительства служил на Ближнем Востоке. В результате, за оказанную помощь он стал именоваться Лоуренсом Аравийским, которого арабы воспринимали как настоящего друга.

Полагаем, читатель может уловить некую связь между добавлением к фамилии Б.-А. Леви определения «Аравийский» и агрессивной внешней политикой в Ливии, но основной посыл останется непонятым. Чтобы компенсировать реакцию реципиента, мы приняли решение эксплицировать роль данной личности, путём уточнения её места в истории. Также мы добавили сноску с объяснением роли Т. Лоуренса в соответствующих исторических событиях:

Et quand vous tentez de donner le change, vous en devenez ridicule. De Gaulle aimait s'entretenir avec Malraux, un écrivain à sa hauteur. Vous croyez l'imiter en vous montrant avec M. Lévy, un mythomane qui se prend pour Lawrence d'Arabie… Lévy d'Arabie, il y a de quoi rire! (p. 13).	И когда Вы пытаетесь ввести всех в заблуждение, Вы выглядите нелепо. Де Голль любил беседовать с Мальро, писателем, достойным его величины. Вы пытаетесь подражать ему, появляясь с г-м Леви, выдумщиком, который представляет себя Лоуренсом Аравийским[1], верным другом арабов… Леви Аравийский, смешно!

[1] *Томас Лоуренс (1888–1935) — британский офицер, названный «Лоуренсом Аравийским» за помощь в победе Арабского ополчения.*

В следующем примере, взятом из этого же памфлета, фигурирует важная отсылка на неподобающее поведение президента — "*pauvre con*". Цитируемое словосочетание неслучайно взято в кавычки, поскольку именно так назвал Н. Саркози одного из своих сограждан на Сельскохозяйственной выставке в 2008 году. Пробираясь сквозь толпу французов, бывший президент великодушно пожимал всем руки и широко улыбался. Но незнакомый мужчина отдёрнул руку со словами: « *Ah non, touche-moi pas! Tu me salis* » (Эй, не трогай

меня! Ты мне неприятен!). В ответ президент Франции произнёс фразу, вскоре разлетевшуюся по всему миру: « *Eh ben casse-toi alors, pauv' con!* » (Ну и проваливай, тупая скотина!).

Короткое 15-секундное видео в считанные часы распространяется в сети, все пользователи интернета начинают осуждать Н. Саркози за такой недопустимый поступок, а фраза становится крылатым выражением. Её употребляют в названиях многочисленных блогов на просторах социальной сети Facebook, она становится источником всевозможных шуток, используется в песнях, политических слоганах, и даже как название настольной игры о выборах. Эта реплика бывшего Президента Франции произвела настоящий фурор в Европе, а авторитетная французская газета *Le Monde* даже опубликовала статью, где приводились различные варианты переводов данной реплики.

Вышесказанное свидетельствует о том, что дословный перевод данной реплики оставил бы адресата в неведении того, что стоит за этими двумя словами. К тому же, на протяжении памфлета авторы несколько раз возвращают внимание читателей к этой аллюзии. В данном случае было бы неуместно вставлять переводческий комментарий в виде сноски, поскольку это нарушило бы ритм произведения, к тому же такая объёмная информация не поместилась бы в сноске. Поэтому, чтобы привлечь внимание потенциального русскоязычного адресата и компенсировать реакцию франкоязычного читателя, мы разъясняем, при каких обстоятельствах была произнесена данная фраза. Тем самым, мы показываем, что за высказанным эксплицитно скрыто нечто большее, что может позволить адресату задаться вопросом и, возможно, постараться найти ответ:

Les rois et les présidents aimaient la langue française. Ils en faisaient un usage magnifique. Il suffit de lire les Bulletins de la Grande Armée ou l'Appel du 18 juin. Vous haïssez la langue française, vous lui préférez l'argot et le verlan, oubliant que le chef de l'Etat, en France, ne s'adressent pas à un Français quel qu'il soit en l'appelant « pauvre con » (p. 12).

Короли и президенты любили французский язык. Они виртуозно им владели. Достаточно прочитать «Бюллетень Великой Армии» или «Речь 18 июня». Вы же терпеть не можете французский язык, Вы предпочитаете арго и верлан (молодёжный сленг), забывая о том, что глава государства, во Франции, не может обращаться к какому бы то ни было французу, называя его «тупой скотиной», как Вы это сделали на Сельскохозяйственной выставке.

В следующем примере речь идёт о роли министра иностранных дел Франции при Н. Саркози. Авторы лишний раз указывают на огромное влияние, оказываемое на президента Б.-А. Леви, и заявляют о том, что роль министра иностранных дел в ведении дел лишь формальна, поскольку, как известно, Н. Саркози принимал решение о введении войск в Ливию без ведома Алена Жюппе, занимавшего должность министра иностранных дел.

В данном примере авторы сравнивают А. Жюппе с ярмарочным шутом, с фриком, над которым все посмеиваются. Помимо этого, они обыгрывают образное выражение « *avaler les couleuvres* », которое имеет значение « *supporter des affronts, des avanies, sans pouvoir se plaindre* » (Когут, 2014: 10), т.е. беспрекословно принимать все обиды и неудачи. Чтобы сохранить некую образность ярмарки, мы вводим образ шпагоглотателя, который, как известно, часто был членом бродячей цирковой труппы:

C'est lui le vrai responsable de votre politique qui sera, hélas! pour quelques mois encore, celle de la France, réduisant le ministre des Affaires étrangères à un rôle de phénomène de foire, avaleur de couleuvres, mais il l'accepte, tant pis pour lui (p. 13).	Это он — главный виновник Вашей внешней политики, которая, увы!, ещё несколько месяцев будет политикой Франции, где роль министра иностранных дел сведена к роли ярмарочного шута, который, подобно шпагоглотателю, проглатывает все обиды, но его это устраивает. И поделом ему.

Автор второго памфлета Ж.-Л. Меланшон, желая показать читателю безразличие Ангелы Меркель к экологической ситуации в Европе, использует выражение « *s'en battre les couettes* ». Данное выражение является эвфемизмом к известному среди французской молодёжи выражению *s'en battre les couilles*, выражающему безразличие и наплевательское отношение говорящего (Linternaute). Эвфемизм строится на созвучие двух слов — *couettes* и *couilles*, благодаря чему читатель с легкостью распознает вульгарное выражение.

При переводе мы прибегаем к использованию приёма адаптации и компенсации и, проанализировав различные эквиваленты французского выражения, останавливаемся на обсценном выражении, имеющем схожее значение в русском языке (Словарь современной лексики…, 2014). При эвфемизации мы опускаем часть выражения, содержащую грубое слово, а глагол «*класть*» заключаем в кавычки. Благодаря этому русскоязычный читатель с лёгкостью догадается, о каком грубом выражении здесь идёт речь, и сохранится коммуникативный эффект. Однако при этом мы потеряем игру слов, присутствующую в оригинале:

Les experts du GIEC peuvent toujours montrer l'urgence croissante de réduire les émissions pour sauver la vie humaine sur la planète, madame Merkel s'en bat les couettes! (p. 26).	Эксперты МГЭИК всё ещё способны доказать возрастающую необходимость сокращения выбросов в атмосферу ради сохранения людских жизней на планете, но госпожа Меркель «класть» на всё это хотела!

Проведённое исследование показывает, что при переводе памфлета важно обращать внимание на проявление дискурсивной личности автора, поскольку данный фактор способствует более точному определению коммуникативного задания исходного текста, выявлению предпосылок создания памфлета, пониманию отношения автора к описываемым лицам и событиям, что способствует принятию адекватных переводческих решений, направленных на сохранение коммуникативного эффекта, т.е. прагматического потенциала текста.

Список литературы

Богин Г.И. Современная лингводидактика: учеб. пособие. Калининград: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.

Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивные характеристики памфлета (переводческий аспект) // Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация», Н.-Новгород: НГЛУ, 2019. Вып. 22. С. 25–34.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.

Гарбовский Н.К. О переводе. М.: ФОРУМ, 2016. 752 с.

Горшкова В.Е., Запруто А.В. «Сельдь Бисмарка» Ж.-Л. Меланшона в контексте полилога культур // Межд. науч.-практ. конф. «Романистика в эпоху полилингвизма» (19–21 октября 2017 г.), М.: МГЛУ, 2017. С. 135–143.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2017. 144 с.

Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. М.: ФЛИНТА, 2017. 208 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Когут В.И. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises: Словарь идиоматических выражений французского языка. СПб.: Антология, 2014. 208 с.

Корниенко Е.Р. Дискурс как продукт речемыслительной деятельности языковой личности // Байкальский гуманитарный журнал, 2019. Т. 8. № 2. С. 264–267.

Латышев Л.К., Тимко Н.В. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2013. № 2. С. 44–49.

Пастухов А.Г. Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // Жанры речи: Сб. ст. Жанр и язык (Электронный ресурс), 2009. Режим доступа: https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6

Плотникова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология», 2008. № 1. С. 131–136.

Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 462 с.

Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия дискурсивной личности // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. № 2. Ч. 1. С. 454–463.

Словарь современной лексики, жаргона и сленга (Электронный ресурс), 2014. Режим доступа: https://argo.academic.ru/

Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 95 с.

Ухова Л.В. Модель описания языковой личности медиаперсоны // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики», 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 65–71.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис… д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 326 с.

Johannès F. Mort de Jacques Vergès, avocat brillant, redouté et parfois haï // Le Monde (Электронный ресурс), 2013. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2013/08/15/l-avocat-jacques-verges-est-mort_3462241_3382.html

Linternaute: Dictionnaire français (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/

References

Bogin G.I. (1980) Sovremennaya lingvodidaktika: Ucheb. Posobie = Modern Linguodidactics. Kaliningrad: Kalinin. gos. un-t. 61 p. (In Russian).

Bogomolova A.V., Gorshkova V.E. (2019) Diskursivnye kharakteristiki pamfleta (perevodcheskii aspekt) = Discursive Characteristics of Pamphlet (Translational Aspect)). Sb. nauch. trudov. Seriya “Yazyk. Kul’tura. KommunikatsiYA”. N.-Novgorod: NGLU. Issue 22, pp. 25–34 (In Russian).

Bolotnova N.S. (2008) Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar’-tezaurus = Communicative Text Style: Dictionary-Thesaurus. Tomsk: Izd-vo TGPU. 384 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2016) O perevode = About translation. Moscow: FORUM. 752 p.

Gorshkova V.E., Zapruto A.V. (2017) “Sel’d’ BismarkA” ZH.-L. Melanshona v kontekste poliloga kul’tur = “Bismarck’s herring” J.-L. Melenchon in the Context of the Polylogue of Cultures). Mezhd. nauch.-prakt. konf. “Romanistika v ehpokhu polilingvizma” (19–21 October 2017 g.), pp. 135–143 (In Russian).

Johannès F. (2013) Mort de Jacques Vergès, avocat brillant, redouté et parfois haï (Electronic version). Le Monde, URL: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2013/08/15/l-avocat-jacques-verges-est-mort_3462241_3382.html

Kaida L.G. (2017) Kompozitsionnaya poehtika publitsistiki: Ucheb. posobie = Compositional Poetics of Journalism. Moscow: FLINTA. 144 p. (In Russian).

Kaida L.G. (2017) Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii — k dekodirovaniyu = Text Style: From Composition Theory to Decoding. Moscow: FLINTA. 208 p. (In Russian).

Karasik V.I. (2004) Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnozis. 390 p. (In Russian).

Karaulov Yu.N. (2010) Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p. (In Russian).

Kogut V.I. (2014) Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises: Slovar' idiomaticheskikh vyrazhenii frantsuzskogo yazyka = French Idiomatic Dictionary. St. Petersburg: Antologiya. 208 p. (In Russian).

Kornienko E.R. (2019) Diskurs kak produkt rechemyslitel'noi deyatel'nosti yazykovoi lichnosti = Discourse as a Product of Speech-Cogitative Activity of a Linguistic Personality. *Baikal'skii gumanitarnyi zhurnal*. Vol. 8. No. 2, pp. 264–267 (In Russian).

Latyshev L.K., Timko N.V. (2013) Otrazhenie tsennostei amerikanskoi lingvokul'tury v khudozhestvennom tekste pri perevode na russkii yazyk = Reflection of the American Linguistic Culture Values in a Literary Text Translated into Russian. *Vestnik MGOU. "Seriya Lingvistika"*, No. 2, pp. 44–49. (In Russian).

Linternaute: Dictionnaire français (Electronic version). URL: https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/

Pastukhov A.G. (2009) Politicheskii pamflet: (ne)umirayushchii zhanr? = Political Pamphlet: (not) a Dying Genre? (Electronic version). Zhanry rechi: Sb. st. Zhanr i yazyk. URL: https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6 (In Russian).

Plotnikova S.N. (2008) Yazykovoe, diskursivnoe i kommunikativnoe prostranstvo = Linguistic, Discursive and Communicative Space. *Vestnik IGLU. Seriya "Filologiya"*. No. 1, pp. 131–136. (In Russian).

Sdobnikov V.V. (2015) Perevod i kommunikativnaya situatsiya: Monografiya (Translation and Communicative Situation). Moscow: FLINTA: Nauka. 462 p. (In Russian).

Sedov K.F. (2016) Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika = General and anthropocentric linguistics. Moscow: Izdatel'skii Dom YASK. 440 p. (In Russian).

Sheigal E.I. (2000) Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. dis... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Volgograd. 326 p. (In Russian).

Sinel'nikova L.N. (2011) O nauchnoi legitimnosti ponyatiya diskursivnoi lichnosti = On the Scientific Legitimacy of the Discursive Personality Concept. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*. No. 2. Part 1, pp. 454–463 (In Russian).

Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga (2014) = Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang. (Electronic version). URL: https://argo.academic.ru/ (In Russian).

Teplyashina A.N. (2000) Satiricheskie zhanry sovremennoi publitsistiki = Satirical Genres of Modern Journalism. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta. 95 p. (In Russian).

Ukhova L.V. (2016) Model' opisaniya yazykovoi lichnosti mediapersony = Model for Describing the Linguistic Personality of a Media Person. *Setevoi zhurnal «Nauchnyi rezul'tat». Seriya "Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki"*. Vol. 2. No. 1 (7), pp. 65–71 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Богомолова Александра Владимировна — преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет. 664003, Сибирский федеральный округ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; bogomolova_av96@mail.ru

Горшкова Вера Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет. 664003, Сибирский федеральный округ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; gorchkova_v@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexandra V. Bogomolova — Lecturer at the Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University. 1, Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Siberian Federal District, Russia; bogomolova_av96@mail.ru

Vera Ye. Gorshkova — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University. 1, Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Siberian Federal District, Russia; gorchkova_v@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'255:22.05/.06

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-129-135

НОВОЕ СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГАРБОВСКИЙ Н.К., КОСТИКОВА О.И. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА: ПРАКТИКА, ТЕХНОЛОГИИ, ТЕОРИИ. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2021. 318 С.)

Георгий Теймуразович Хухуни

Московский государственный областной педагогический университет, Москва, Россия.

Для контактов: khukuni@mail.ru

В рецензии анализируется недавно вышедшая монография Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой, посвящённая истории перевода. Названная книга рассматривает различные аспекты (теоретические, практические, технологические) перевода и переводческой мысли в те или иные эпохи, опирается на большой круг источников и содержит выводы и обобщения, представляющие ценный вклад в современное переводоведение.

Ключевые слова: перевод, история, теория, переводоведение, развитие

Для цитирования: *Хухуни Г.Т.* Новое слово в историческом переводоведении (рецензия на книгу: Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 129–135. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-129-135

Статья поступила в редакцию 31.11.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

NEW WORD IN MODERN TRANSLATOLOGY (ABOUT THE BOOK: GARBOVSKIJ N.K., KOSTIKOVA O.I. ISTORIYA PEREVODA: PRAKTIKA, TEKHNOLOGII, TEORII (HISTORY OF TRANSLATION: PRACTICE, TECNOLOGY, THEORY). MOSCOW: IZDATEL'STVO MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA, 2021)

Georgy T. Khukhuni

Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russia.
For contacts: khukuni@mail.ru

The rewiew is dedicated to the recently published monography by Nikolai Garbovsky and Olga Kostikova on the history of translation. The book is an attempt to analyze different aspects related to the practice, theory and technology of translation in different historical periods. It is based on a wide circle of sources and contains postulates and conclusions that may be appreciated as a valuable contribution to modern translatology.

Key words: translation, history, theory, translatology, development

For citation: *Khukhuni G.T.* (2022) New word in modern translatology (about the book: Garbovskij N.K., Kostikova O.I. Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii (history of translation: practice, tecnology, theory). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 129–135. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-129-135

The article was submitted on November 31, 2022;
approved aft er reviewing on January 28, 2023;
accepted for publication on February 15, 2023.

Хотя в той или иной степени историческая проблематика затрагивалась уже в первых отечественных трудах по теории перевода, написанных с разных позиций (можно назвать выходившие начиная с середины прошлого века работы А.В. Федорова (Федоров, 1953) , Г.Р. Гачечиладзе (Гачечиладзе, 1970), П.И. Копанева (Копанев, 1972) и др.), однако в большинстве случаев исторический обзор носил характер своего рода введения к собственно теоретическим размышлениям автора и к тому же ограничивался относительно небольшим ареалом — в основном, западноевропейским и российским (в тех случаях, когда авторами были представители национальных республик, к ним мог присоединяться соответствующий регион — например, у Г.Р. Гачечиладзе находим очерк, посвящённый переводу в Грузии).

Из трудов, появившихся уже в начале нашего века, необходимо назвать фундаментальное исследование Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2004). Рецензируемую монографию, вероятно, можно в определённом отношении рассматривать как продолжение и развитие этой последней. Однако, как показывает уже само название, на передний план в ней выдвигаются именно проблемы, связанные с историческими аспектами переводоведения. И здесь сразу же обращает на себя внимание одна, на наш взгляд, чрезвычайно важная её особенность.

Хотя тезис о том, что история — дисциплина в первую очередь описательная, имеющая дело с конкретными фактами, вряд ли кто-либо будет в наши дни отстаивать всерьёз, нетрудно убедиться, что во многих работах, в которых в той или иной степени рассматривается история перевода и переводческой мысли, на практике нередко следуют при её разработке именно этому принципу. Как правило, в соответствующих разделах излагается определённая сумма фактов, относящихся к тому или иному периоду и/или региону, и даётся характеристика тем приёмам и методам, которые использовались при межъязыковой передаче. Такого рода подход, несомненно, весьма полезен и ценен. Однако, с другой стороны, важнейшая задача любой науки — выявление закономерностей, присущих историческому процессу, остаётся в значительной степени нереализованной, либо носящей несколько поверхностный характер.

Авторы же рецензируемой монографии начинают её именно с методологических моментов. В открывающей книгу главе всесторонне и глубоко анализируются аксиологические аспекты перевода, обосновывается необходимость рассматривать его историю как с точки зрения того, как переводческая деятельность способствовала развитию цивилизации, так и в ракурсе развития перевода в общецивилизационном контексте.

Особое место занимает вопрос о подходах к периодизации истории перевода. Анализируются различные их виды (социально-экономический, культурно-исторический, методологический, информационно-технологический). Именно последний, исходящий из способа хранения и передачи информации, как указывают Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова, наиболее отвечает сущности перевода, определяемого как «передача информации, заключённой в исходном сообщении, от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного кода к другому» (С. 43–44). Отметим, что ими не отвергаются полностью и другие подходы, в частности, культурно-исторический, поскольку речь идёт о литературном письменном переводе (С. 39–40). Вместе с тем, глубина и фундаментальность методологической стороны исследования

отнюдь не означают какой бы то ни было недооценки того, что в любом случае составляет основу исторического исследования — наличия надёжного и разностороннего фактического материала. Причём, здесь привлекают внимание несколько моментов.

Во-первых, справедливо считая односторонней ситуацию, когда «взгляд на историю перевода ограничивается лишь европейскими представлениями» (С. 40), авторы, по сравнению со многими своими коллегами, значительно расширяют географию своего исследования, включив него материал и по переводу и распространению буддизма в Китае, и драматическую историю помощницы Фердинанда Кортеса при завоевании Мексики Малинче (С. 182–196), и деятельность Джеймса Эванса по созданию письменности для коренных жителей Америки… (С. 131–135).

Во-вторых, наряду с традиционными европейскими странами, в книге уделено внимание и становлению и развитию переводческой деятельности в Канаде, о которой большинству читателей, относительно мало известно (в скобках можно отметить, что в известном смысле это характерно и для других сторон науки и культуры Страны кленового листа — они оказались в своего рода тени США и в отечественных трудах общего характера сведения о развитии в Канаде перевода и переводческой мысли встречаются не слишком часто). Между тем, как это убедительно показывают авторы, становление её как двуязычного англо-французского государства и связанные с этим события наложили заметный отпечаток на их формирование и во многом определило присущую им специфику.

В-третьих, и при рассмотрении таких регионов европейского континента, которые, на первый взгляд, не могут пожаловаться на отсутствие внимания к ним в переводоведческой историографии, Н.Г. Гарбовскому и О.И. Костиковой удалось собрать весьма интересный и ценный материал, в первую очередь — поскольку речь идёт о французской лингвистической традиции. Разумеется, редко какой труд по истории перевода обходится без упоминания имён Жака Амио, или Этьена Доле — но столь подробного рассмотрения, насыщенного малоизвестной (а порой и совершенно неизвестной для подавляющего большинства отечественной аудитории) информацией об их деятельности, трудах и откликах, которые они получили у современников и позднейших исследователей, насколько нам известно, выходившие у нас работы по переводоведению до сих пор не содержали. В этом отношении познавательную ценность содержащихся в монографии сведений сложно переоценить.

Особо следует остановиться на разделе, посвящённом герменевтическим взглядам блаженного Августина. Сами по себе они — что вполне понятно, учитывая значимость этой личности в исто-

рии мировой культуры — разумеется, достаточно давно известны и достаточно много изучались. Однако, как справедливо отмечают Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова, этот крупнейший христианский мыслитель «в истории перевода <…> к сожалению, не занимает столь же значительного места, как его соотечественник и современник блаженный Иероним» (С. 211), а во многих работах, в том числе и специально посвящённых библейскому переводу, даже не упоминается, в то время как он «предвосхищает <…> многие идеи, возникавшие у философов, семиологов и лингвистов, рассуждавших о переводе, о когнитивных процессах в сознании переводчика, о переводческой герменевтике и понимании смыслов оригинала» (С. 213).

Хотя авторы книги весьма подробно и убедительно обосновывают тезис о неправомерности подобного недостаточного (чтобы не сказать пренебрежительного) отношения к наследию блаженного Августина, между тем как «Сегодня герменевтическая основа переводческой деятельности вряд ли подвергается сомнению у исследователей перевода» (С. 211), — однако думается, что большее внимание к блаженному Иерониму со стороны многих исследователей, разрабатывавших историко-переводческую проблематику, вполне объяснимо. Подавляющее их большинство (включая автора этих строк) рассматривало перевод, прежде всего, именно с точки зрения межъязыковой передачи (ср. приведённую выше формулировку «передача информации, заключённой в исходном сообщении, от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного кода к другому»), а следовательно, одним из основных критериев — естественно, при учёте всех остальных — является то, насколько компетентен осуществляющий указанную процедуру переводчик в каждом из этих кодов.

Представляется бесспорным утверждение Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой относительно «современной науки о переводе, давно вышедшей за пределы лингвистики» (С. 213); однако, как нам кажется, это не меняет того обстоятельства, что лингвистика является тем исходным пунктом, из которого переводчик исходит, пока он остаётся таковым. С этой точки зрения, как нам представляется, сохраняют актуальность слова А.В. Федорова о том, что «лингвистическим путём не могут быть объяснены все факты из области перевода <…> но <…> лингвистический путь изучения, не являясь достаточным для постановки и решения всех проблем перевода <…> безусловно, является необходимым в деле их исчерпывающего исследования» (Федоров, 1983: 3–4). В практическом же плане, вероятно, владение исходным и переводным языками — это своего рода арифметика, без знания которой вряд ли можно усвоить высшую математику. А с этой точки зрения преимущество Иеронима

(независимо от роли, сыгранной обоими мыслителями в истории мировой культуры и христианской традиции) вряд ли можно поставить под сомнение. Но необходимости уделять воззрениям блаженного Августина должное внимание в историко-переводческих трудах названное обстоятельство, разумеется, не отменяет.

В связи с деятельностью блаженного Августина хотелось бы коснуться ещё одной темы, представленной в рецензируемой монографии — роли религии в формировании и развитии переводческой традиции. По понятным причинам, в отечественных историко-переводческих трудах прошлого века данная тематика, как правило, не акцентировалась (хотя деятельность блаженного Иеронима или Мартина Лютера в них, разумеется, так или иначе рассматривалась), а немногие работы, касавшиеся специально библейского перевода, шли обычно по ведомству атеистической литературы и носили соответствующий идеологический отпечаток (наглядным примером может служить (Рижский, 1978)). Пожалуй, впервые названная тема, если говорить именно о переводоведческом аспекте, в нашей стране была подробно проанализирована в труде Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2004). В рецензируемой монографии она получила дальнейшее развитие. В соответствующем разделе представлены практически все основные моменты, необходимые для освещения данной проблемы. На наш взгляд, правда, говоря о Реформации, можно было бы упомянуть и о католических версиях Библии, создававшихся в это период именно как противодействие протестантским переводам; однако это, возможно, означало бы некоторый уход в сторону от основной проблематики книги.

Завершая наш разговор, мы хотели бы ещё раз подчеркнуть, что монография Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой является ценным и своевременным трудом, который найдёт отклик не только у специалистов в области переводоведения, но и представителей таких специальностей, как литературоведение, лингвокультурология, история и др., а её появление можно характеризовать как бесспорное научное достижение.

Список литературы

Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1970. 284 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Издательство БГУ, 1972. 395 с.

Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. 208 с.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 374 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

References

Gachechiladze G.R. (1970) Vvedenie v teoriyu hudozhestvennogo perevoda = Introduction to Theory of Literary Translation. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta. 284 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2004) Teoriya perevoda = Theory of Translation. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 544 p. (In Russian).

Kopanev P.I. (1872) Voprosy istorii i teorii hudozhestvennogo perevoda = Problems of the History and Theory of Literary Translaetion. Minsk: Izdatel'stvo BGU. 395 p. (In Russian).

Rizhskij M.I. (1978) Istoriya perevodov Biblii v Rossii = History of Bible Translations in Russia. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie. 208 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1953) Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction to the Theory of Translation. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 374 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1983) Osnovy obshchej teorii perevoda = Foundations of the General Theory of Translation). Moscow: Vysshaya shkola. 303 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного педагогического университета, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24; khukuni@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Georgy T. Khukhuni — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Moscow Region State Pedagogical University. 24 Str. Vera Voloshina, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation; khukuni@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА
УДК: 80
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-136-139

XXIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЛОМОНОСОВ»

Анисия Вячеславовна Алевич,
Елена Михайловна Мешкова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: yemeshkova@mail.ru; anisialevich@yandex.ru

29TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE FOR UNDERGRADUATE AND GRADUATE STUDENTS AND YOUNG SCIENTISTS “LOMONOSOV”

Anisia V. Alevich, Ye.M. Meshkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: yemeshkova@mail.ru; anisialevich@yandex.ru

13 апреля 2022 года в рамках XXIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», традиционно проходящей в Московском университете каждую весну, состоялось заседание секции «Теория, история и методология перевода». В этом году работа секции осуществлялась по следующим направлениям: общая теория, история и дидактика перевода; методология перевода; художественный перевод: методы и критика; сравнительная лингвистика и дискурсология; цифровые технологии в переводе. Принять участие в работе секции можно было как в очном формате (подсекция 1), так и в дистанционном (подсекция 2).

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

В ходе очного заседания подсекции 1 были заслушаны двенадцать докладов, в которых рассматривались актуальные проблемы теории, истории, методологии и дидактики перевода, в частности: использование цифровых технологий в переводе и при обучении различным видам перевода, формирование переводческих компетенций, локализация видеоигровой продукции, языковые особенности различных дискурсов, потенциально представляющие трудность в процессе перевода (термины, модальность), мотивационный и этический аспекты переводческой деятельности.

В работе подсекции приняли участие студенты, аспиранты и молодые учёные Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова и Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Представленные в этом году доклады отличались актуальностью тематики для современной практики перевода. Отдельные выступления вызвали особый интерес аудитории и экспертного жюри, о чём свидетельствовали дискуссии после выступлений. В частности, доклад С.И. Арищенко, посвящённый методике использования параллельных корпусов в процессе локализации видеоигровой продукции, впечатлил актуальностью и инновационностью. В ходе дискуссии было замечено сходство некоторых стилистических приёмов видеоигровых текстов и древнегерманской поэзии, что могло бы стать предметом отдельного исследования.

Экспертное жюри в лице директора Высшей школы перевода, академика Российской академии образования, доктора филологических наук, профессора Н.К. Гарбовского, доктора филологических наук, профессора Л.А. Манерко, кандидата экономических наук, доцента К.Ф. Батанова, кандидата филологических наук, доцента М.Н. Есаковой, кандидата культурологии, доцента Ю.Н. Кольцовой, кандидата филологических наук, доцента О.И. Костиковой, кандидата филологических наук, доцента М.В. Кульгавчук, кандидата филологических наук, доцента Е.М. Мешковой, кандидата филологических наук, доцента С.Г. Ушакова, преподавателя С.А. Жгуневой особо отметило следующие доклады: *Арищенко Станислава Игоревича* «Приёмы использования параллельных корпусов в локализации видеоигровых программных продуктов» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), Москва, Россия); *Гао Цзяи* «Китайские научные школы в обучении переводу с использованием цифровых технологий» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), Москва, Россия); *Аль-Авад Асиль Рафаа* «Способы и структура образования

фармакологической и медицинской терминологии в трудах средневековых арабских учёных» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), Москва, Россия).

В рамках работы дистанционной подсекции 2 были представлены тринадцать докладов, посвящённых вопросам общественно-политического и художественного перевода, толкованию безэквивалентной лексики в комбинации русский язык — китайский язык, особенностям перевода видеоигр, рекламных текстов. В работе подсекции приняли участие студенты и аспиранты Тегеранского университета, Российского университета дружбы народов, Северо-Кавказского федерального университета, Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Севастопольского государственного университета, Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Члены экспертного совета в лице доктора филологических наук, профессора Н.И. Голубевой-Монаткиной, доктора филологических наук, профессора Н.Н. Мироновой, доктора филологических наук, профессора Э.Н. Мишкурова, кандидата филологических наук, доцента Е.С. Конюховой, кандидата филологических наук, доцента О.И. Лыткиной отметили следующие доклады: *Ду Канцзэ* «Рекламные тексты глобальных брендов в России» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), Москва, Россия); *Козлова Юрия Олеговича* «Создание эквиритмического перевода с немецкого языка на русский песни в жанре фолк-рок» (Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия); *Пак Натальи Санг Дуковны* «Особенности предредактирования компрессированных конструкций при машинном переводе англоязычных медицинских текстов» (Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Архангельск, Россия).

Члены экспертного совета отметили высокий уровень докладов, актуальность тем научных исследований и пожелали участникам конференции дальнейших успехов в научной работе.

Диплом победителя секции в этом году получил *Арищенко Станислав Игоревич*, отмеченные экспертным советом участники награждены почётными грамотами. Все молодые исследователи,

принявшие участие в работе секции, получили именной сертификат участника. Тезисы выступлений опубликованы в электронном сборнике конференции «Ломоносов».

Конференция «Ломоносов» — это замечательная возможность для молодых специалистов обсудить актуальные научные проблемы, апробировать результаты своих научных исследований, открыть для себя что-то новое, получить импульс к развитию новых идей и открытий.

ХРОНИКА

УДК: 80

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-140-142

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Анисия Вячеславовна Алевич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: anisialevich@yandex.ru

INTERNATIONAL PHILOLOGICAL FORUM IN MEMORY OF ACADEMICIAN LYUDMILA VERBITSKAYA

Anisia V. Alevich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: anisialevich@yandex.ru

С 24 по 25 ноября в Российской академии образования при поддержке Общества русской словесности и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы состоялся Международный филологический форум памяти академика Людмилы Алексеевны Вербицкой. Президент России В.В. Путин направил участникам форума приветственную телеграмму. «Людмила Алексеевна была крупным учёным, талантливым наставником, ярким, неординарным, увлечённым человеком. Своим истинным призванием она считала заботу о сбережении русского языка, всегда твёрдо отстаивала великие идеалы и ценности отечественной культуры», — отметил В.В. Путин.

На открытии Международного филологического форума состоялась премьера документального фильма «Лица эпохи. Людмила

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Алексеевна Вербицкая». В фильме прослеживался жизненный путь Л.А. Вербицкой от дочери «врага народа» до выдающегося учёного, педагога, президента СПбГУ, почётного президента РАО, полного кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством». В фильме прозвучали слова Л.А. Вербицкой: «Защищая и оберегая русский язык, мы защищаем Россию. Это вопрос нашей национальной безопасности. Будущее России в значительной мере зависит от того, удастся ли нам сохранить нормативный язык и образование».

В ходе пленарного заседания с фундаментальным докладом на тему «Дидактика перевода в эпоху перемен» выступил академик-секретарь отделения образования и культуры РАО, декан факультета Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАО, доктор филологических наук, профессор Н.К. Гарбовский.

В рамках секции Перевод в современном мире было заслушано девятнадцать докладов, посвящённых актуальным вопросам теории и методологии перевода. Координация работы секции осуществлялась ректором МГЛУ И.А. Краевой, академиком РАО Н.К. Гарбовским и профессором Г.Т. Хухуни.

Работу секции открыл доклад ректора МГЛУ И.А. Краевой. С докладами выступили заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков, доктор филологических наук Ян Шичжан; профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук Э.Н. Мишкуров; профессор МГОУ, доктор филологических наук Т.Г. Хухуни; профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук Н.Н. Миронова; старший преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук А.В. Алевич; старший преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук Д.С. Зигмантович; доцент Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, доктор филологических наук З.И. Годизова; доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук О.И. Костикова; профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук В.Л. Коровин; старший преподаватель Свято-Филаретовского Православно-христианского института, кандидат биологических наук, кандидат культурологии О.М. Запрометова; доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук Е.М. Мешкова; доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук А.В. Уржа; доцент Юго-Западного университета, кандидат филологических наук С.А. Колода; профессор, доктор филологических наук Г.В. Овчинникова; профессор Университета имени Сулеймана Демиреля, доктор филологических наук Л.Ю. Мирзоева; старший

преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова Е.А. Васина; декан факультета русского языка Шэньсийского педагогического университета, доктор филологических наук Мэн Ся; преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова Гао Цзяи.

Представленные в ходе работы секции доклады отражали современное состояние науки о переводе. Наука о переводе в своём развитии прошла несколько стадий. Лингвистическая парадигма, доминировавшая на начальном этапе теоретической стадии науки о переводе, соответствовала структуре классической науки. Осознание узости границ чисто лингвистического подхода привело к пониманию междисциплинарности науки о переводе как взаимосвязи различных лингвистических дисциплин в рамках макролингвистики. В начале XXI века на смену междисциплинарности пришло осознание трансдисциплинарности науки о переводе, воспринимаемой в качестве системы, которую отличают иерархичность, многоуровневость и структурность.

В докладах участников получили освещение лингвистические, когнитивные и герменевтические особенности перевода. Современные технологии в области синхронного и машинного перевода обсуждались наряду с антиномиями перевода и основополагающими категориями, отсылающими к временам Античности. Перевод представал в качестве художественного творчества, особого вида искусства. Разнообразие представленных тем отражает онтологические, телеологические и гносеологические особенности перевода. Выступления участников сопровождались оживлённой дискуссией, способствующей дальнейшей разработке фундаментальных вопросов науки о переводе.

ХРОНИКА
УДК: 80
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-143-146

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА»

Мария Николаевна Есакова,
Кристина Николаевна Ковалева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: maria_esakova@mail.ru

12TH INTERNATIONAL CONFERENCE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE REFLECTED IN TRANSLATION

Maria N. Esakova, Kristina N. Kovaleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow,Russia
For contacts: maria_esakova@mail.ru

С 13 по 15 мая 2022 года в пансионате «Университетский» (г. Звенигород, Московская область) состоялась XII международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода», посвящённая 240-летию образования переводческой семинарии при Императорском Московском университете.

Организаторами конференции выступил факультет Высшая школа перевода Московского государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова и Российская академия образования. Конференция была организована при содействии АНО Институт перевода (Российская Федерация) и Центра русского языка и русской культуры (фонд «Русский мир») Фракийского университета имени Демокрита (г. Комотини, Греция).

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Следует отметить, что международная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» — это уникальная площадка для обмена научными мнениями в сфере перевода, межкультурной коммуникации и преподавания иностранных языков. Здесь каждый участник, как начинающий исследователь, так и опытный учёный, может найти для себя много нового и интересного, а также поделиться с коллегами своими научными исследованиями и разработками.

Уже двенадцатый год конференция собирает учёных, переводчиков, педагогов и аспирантов со всего мира. Всего в конференции приняло участие более 100 человек из разных стран мира: России, Греции, Азербайджана, Китая, Армении, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Италии, Казахстана, Германии, Австрии, Киргизии.

В этом году программа конференции включала в себя как традиционные очные научные заседания, так и дистанционные онлайн выступления.

Работу конференции открыл председатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода, академик Российский академии образования, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский. В своём приветственном слове участникам конференции он кратко рассказал об истории организации предыдущих конференций и выразил надежду на плодотворную работу в рамках конференции в нынешнем году.

Первое пленарное заседание открыла академик РАО Н.И. Михайлова. Она представила доклад «Архаизмы русского языка в стихотворных переводах с французского Натальи Муромской», рассказав о проблемах воспроизведения стилевых особенностей оригинальных текстов XIX века в стихотворном переводе.

Следующий доклад в рамках пленарного заседания был сделан Н.К. Гарбовским. Он посвятил своё выступление 240-летию образования переводческой семинарии при Императорском Московском университете. В докладе Н.К. Гарбовский отметил основные вехи истории переводческой деятельности и обучения переводу в Московском университете.

На втором пленарном заседании выступали профессора Панъевропейского университета (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) Бранимир Чович и Л.И. Чович. Их доклад «Игра переводами: особенности перевода паремий о женщинах с русского на близкородственный сербский язык» был посвящён анализу переводов паремий о женщине с русского языка на сербский. Исследователи отметили, что данные паремии «пополняют сферу базовых стереотипов культурного мировидения, его эталонов, обычаев, и в этом

качестве выступают как языковые экспоненты культурных знаков, как и исследование дискурсов, относящихся к художественному стилю, служащих источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык». Доклад вызвал оживлённую дискуссию на тему языка и культуры, гендерной психологии и её отражению в русском и сербском языках.

В течение двух дней участники обсуждали актуальные вопросы в сфере теории, истории, методологии и дидактики перевода, межкультурной коммуникации, а также преподавания русского языка как иностранного.

В рамках конференции работали следующие секции: «Дидактика перевода», «Русский язык: язык науки и образования», «Методология перевода», «Русский язык и литература в мировом культурном пространстве», «Вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации», «Когнитивный подход в лингвистике и науке о переводе», «Лингводидактика», «История перевода vs история языка», «Перевод как вектор научных знаний и культурных ценностей». В системе подготовки переводчиков-синхронистов. Доклады, сделанные в рамках перечисленных секций, каждый раз завершались широкими дискуссиями, что подтверждает актуальность и своевременность поднятых во время работы конференции проблем и вопросов.

В рамках конференции также состоялась презентация монографии Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой «История перевода. Практики, технологии, теории». Книга вызвала большой интерес у аудитории. Авторам было задано много вопросов, касающихся истории перевода в разные периоды.

Программа конференции включала в себя и культурно-просветительские мероприятия.

Приятным подарком участникам конференции стал творческий вечер поэта-переводчика Натальи Муромской, который прошёл на одном дыхании. Положительные эмоции и заряд энергии получили участники конференции через стихи, переводы, миниатюры и остроумные комментарии.

Театральная студия «Метаморфозы» Высшей школы перевода представила литературно-музыкальную композицию «Я сердцем никогда не лгу…», посвящённую жизни и творчеству Сергея Есенина. Зрители услышали стихи, частушки и романсы поэта в исполнении студентов и преподавателей факультета. Участники конференции дали высокую оценку выступлению творческого коллектива факультета. Было отмечено, что творческий коллектив факультета

смог очень точно и правдиво воссоздать образы С. Есенина, В. Маяковского, А. Дункан и др., а также передать ту атмосферу, в которой жил и трудился великий русский поэт.

За три дня работы конференции докладчики и слушатели из разных стран мира обменялись опытом, поделились своими наблюдениями и размышлениями об истории и современном состоянии русского языка, проблемах обучения русскому языку как иностранному и как родному, судьбах произведений русской литературы в мировом культурном пространстве, обсудили будущее переводческой профессии и особенности преподавания перевода в современных условиях.

Итоги работы конференции подвёл председатель организационного комитета, директор Высшей школы перевода, академик Российский академии образования Н.К. Гарбовский. Он отметил широкую проблематику докладов, с которыми выступали исследователи, а также большой интерес участников конференции к темам, затронутым в докладах.

Также на торжественном закрытии конференции выступили член организационного комитета Э. Харатсидис (Фракийский университет имени Демокрита), профессор Высшей школы перевода Л.А. Манерко, профессор Воронежского государственного университета Е.А. Алексеева. Они выразили глубокую благодарность организаторам конференции и подчеркнули, что ежегодная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» является важным научным мероприятием и для переводчиков, и для филологов, и для лингвистов, и для всех тех, кому дороги русская культура и русский язык на всех территориях мира, и выразили надежду на встречу в будущем году на XIII Международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

ХРОНИКА
УДК: 80
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-147-148

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ «ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ПЕРЕВОД»

Мария Николаевна Есакова,
Кристина Николаевна Ковалева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: maria_esakova@mail.ru

IX INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL FORUM “LANGUAGES. CULTURE. TRANSLATION”

Maria N. Esakova, Kristina N. Kovaleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow,Russia
For contacts: maria_esakova@mail.ru

С 10 по 13 ноября 2022 года в пансионате «Университетский» Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова проходил IX Международный научно-образовательный форум «Языки. Культуры. Перевод», посвящённый году культурного наследия народов Российской Федерации. Организаторы Форума — Российская академия образования и Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Вот уже девять лет Форум «Языки. Культуры. Перевод» является открытой площадкой обмена мнениями как опытных специалистов, известных учёных в области теории и методологии перевода, филологии, лингвистики, педагогики, межкультурной коммуникации и других отраслей гуманитарных наук, так и молодых исследователей, делающих первые шаги в изучении проблем международного общения, перевода, преподавания русского языка как иностранного.

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Всего в конференции приняло участие более 170 человек из университетов России, ближнего и дальнего зарубежья. География форума обширна: это Азербайджан, Ирак, Испания, Италия, КНР, Марокко, ОАЭ, Россия, Тунис.

В этом году программа включала в себя как традиционные научные заседания, где можно было послушать доклады и принять участие в научных дискуссиях, так и увлекательные практические занятия для студентов переводческих специальностей мастер-классы, квесты и викторины по переводу, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также разнообразные творческие мастерские.

Подарком для участников Форума стала презентация результатов научной, учебной и творческой деятельности студентов и преподавателей Высшей школы народных искусств (академии) «Русское искусство вдохновляет...». Высшая школа народных искусств (академия), расположенная в Санкт-Петербурге — это уникальное учебное заведение, где тщательно оберегается и сохраняется великолепие художественного наследия России, развиваются и передаются новым поколения многолетние традиции художественных промыслов. В школе обучаются художники традиционно-прикладного искусства.

На этом приятные сюрпризы для участников форума не закончились. Известный литературовед-пушкинист, доктор филологических наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Государственного музея имени А.С. Пушкина Наталия Ивановна Михайлова познакомила участников Форума с «неизвестным Пушкиным», поведав о том, какие тайны скрывают хорошо всем известные строки сочинений поэта. Это прекрасный повод задуматься о том, как важно уметь правильно читать, слышать и слушать литературные шедевры.

Театральная студия «Метаморфозы» Высшей школы перевода представила литературно-музыкальную композицию «Перевод: ремесло, искусство, жизнь…» в исполнении студентов и преподавателей факультета, повествующую об особенностях и сложностях перевода художественных произведений разных жанров.

За время работы участники Форума — докладчики, слушатели, гости смогли пообщаться и обменяться опытом, поделиться своими наблюдениями и размышлениями об истории, теории и методологии перевода в современном мире, о традициях и инновациях в современных концепциях обучения иностранному языку, о проблемах межъязыковой и межкультурной коммуникации, о важности сохранения национальных культурных традиций и творческого наследия разных народов.

ХРОНИКА

УДК: 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-149-154

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ. III МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Станислава Евгеньевна Котова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Для контактов: stanislava.serkova@mail.ru

TRANSLATION DIDACTICS IN DIGITAL ERA. III INTERNATIONAL METHODICAL SEMINAR

Stanislava E. Kotova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: stanislava.serkova@mail.ru

12 октября 2022 года в Российской академии образования прошёл III Международный методический семинар «Дидактика перевода в цифровую эпоху», организованный совместно Высшей школой перевода (факультетом) МГУ имени М.В. Ломоносова и отделением образования и культуры Российской академии образования. Семинар был приурочен к 100-летию со дня рождения переводчика, педагога и учёного, стоявшего у истоков развития теории и методики преподавания устного перевода, Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева. Его многочисленные труды, основанные на богатом личном переводческом опыте, на исследовательской, преподавательской и экспериментальной работе, стали моделью в дальнейшей разработке научных исследований в области устного перевода и практической подготовки устных переводчиков.

В работе круглого стола приняли участие исследователи из России и Китая. С научными докладами выступили академик-се-

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

кретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор Николай Константинович Гарбовский; заместитель директора Высшей школы перевода по научной работе, профессор Ольга Игоревна Костикова; профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Алла Петровна Миньяр-Белоручева; доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев; начальник кафедры французского языка ВУ имени князя Александра Невского МО РФ Ольга Валентиновна Оришак; заведующий кафедрой французского языка МГИМО МИД России Михаил Константинович Огородов; преподаватель Высшей школы перевода, кандидат филологических наук Дарья Сергеевна Зигмантович; кандидат филологических наук Юэ Жуйин.

Семинар был открыт научным докладом «Лингводидактика и дидактика перевода: новые вызовы — новые возможности» академика-секретаря отделения образования и культуры РАО, директора Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова Николая Константиновича Гарбовского. В своём выступлении он подчеркнул, что главная задача дидактики, сформулированная ещё в давние времена, остаётся прежней и состоит в том, чтобы, используя веские аргументы, ответить на два вопроса — чему учить и как учить. Традиционно преподаватели и исследователи стремились провести чёткую грань между лингводидактикой и дидактикой перевода, стараясь доказать, что это вещи разные. Однако, современная ситуация в образовании характеризуется новыми вызовами, которые необходимо учитывать преподавателям как языка, так и перевода. Сегодня перед лингводидактикой стоит основной вопрос, почему же студенты, так долго изучающие иностранный язык, так плохо им владеют. Раньше язык учили с образовательной целью — для развития когнитивных процессов и с практической целью — для осуществления коммуникации. На данный же момент образовательная функция языка сошла практически на нет, так как на смену традиционным дидактическим моделям пришёл коммуникативный подход. Более того, нашествие гаджетов и цифровых платформ, которые обеспечивают коммуникацию, вытесняет изучение языков из практической сферы, таким образом, и мотивация в изучении языка стремительно падает.

Соответственно, вновь возникает вопрос о методике преподавания. Академик Н.К. Гарбовский отметил, что студенты, которые изучают иностранный язык с нуля, резко повышают свой уровень,

когда доходят до занятий по переводу. Следовательно, становится очевидно, что именно перевод должен сыграть ту самую корректирующую функцию в методике преподавания иностранного языка, тем самым инструментом, который трансформирует коммуникативный подход таким образом, чтобы он, во-первых, восстановил образовательный потенциал изучения иностранных языков, а во-вторых, сделал бы иностранный язык действительно интересным. Таким образом, представляется необходимым посмотреть на преподавание иностранного языка через сопоставление, через сравнение, то есть через рациональное его познание и через рациональное им овладение.

Именно методике преподавания языка и перевода были посвящены многочисленные труды Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева. Однако в своём выступлении доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев, делясь жизненными воспоминаниями, отметил, что занятия с Р.К. Миньяр-Белоручевым и были основным источником мотивации для студентов, то есть она шла непосредственно из процесса обучения. Соответственно, невзирая на новые вызовы, которые диктует нам окружающий мир, личность преподавателя, а также внутренняя мотивация студента остаются необходимыми.

Поделилась личными воспоминаниями о выдающемся учёном и профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Алла Петровна Миньяр-Белоручева, а также напомнила о ключевых научных достижениях Рюрика Константиновича. В качестве примера была приведена книга Р.К. Миньяр-Белоручева «Как стать переводчиком».

Кандидат филологических наук, преподаватель Высшей школы перевода Дарья Сергеевна Зигмантович также отметила весомый вклад Р.К. Миньяр-Белоручева в дидактику перевода. Именно его работа «Методика обучения переводу на слух» стала знаменательной вехой в истории исследований устного перевода, когда произошёл переход к теоретической стадии в науке об устном переводе. В своём докладе «Советская школа устного перевода: методика обучения устному синхронному переводу» Д.С. Зигмантович отмечает, что вопреки существующему мнению, теоретизация устного последовательного и синхронного перевода, а также проведение экспериментов в СССР, Западной Европе и США начались одновременно, однако цели, преследуемые учёными, были разные. Представители западноевропейской и американской научных школ обращались к исследованию УСП для решения задач преимущественно в области

психологии, в то время как советские исследователи — практикующие переводчики, сотрудничающие с психологами, — стремились именно к совершенствованию дидактики устного перевода. Работа Р.К. Миньяр-Белоручева положила начало крупномасштабным исследованиям устного перевода в СССР и сформировала советскую школу устного перевода.

Р.К. Миньяр-Белоручев известен прежде всего как специалист по устному последовательному переводу, однако в его «Методике обучения переводу на слух» целая глава посвящена дидактическим аспектам синхронного перевода, что также заложило основу дальнейших исследований в области синхронного перевода и его дидактики.

Важность данного труда также подчеркнула исследователь из Китая, кандидат филологических наук Юе Жуйин. Именно методика обучения устному переводу, разработанная Р.К. Миньяр-Белоручевым, легла в основу подготовки китайских переводчиков, работающих с русским языком.

Начальник кафедры французского языка ВУ имени князя Александра Невского МО РФ Ольга Валентиновна Оришак также отметила неоценимый вклад Р.К. Миньяр-Белоручева в развитие советской переводческой школы, заметив, что именно он в 1962 году основал и возглавил кафедру французского языка в Военном университете, которая существует и по сей день, несмотря на существование кафедры романо-германских языков. 9 сентября 2022 году прошло открытие именной аудитории Р.К. Миньяр-Белоручева — с участием курсантов, преподавателей и родственников.

О.В. Оришак отметила, что, учитывая давление цифровизации, в подготовке переводчика на первый план выходит поисковая компетенция. Переводчик уже не должен стремиться приобрести энциклопедические знания, но должен уметь быстро получить необходимую информацию, владеть инструментарием поиска. В этой связи использование электронных учебных изданий становится весьма перспективным. О.В. Оришак поделилась опытом создания такого учебного издания в Военном университете. Над его разработкой трудились специалисты в области информационных технологий, используя две программы-конструктора: Sunrav и iSpringSuite. Данное пособие включает учебную часть, контролирующую часть, а также методические рекомендации по использованию. Текстовая составляющая в данном учебном издании ограничена, то есть оно максимально вовлекает слух и эмоциональную память. Оно направлено на повышение мотивации в обучении, расширение навыков, интерактивность, визуализацию и структуризацию. Пособие составлено

таким образом, что позволяет проводить практические занятия, текущий и промежуточный контроль, а также оптимизировать соотношение материала на аудиторную и самостоятельную работу.

Заместитель директора Высшей школы перевода по научной работе, кандидат филологических наук, профессор Ольга Игоревна Костикова также отмечает, что научить переводчика всему невозможно, но можно научить его составлять «информационные шпаргалки», осваивать за короткий промежуток времени довольно большой объём информации и определённое лексико-семантическое пространство, при условии, что у переводчика есть все необходимые навыки и он знает, как это делать. Всё это позволяет переводчику очень быстро подготовиться и собрать необходимую терминологическую базу на двух языках. Данный фактор также обуславливает актуальность и жизнеспособность теории, построенной Р.К. Миньяр-Белоручевым. Он полагал нецелесообразным выделять отдельно юридический перевод, отдельно медицинский или экономический перевод и подготовку переводчиков по этим частным направлениям. Ведь одна и та же теория специального перевода будет обслуживать разные области знаний.

О.И. Костикова подчёркивает актуальность положений Р.К. Миньяр-Белоручева, выведенных им в труде «Теория и методы перевода». Прежде всего, Рюрик Константинович сразу попытался доказать то, что наука о переводе — наука самостоятельная и выходит за рамки лингвистики. Для этого он прибег к очень простым и понятным аргументам: любая наука, которая претендует на самостоятельность, должна иметь свой объект, свой предмет и свою терминологию. В отличие от объекта исследования лингвистики он представляет перевод не просто коммуникацией с использованием двух языков, а коммуникацией с использованием двух языков, включающей коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя. Центральным звеном этой коммуникации оказывается деятельность переводчика, то есть перевод, который представляет собой один из сложнейших видов деятельности.

Благодаря такому определению объекта науки о переводе подчёркивается её трансдисциплинарный характер. Наука о переводе многогранна и многоярусна, он пользуется подходами и методами самых разных дисциплин при моделировании процесса перевода и исследовании результатов переводческой деятельности, при этом имея свой объект и свой предмет, и свою терминологию.

Многообразие процесса перевода ставит вопрос о необходимости различать как минимум три подвида теории: общую теорию

перевода, теории отдельных видов перевода и частные теории перевода. Общая теория перевода является универсальной и касается всего того, что характеризует коммуникацию и процесс перевода независимо от условий его реализации, жанров, языков в контакте. И здесь, что тоже крайне важно для науки (для самостоятельной науки) можно говорить об универсалиях. Это так называемые переводческие универсалии. Рюрик Константинович отличает их от универсалий лингвистических. Если лингвистическая универсалия — это всё, что свойственно всем языкам мира, то переводческая универсалия — то, что свойственно любому виду перевода независимо от языков, жанров, условий реализации: инвариант, соответствия, единица перевода, буквализмы, способы перевода, информационный запас, компоненты акта коммуникации и т.д. О.И. Костикова отмечает, что каждая из выведенных универсалий может стать предметом дальнейших исследований.

Участники семинара, среди которых были и близкие родственники Рюрика Константиновича, поделились воспоминаниями о выдающемся учёном, обсудили актуальность его научной теории, наметили пути совершенствования и дальнейшего исследования предложенных им моделей, в том числе и с точки зрения использования цифровых платформ, обозначили образовательный потенциал переводческой деятельности, а также сформулировали основные вопросы, на которые научному и профессиональному сообществу ещё предстоит ответить.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА» за 2022 год

№ 1

Технологии перевода
Биктимиров А.Р., Груздев Д.Ю. Перевод с листа как альтернативный способ выполнения письменного перевода 7

Лингвокультурологические вопросы перевода
Алексеева Е.А. Иноязычный урбаноним как индикатор поликультурного диалога 27
Максудов У.О. Межкультурная асимметрия в художественном переводе. . . . 38
Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Особенности перевода аббревиатур в PR-дискурсе 55
Шмелёв В.В. О наиболее опасных разновидностях англоязычных калек в современном французском языке 72

Лингводидактика и дидактика перевода
Васильева И.И. Смешанные и универсальные методики преподавания английского языка и перевода в дистанционном и очном обучении: что нового? 92
Лю Ди. О типологии учебников по устному переводу русского языка, изданных в Китае 105
Сунь Миньцин, Хуан Чжунлянь. Ценность и применение НКРЯ в процессе обучения переводу (на примере русско-китайского перевода) 128

Вопросы терминологии
Бавдинов Р.Р., Жапарова А.А. Формирование лексики в сфере информационных технологий и её передача на русский язык (на материале уйгурского языка) 145
Цзюй Юньшэн. Глубокое значение «перевода» медицинских терминов русского языка на китайский язык 158

№ 2

Общая теория перевода
Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Экопереводоведение: новая парадигма переводческих исследований в Китае. 7
Ли Цзясинь. Сходства и различия между экопереводоведением и западными теориями перевода 26

Методология перевода
Арищенко С.И. Архаизация лексики в видеоиграх. Источники архаичной лексики и её передача в локализации 44

© 2022 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
© 2022 Lomonosov Moscow State University

Гу Хунфэй, Чожу Шиюй. Влияние контекстуальности текста на русско-китайский устный перевод и исследование соответствующей стратегии . . . 59
Мансур Леда (переводчик — *Богданова Ю.А.*) Переводить юмор в «Трилогии» Нагиба Махфуза: перевод во всех своих проявлениях. 73
Махнуш И., Шлер И. Способы компенсации при переводе стихотворений с персидского языка на русский (на материале «Гулистан» Саади Ширази. Перевод Р. Алиева, А. Старостина) 97

Лингводидактика и дидактика перевода

Кольцова Д.А. Формирование переводческих компетенций в цифровую эпоху 114
Назарова Т.Б. Перевод в деловых целях и актуальные проблемы двуязычной учебной лексикографии 125
Чжао Мэнсюэ. О методике ПУИЯ в преподавании русско-китайского перевода с листа 142
Чэнь Чжу. Изучение моделей подготовки спортивных переводчиков русского языка в китайских вузах в преддверии зимних Олимпийских игр . 158

№ 3

Общая теория перевода

Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Сравнительный анализ исследований переводческих технологий в Китае и России в цифровую эпоху 7

Методология перевода

Сунь Цюхуа. Исследование двукратного сходства в переводе метафоры 31

Лингвистические аспекты перевода

Васильева Ю.В. Понятийная особенность перформативных высказываний с глаголом “to suggest” в английской научной речи 55
Павленко В.Г. Когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические характеристики ментального глагола *expect* и его производных (на материале английского языка). 68
Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык. 78
Юсупова С.М. Сопоставительный аспект ценности согласия во фразеологии (на материале английского, немецкого и русского языков) 93

Культурологические аспекты перевода

Цыганская О.Г., Лизенко И.И., Макарова О.С. Интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе и её основные этнолингвистические особенности. 105

Вопросы терминологии

Цзюй Юньшэн. Влияние теории советско-российской терминологии на исследование терминологии в Китае 119

№ 4

Общая теория перевода

Гарбовский Н.К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе 7
Костикова О.И. Переводчик на рубеже цивилизаций. 25

Методология перевода

Ибрагимшарифи Шлер, Галебанди Сафура. Трудности перевода русских частиц на персидский 47

Конурбаев М. Э., Ганеева Э. Р. К вопросу о компрессии в синхронном переводе в разных видах дискурса 59
Политова А.А. Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей 79
Дидактика перевода
Царева Н.Ю. Категория связности как ключ к формированию текстовой компетенции будущего переводчика 99
Лингвистические аспекты перевода
Богомолова А.В, Горшкова В.Е. Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте 108
Рецензии
Хухуни Г.Т. Новое слово в историческом переводоведении (Рецензия на книгу: Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории). М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.) 129
Хроника научной жизни
Алевич А.В., Мешкова Е.М. XXIX Международная научная конференция «Ломоносов» 136
Алевич А.В. Международный филологический форум памяти академика Людмилы Алексеевны Вербицкой 140
Есакова М.Н., Ковалева К.Н. XII Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» 143
Есакова М.Н., Ковалева К.Н. IX Международный научно-образовательный форум «Языки. Культуры. Перевод» 147
Котова С.Е. Дидактика перевода в цифровую эпоху. III Международный методический семинар 149
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2022 год. 155

INDEX OF THE ARTICLES AND MATERIAL
PUBLISHED IN THE JOURNAL "VESTNIK MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA 22. TEORIYA PEREVODA" in 2022

No. 1

Translation techniques
Biktimirov A.R., Gruzdev D.Yu. Written translation via sight translation 7
Linguistic Aspects of Translation
Alekseyeva Ye.A. Foreign toponyms as markers of polycultural dialogue 27
Maksudov U.O. Intercultural asymmetry in literary translation 38
Minyar-Beloroucheva A.P., Sergiyenko P.I. Translating abbreviations in PR discourse 55
Shmelyov V.V. On the most dangerous varieties of English-speaking loan translations in modern French 72
Foreign language didactics and Translation Didactics
Vasilyeva I.I. Hybrid or universal methods of teaching English and translation studies via distance and face-to-face learning: what's new? 92
Liu Di. On the typology of Russian interpretation textbooks published in China 105
Sun Minqing, Huang Zhonglian. The use of the Russian national corpus in teaching translation: a case study of Russian-Chinese translations 128

Terminology Issues
Bavdinov R.R., Zhaparova A.A. Formation of information technology vocabulary and its renderring into Russian: based on the material of the Uyghur language. 145
Ju Yunsheng. The profound meaning of "translating" Russian medical terms into Chinese 158

No. 2
General Translation Theory
Gu Junling, Sun Jianfeng. Eco-translatology: a new paradigm of translation studies in China 7
Li Jiaxin. Ecotranslatology in the light of Western translation studies 26
Translation Methodology
Arishchenko S.I. Videogames' archaic lexis. The sources of archaic lexis and its localization techniques 44
Gu Hongfei, Zhou Shiyu. A study on the influence of discourse situationality on Russian interpreting and interpreting strategies 59
Léda Mansour (Translated by *Yulia Bogdanova*). Translation of humor in "The Trilogy" by Naguib Mahfouz: translation in all its tendencies 73
Iskandary M., Shler E. Methods of compensation when translating poems from Persian into Russian: a case study of "Gulistan" by Saadi Shirazi as translated by R. Aliyev and A. Starostin 97
Foreign Language Didactics and Translation Didactics
Koltsova D.A. Formation of translation competences in the digital age. 114
Nazarova T.B. Translation for business purposes and current issues in bilingual learner lexicography 125
Zhao Mengxue. On the methodology of Beijing Foreign Studies University in teaching Russian-Chinese sight interpreting. 142
Chen Zhu. Studying models of training sports translators from the Russian language in Chinese universities on the eve of the Winter Olympic Games 158

No. 3
General Translation Theory
Gu Junling, Sun Jianfeng. A comparative analysis of translation technology research in China and Russia in the digital age 7
Translation Methodology
Sun Qiuhua. Research into quadratic similarity in metaphor translation 31
Linguistic Aspects of Translation
Vasilyeva Ju.V. Notion-related features of the performatives comprising the verb "to suggest" in English academic discourse 55
Pavlenko V.G. Cognitive-pragmatic and semantic-syntactic characteristics of the mental verb *expect* and its derivatives (in the English language) 68
Shapich Yu.L. On the destructive influence of linguistic interference in the translation of Chekhov's stories into Serbian 78
Yusupova S.M. The comparative aspect of the value of consent in phraseology (evidence from the English, German and Russian languages). 93
Culturological Aspects of Translation
Tsyganskaya O.G., Lizenko I.I., Makarova O.S. Intercultural communication in the North Caucasus historical and cultural region and its main ethnolinguistic features 105

Terminology Issues
Ju Yunsheng. The influence of Soviet and Russian terminology on the present-day Chinese terminology research. 119

No. 4

General Translation Theory
Garbovsky N.K. "There can be no such science." Towards the epistemology of the science of translation 7
Kostikova O.I. Interpreter between two civilizations. 25

Translation Methodology
Shler E., Safoora G. Difficulties in translating Russian particles into Persian 47
Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. Compression in simultaneous interpreting in different types of discourse. 59
Politova A.A. Unification of translation of Chinese toponyms into Russian in view of their structural peculiarities 79

Translation Didactics
Tsareva N.Yu. The category of connectivity as the key to the text competence of the future translator. 99

Linguistic Aspects of Translation
Bogomolova A.V., Gorshkova V.Ye. Discursive personality of the author of a pamphlet from a translation perspective 108

Reviews
Khukhuni G.T. New word in modern translatology (about the book: Garbovskij N.K., Kostikova O.I. Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. 318 p.). 129

Chronicles of Scientifi c Life
Alevich A.V., Meshkova Ye.M. The 29th international scientific conference for undergraduate and graduate students and young scientists "Lomonosov" 136
Alevich A.V. International philological forum in memory of academician Lyudmila Verbitskaya 140
Yesakova M.N., Kovalyova K.N. The 12th international scientific conference "The Russian Language and Culture in the Mirror of Translation". 143
Yesakova M.N., Kovalyova K.N. The 9th international scientific and educational forum "Languages. Culture. Translation" 147
Kotova S.E. Translation didactics in digital ERA. The 3rd international methodical seminar. 149
Index of the articles and material published in the journal "Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda" in 2022 155

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 31.03.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 70 экз. Изд. № 12086. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2022. №4. С. 1–160